

ДЖОН Г.БЕННЕТТ
УЧИТЕЛЯ МУДРОСТИ

ТУРКЕСТАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

www.turklib.uz

ДЖОН Г.БЕННЕТТ

Дж. Г. Беннетт был человек разносторонний и замечательный. Всю свою долгую жизнь (1897-1974) он искал вечные истины - знание, сокрытое в глубине истории и внутри человека.

Беннетт был одним из главных и наиболее успешных учеников Гурджиева. Они познакомились после мировой войны, в Турции, где Беннетт представлял британскую разведку. Ему было всего 23 года, он говорил на многих языках и к нему за советом обращались важные люди Оттоманской империи. Способности к языкам и восточной дипломатии оченьгодились Беннетту в жизни.

Беннетт стал посредником между Западом и Востоком. Но он не был простым передаточным механизмом - рупором или переводчиком. На Западе он был уважаем как человек деятельный и практичный, а на Востоке ценили его понимание и доверяли знание, прежде недоступное европейцам.

Всю свою жизнь Беннетт учился и учил других. Он был очень самостоятельным и трезвым человеком и обладал талантом совмещать традицию и постоянный поиск. Читать его книги полезно - он мыслил сложно и громоздко, но излагал последовательно и точно. Самые трудные для восприятия вещи предстают у него разъятыми на простые части. Простота эта обманчива, но притягивает ум и сердце.

Конфуций говорил о себе так: " В пятнадцать лет я ощутил стремление учиться; в тридцатилетнем возрасте я утвердился; достигнув сорока, освободился от сомнений; в пятьдесят познал веление Неба; в шестьдесят мой слух обрел проникновенность; с семидесяти лет я следую желаниям сердца, не нарушая меры".

Именно Беннетт пригласил в Англию Пака Субуха, и приложил много усилий для распространения [СУБУДа](#) по всему миру. Католическое вероисповедание не помешало ему помогать Идрису Шаху, который был послан на Запад суфийскими шейхами. "Твердые" гурджиевцы воспринимали это как измену общему делу, так же после думали субудские люди.

Умирая, Гурджиев оглядел учеников, столпившихся у его постели, и сказал только: "Ну и влипли же вы!..." Возможно, Беннетт правильное всех истолковал последние слова учителя. Гурджиев был свободный человек, и завещал жить свободно и бдительно.

Беннетта невозможно втиснуть в рамки одного или даже нескольких учений. Безусловно, что это один из важнейших людей XX века, но истинные масштабы его деятельности пока не вполне проявлены, даже в Англии о нем знают недостаточно. Благодаря усилиям редактора [Л.Н.Долгопольского](#) и переводчиков Пылаевой С.А. и Долгопольского А.Л. книги Беннетта теперь доступны русским читателям.

Издатели перечеркнули значок копирайта и пояснили, что права на перевод этих книг ПРИНАДЛЕЖАТ ВСЕМ, а любые перепечатки приветствуются.

Спасибо им за их труд и понимание.

ДЖОН Г.БЕННЕТТ

УЧИТЕЛЯ МУДРОСТИ

[Предисловия](#)

[Глава 1.](#)

[Демииургический разум](#)

[Глава 2.](#)

[Древние учителя](#)

[Глава 3.](#)

[Первые откровения](#)

[Глава 4.](#)

[Время Христа](#)

[Глава 5.](#)

[Тысячелетие любви](#)

[Глава 6.](#)

[Возвращение Учителей](#)

[Глава 7.](#)

[Чингисхан](#)

[Глава 8.](#)

[Монгольская эра](#)

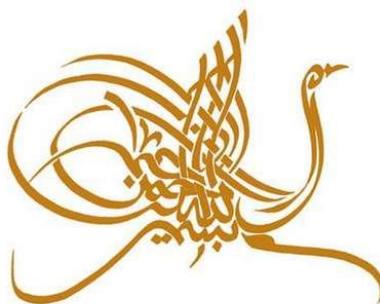
[Глава 9.](#)

[Подготовка учителей](#)

[Глава 10.](#)

[Учителя миротворцы](#)

[Эпилог](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

Книга Учителя Мудрости представляет собой итог многолетней работы автора. По своему содержанию она похожа на те жизненно важные знания, которые отец должен передать своему сыну, или великий учитель должен оставить своим последователям, примерно, с такими словами: "Это я вынес из своей жизни. Воспользуйтесь этим сами и передайте своим потомкам". Тем не менее, книга отражает не просто собственное понимание автором смысла человеческой жизни, это панорама традиционной мудрости, пробуждающей и поддерживающей самоотверженную Любовь на Земле. В книге изложено неуклонное развитие сознательности на нашей планете, а также теория Демиургического разума, направляющего природу к ее окончательной реализации, появлению существ, "такой взаимной любви, и такой мудрости, которые бы позволяли им действовать, как единое целое, сохраняя при этом индивидуальную свободу".

Согласно теории Беннетта, судьба Земли регулируется Демиургическим разумом. Он действует за пределами видимых форм природы, человеческой жизни и даже вне рамок самого человеческого сознания. В то же время, следует отличать великий, но, все же, ограниченный, Демиургический разум от Абсолютного Источника. Теория Беннетта, как и Новая Физика, представляет собой попытку объяснить феномены, о существовании которых мы знаем, но не можем наблюдать их непосредственно. Теорию можно назвать "метафизикой", которая выходит за рамки, как физики, так и наиболее всеобъемлющих духовных концепций; она объединяет и наполняет смыслом, различные, обычно не связываемые друг с другом феномены, в особенности, относящиеся к древней истории, антропологии и истории религий.

Объем знаний автора просто невероятен. Читая Учителей Мудрости, открываешь непрерывную нить смысла жизни на Земле, прослеживаемую человеком, который действительно имеет право на выполнение этой колоссальной задачи. Со времени первой публикации, эта книга заняла одно из наиболее почетных мест в моей библиотеке и неоднократно мной перечитывалась. Каждый раз, когда увеличиваются мои познания в вопросах, относящихся к теме данной книги, я отмечаю, что анализ Беннетта предвосхищает и направляет далее мое понимание. Следует отметить также, удивительную способность автора суммировать большое количество информации, знаний и понимания всего в нескольких предложениях.

Возможно, сегодня мы можем лучше, чем прежде оценить значение этой книги. Многие из вопросов, обсуждаемых в ней, были гораздо меньше знакомы основной массе читателей в 1977 году. Одной из основных тем, которые разрабатываются автором, являются эпохи истории человечества за последние тридцать семь тысяч лет. Изменения начинаются с "сотворения Адама", которое Беннетт трактует, как формирование членораздельной речи, важнейшее изменение человеческой анатомии, позволившее человеку в полной мере реализовать свои возможности. Предыдущая эпоха, известная под названием века Адама, закончилась приблизительно двенадцать тысяч лет назад. По мнению автора, в истории человечества можно выделить периоды, продолжительностью в двадцать пять тысяч лет, которые постепенно набирают интенсивность к своей середине. Таким образом, мы живем в наиболее интенсивный период текущей двадцати пяти тысячелетней эпохи.

Настоящая эпоха ознаменовалась зарождением традиционной мудрости, обеспечившей для человека возможность связи с духовным миром. Беннетт рассматривает этот период как возникновение "религии", то есть "объединения в едином духовном действии". Это, в свою очередь, произошло на основе четырех великих духовных традиций планеты:

традиций Великой Матери, Великого Духа, Бога Творца и Бога Спасителя. Характеризуя эти традиции, как с точки зрения их уникальных особенностей, так и с позиции их взаимодействия между собой в различные времена и в различных условиях, автор проливает свет на подлинную структуру истории религий. Все его удивительные интерпретации подкреплены огромной фактической базой, что позволяет переосмыслить религии богинь, шаманизм, откровения 600 – 500 годов до Р. Х. (в том числе, учения Лао Цзы, Конфуция, Пифагора, Будды и Зороастра), представления Ессеев, значение Христа, а также вклад Суфизма. Предположение Беннетта о направлении реализации возможностей человечества полубожественным Демургическим разумом представляет собой разновидность "глубокой экологии", выходящей за рамки всех разрабатывавшихся ранее экологических учений.

Зачастую, описание событий древности имеет для нас сегодня особое значение. Иногда трактовка Беннетта полностью противоречит общепринятым на данный момент представлениям. Так, относительно Минойского общества, которое до сих пор прославлялось как пример культуры с идеальными взаимоотношениями мужского и женского населения, Беннетт пишет следующее: "Приходится верить тому, что рассказывает Платон о жестокости [Минойского] Крита на вершине своего могущества. Подобная жестокость была типична для периода упадка Героической эпохи, но никоим образом не объясняет необычайного ужаса, внушаемого Минойским Критом ... Священные ритуалы поклонения Богу Творцу и Великой Матери были превращены в спортивные состязания. Бой быков и атлетические соревнования вытеснили поклонение Богу Творцу и мистерии Богини Матери ... Учителя Мудрости предвидели опасность того, что материалистическая, гедонистическая философия жизни может возобладать над умами людей, когда основная масса населения потеряет способность выносить независимые суждения". Читая подобное описание, невольно подвергаешь сомнению нашу собственную способность выносить "независимые суждения" в сегодняшнем материалистическом, гедоническом обществе.

Одним из основных утверждений Беннетта, психологическим лейтмотивом настоящей книги, является то, что Любовь не может сосуществовать с обладанием властью; любая гордость разрушает любовь, и для того, чтобы быть восприимчивым к преображающей силе любви, необходимо глубокое унижение себя. Христос говорил так: "Тот, кто возвышает себя, унижится, а тот, кто унижает себя, возвысится". Только это объясняет причину страданий Христа: "Унижение происходит произвольно, когда смертный человек оказывается перед Непостижимой Истиной. Тем не менее, необходимо пройти через унижение здесь, в этом мире, для того, чтобы обрести Любовь. Евангельская история, начиная с Преображения, повествует именно об унижении".

В то время как главу "Время Христа" можно, в определенном смысле, назвать центральной и проясняющей некоторые туманные теологические вопросы относительно миссии Христа, остается лишь догадываться, что написал бы Беннетт, имея он доступ к последним Христианским изысканиям, поставившим под вопрос даже само Евангельское повествование. Как известно, каноническое Христианское учение, в первую очередь, связано с искуплением; Беннетт же, в свою очередь, приоткрыл завесу действия этого искупления, посредством силы Любви, передающейся через самоунижение. Он считал, что во время земной жизни Христа, в высших мирах произошло нечто, недоступное во всей полноте сознательному разуму, но, тем не менее, имевшее глубочайшие последствия для жизни человечества. Я думаю, что в следующем отрывке Беннетт очень тонко трактует тайну силы Любви:

"Любовь не может передаваться, ни через тело, ни через ум, поскольку является инструментом, или энергией воли. Любовь – это безусловная энергия, которая не может передаваться посредством какого-либо причинно- следственного процесса, физического или ментального. В связи с этим, необходимо действие вне рамок тела и ума. Это действие, безусловно, оказывает влияние, как на ум, так и на тело, но они не являются местом его развития. Любовь живет лишь в свободном, то есть в третьем (духовном) мире.

В свете сказанного следует отметить, что преображающая сила любви исходит лишь от того, кто полностью отказался от власти и гордости; ее невозможно имитировать или подделать. "Объединяясь с Любовью, человек становится Богом, но Божественная Любовь может войти только в совершенно очистившуюся и освободившуюся от эгоизма душу".

Последние шесть глав книги посвящены истории, личностям, а также методам, относящимся к одному из направлений Исламского Суфизма – Ходжаган, или, Учителям Мудрости Центральной Азии. В определенном смысле, эти главы опровергают утверждение Беннетта, что Любовь не может передаваться посредством причинно- следственного процесса, физического или ментального. Задача учителей мудрости заключалась в том, чтобы "показать силу смирения и слабости, и при помощи этой демонстрации вновь привести человечество к Любви". Они разработали специальные практики, которые, хотя, конечно, и не могли гарантировать преображение в любви, тем не менее, обернулись многовековой чередой очищений и озарений, возможно, непревзойденной за всю духовную историю. Хотя это и не было отчетливой системой, и ход подготовки одного ученика мог коренным образом отличаться от хода подготовки другого, практики опирались на твердые основы Исламского Суфизма и соответствовали определенным принципам, которые Ходжа Абдаль- Халик сформулировал как "Принципы Ходжагана".

Эти последние главы представляют собой введение в принципы и методики одной из наиболее чистых форм Суфизма, чистота которой поможет вам увидеть и отличить подлинную духовность от многочисленных фальсификаций, исходящих от вмешивающегося человеческого эгоизма, а также культа исключительности и власти. Хотя сами учителя следовали ортодоксальным Исламским практикам, они относились с необычайным уважением к другим духовным традициям. Религиозный мир Туркестана того времени был исключительно открытым и свободным. Он был не только важнейшим центром Ислама, но также и домом христиан, зороастрийцев и буддистов, которых с радостью принимали в обществах Ходжагана.

С точки зрения Беннетта, истинная духовность должна основываться на идеи трансформации, которую он определяет как "то, что происходит, когда человек освобождается от самости и постигает Истину". По словам Йусуфа Хамадани, одного из первых "учителей мудрости", "Все люди знают, что Любовь – это высшая Сила, объединившая человека с Богом, но только освободившийся от самости способен Любить". Он считал, что все западные системы, погрязшие в греческом рационализме, оставляют без внимания этот основной принцип трансформации.

Смерть застала Дж. Г. Беннетта, когда он собирался приступить к написанию последней главы, посвященной современным "учителям мудрости". По его собственным словам, сложность задачи заключалась не в недостатке информации, а, наоборот, в ее избытке – нужно было отделить значительное от незначительного. Наверное, даже хорошо, что

вопрос о современных "учителях" остается открытым, чтобы каждый искренне ищущий человек, мог найти ответ на него в своем сердце и опыте.

Эдмунд Кабир Хельмински
Январь 1995 г, Вермонт, США.

*Эдмунд Кабир Хельмински – ныне живущий в США шейх суфийского ордена мевлеви и автор таких работ, как **Sustaining Presence During Zhihr, Que Es El Sufismo (What Sufism Is), From The Heart, The Sobriety That Surpasses Intoxication** и др. (прим.ред.)*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Когда писатель умирает, оставляя незаконченной работу над книгой, перед его наследниками встает ряд вопросов. Прежде всего, необходимо решить, следует ли вообще опубликовывать книгу. Если решено книгу публиковать, то следующим шагом должна быть договоренность о форме: можно ли публиковать книгу в ее настоящем виде, нужны ли дополнения, сокращения, редакция, аннотации и так далее, и, если нужны, то кто способен выполнить эту работу. С этой книгой, все обстояло еще сложнее, поскольку рукопись представляла собой "черновик" и не годилась для того, чтобы отдать издателю. В то же время, книга содержала исключительно полезный и интересный материал, и, к счастью, издатель был настолько благожелательно настроен, что, поняв ситуацию, принял рукопись в ее изначальном виде.

Джон Беннетт умер в 1974 году, в тот день, когда собирался написать последнюю главу Учителей Мудрости. Он оставил несколько записей, относящихся к десятой главе, но то, что он хотел рассказать в ней о сегодняшних Учителях Мудрости, мы так и не узнаем.

Беннетт был прекрасным оратором. Он мог передать очень глубокую или сложную мысль настолько просто, что не понять было просто невозможно. Тем не менее, писал он с большим трудом, но считал необходимым выразить некоторые свои идеи в письменной форме. Беннетт всегда был очень инициативным человеком. Он терял интерес к рукописи, как только она попадала в руки издателя, и, еще заканчивая работать над одной книгой, он уже готовился к написанию другой. Тематами его следующих книг должны были стать Закон Трех, Закон Семи, Закон Взаимного Поддержания и "Как Формируется Будущее".

Он рассказывал фантастические сказки своим детям, герои которых, ежик, принц или волшебная морская звезда, переходили из одного мира в другой, из одного измерения в другое, отображая возможности человека. Жаль, что эти сказки не удалось записать. Они были по-настоящему чудесными.

Думаю, что желание написать книгу об Учителях Мудрости пришло к Беннетту вскоре после смерти Г. И. Гурджиева в 1949 году, когда кто-то сказал ему, что Гурджиев, как обособленный феномен, пришел, познакомил мир со своей системой работы и бесследно исчез. Тогда же, я впервые услышала от своего мужа об иерархии Учителей. Изначально он собирался использовать большую часть материала этой книги в своей работе Гурджиев – сотворение Нового Мира, но тема показалась ему настолько важной, что он решил вынести ее в отдельную книгу. Работе над Учителями Мудрости Беннетт посвятил последние полтора года своей жизни. Он обычно читал мало, полагая, что небрежное чтение вредит психике человека, но в последние месяцы жизни его повседневным чтением

были Рашахат ['айн аль-хайат] 1 и Нафахат аль-унс 2 , и, кроме того, в целях работы он взялся за повторение турецкого языка времен Османской Империи. Беннетт писал только в свободное время. Обычно его день был полностью занят работой со студентами в Sherborne House 3 , разбором писем, лекциями и т. д., и на работу над книгами оставались лишь редкие моменты, свободные вечера или летние каникулы. Он никогда не мог уделять этому столько внимания, сколько ему хотелось. Беннетт рассматривал работу над книгами скорее как хобби, чем как обязанность, и все остальные заботы были для него более существенными. Тем не менее, он считал очень важным издать книгу Учителя Мудрости, и поэтому мы постарались выполнить его желание.

Я хотела, при содействии наиболее доброжелательных издателей, опубликовать книгу в ее изначальном виде, без каких-либо исправлений. Дж. Г. Беннетт писал всегда настолько лаконично, и выбранные им слова настолько точно отражали его мысли, что никто не считал себя в праве вносить поправки в рукопись. К счастью, Саймон Уэйтман, Энтони Блэйк и Джордж Беннетт взяли на себя проверку ссылок, дат, стандартизацию орфографии и т. д. Трилби Нун перепечатал окончательный вариант рукописи для издателя, который терпеливо ждал окончания работы над книгой.

Я бесконечно благодарна этой преданной команде за долгие часы работы. Вне всяких сомнений, без помощи Саймона Уэйтмана, также написавшего эпилог, и Энтони Блэйка, написавшего пролог, книга не была бы издана в ее настоящем связном виде, и последняя, исключительно интересная работа Джона Беннетта почти наверняка была бы потеряна.

Я еще раз хотела бы подчеркнуть, что книга издается в том виде, в котором ее оставил мой муж; помимо предисловия, эпилога и нескольких незначительных поправок в целях соблюдения связности, ничего не было добавлено или изъято.

Элизабет Беннетт
1977 г. Англия

1 - Фахр ад-дин 'Али бин Хусейн Кашифи Ва'из (1463 – 1531). Рашахат 'айн аль-хайат ("Капли из источника вечной жизни"; 1503 г.) – жизнеописания 98 суфийских шейхов, начиная с Йусуфа аль-Хамадани (ум. 1140) и до 1499 г. (прим.ред.).

2 - 'Абд ар-Рахман Джами (1414 – 1492). Нафахат аль-унс ("Дуновения близости с вершин святости") – жизнеописания суфийских шейхов (прим.ред.).

3 - The International Academy of Continuous Education (Международная Академия Непрерывного Образования), Sherborne, England. Беннетт возглавлял Академию с 1970 года вплоть до своей смерти, в декабре 1974 года.

ПРОЛОГ

Как известно, история полна событий. Изучение истории, в особенности современной, связано с получением все более точных знаний о происшедшем. Все наши представления о прошлом сопоставляются с имеющимися фактами. Мы воссоздаем все более и более выверенную хронологию, и наша информация о том, что происходило в прошлом, постоянно уточняется в количественном и статистическом аспектах. Изучение истории все еще основывается на свидетельствах и описаниях, оставленных людьми

исторических времен, и, в связи с этим, мы получаем гораздо больше информации о деятельности правителей, чем о повседневной жизни простых людей. Таким образом, историк узнает о государственных беседах, политической структуре, экономических условиях и перемещениях популяций.

Все это имеет непосредственную связь с происходившим. Если бы все на этом заканчивалось, история, вряд ли, интересовала бы нас, конечно, за исключением людей, профессионально занимающихся сбором подобной информации. Подобная историческая наука описывает пустой мир: в нем нет нас, в нем нет человеческого опыта, мы не способны ощутить его. Воспринимая реальность опыта, мы сталкиваемся с чем-то иным, не укладываемым в рамки сухого отчета о произошедшем.

В качестве примера Беннетт описывает события, разворачивавшиеся у него на глазах: "... вынужденные переселения греков и турков в 1925 году, которые, по мнению историков, стали причиной жестокого обнищания населения и многих смертей. Действительно важной особенностью этих событий, с моей точки зрения, было то мужество, с которым люди преодолевали трудности, а также выгодность переселения для самих стран".

Страдания и мужество являются предметом художественной литературы, однако, именно они делают историю интересной. Есть более глубокие и более поверхностные переживания, и наше собственное восприятие сопряжено с опытом тех людей, чью историю мы изучаем. Без подобных переживаний история была бы бессмысленной игрой теней. В то же время, смешиваясь с событиями, переживания делают историю многогранной и неточной. Мы не можем настолько же отчетливо представлять себе "душевное состояние" того или иного народа, как и события, происходившие с ним; тем не менее, в определенном смысле, именно это "душевное состояние" имеет для нас значение.

Вне всяких сомнений, то, что переживает человек, имеет огромное значение, поскольку представляет собой именно ту почву, на которой зарождается событие! В связи с этим, наряду с фактами, мы должны также принимать во внимание и сферу ценностей, учитывая опыт людей. Следует ли придавать особое значение, например, экстазу Бахауддина у могилы в Бухаре? ¹ На первый взгляд, он никак не связан с ходом последующих событий, и их можно рассматривать по отдельности. Однако это не так. Экстаз Бахауддина был связан с событиями, которые, в конце концов, оказали влияние на миллионы людей по всему миру.

Существенным в переживаниях является то, что они говорят нам что-то о ценности, или значении события как момента в тотальности истории человечества. Мы узнаем о том, что человек чувствует в отношении собственной ситуации. Это, в свою очередь, влияет на происходящее, хотя и в самом по себе переживании есть нечто важное. Именно по тому, что человек чувствует, а не по масштабам событий можно судить об их глубине. Это еще не все. История также связана с поступками, и, следовательно, с проблемой разума. Среди наиболее важных вопросов, интересующих человека, особое место занимает возможность влиять на ход событий.

Насколько предопределены события? Должны ли мы принять точку зрения части историков, которые утверждают, что история представляет собой нагромождение случайностей, без какого-либо смысла и цели? Насколько ли человек поглощен материальным миром, что находится под властью его законов? Является ли он существом причинно-следственной природы, способным реагировать исключительно по сформировавшемуся шаблону? Есть ли в человеческой жизни подлинная свобода, и если

да, то каковы ее рамки? Возможна ли деятельность, не подвластная причинности, и если да, то каким образом она проникает в жизнь человека?

В наше время, традиционный подход к человеку, как к свободному и ответственному существу, сильно сдал свои позиции. Из этого можно сделать далеко идущие выводы, поскольку представление о разуме связано с целенаправленными действиями. Многие историки, в связи с этим, саркастически утверждают, что человечество катится в пропасть. Приходится признать, что у нас есть мало доводов в пользу сознательного направления человеком хода истории, иначе как в негативном смысле, ставя крест на собственных возможностях, в силу своей недалекости, эгоизма и неразумности. Если, несмотря ни на что, мы предрекаем человечеству некое будущее, то его путь должен быть исключительно опасным и рискованным. Кроме того, в этом случае, мы вынуждены признать существование определенного разума, чью деятельность нельзя объяснить с позиции обычных возможностей.

Насколько можно судить, подавляющее большинство людей абсолютно не отдают себе отчет в последствиях своих действий. В то же время, люди вообще и правительства в частности продолжают совершать действия, казалось бы, полностью осознавая их разрушительные последствия. Однако это только теоретическое знание, а не ощущение. Людей, которые перевернули наше представление о космосе, астрономов семнадцатого века, вполне справедливо называли "лунатиками". У них была мечта, которая помогла создать современный мир, мир, который многие из них бы возненавидели или не поняли. Изучая жизнь, действия и труды людей, участвовавших во Французской Революции, все, что мы видим – это хаос эмоций и амбиций, перемешанный с иллюзорным идеализмом. Они тоже были мечтателями.

Все мы хорошо знаем, что обнищание, вызываемое реформами, ничуть не уступает их положительным результатам. Очень трудно найти в истории такое действие, которое было бы по-настоящему и сознательно связано с результатами событий, то есть разумное действие.

Сам по себе, элемент поступков в истории человечества можно назвать чредой невоплощенных намерений. Трудно согласиться с таким выводом. Так или иначе, мы должны согласиться с тем, что вмешательство в ход событий любого уровня является делом рискованным, и что имеет смысл выделять степени достигнутого.

И все же, имели место колоссальные события. В качестве наиболее яркого примера можно назвать эволюцию жизни и человека. Практически на эту же планку можно поставить появление творческих сил. Отзвуки сотворения языков, а также представлений о космосе и человеческой судьбе тысячелетней давности до сих пор можно проследить в умах людей. Ларчик открывается просто: мы не можем заключить, что нет по-настоящему разумных действий, то есть, целенаправленных и учитывающих все сложности человеческой ситуации. Именно это Беннетт подразумевал под "Демииургическим разумом".

Можно рассматривать связность, или единство происходящего, переживаемого и делаемого, как значение. Оно составляет ядро истории. Значимая история происходила, воспринималась и была предусмотрена. Безусловно, значимость относительна, и на низшем уровне эти три элемента могут быть разделенными. Это мир грез обычной жизни, в котором что-то происходит, наши представления о происходящем очень далеки от действительности, а намеренья идут прахом.

Само по себе изложение истории может быть поступком. Именно так можно расценивать определенные предания и легенды, сыгравшие ключевую роль на сцене истории. Подобную же роль может играть дальновидность великого лидера, такого как Чингисхан, который смог создать у своих последователей новый образ монгольского народа. Сегодня считается общепризнанным, что изложение истории является фактором, определяющим будущее.

Изменения в отношении людей к происходившему в прошлом понимаются недостаточно, но никто не станет отрицать их важность. В своей низшей форме это политическая демагогия, а в своей высшей форме – голос пророка.

Людям бывает очень трудно понять, каким образом духовная жизнь влияет на материальную. Могущество духовности не в силе и не в насилии, а восприятии. Те, кто "видел Бога" видят мир иначе, чем другие люди. Они не могут передать то, что видели, на словах; они поступают лучше: они выражают это своими поступками и жизнью. Поступки людей, переставших блюсти собственный интерес, или вообще освободившихся от эгоизма, так изменяют жизнь людей, как не смог бы даже самый великий лидер или гений. Лидеры не способны понять, кем являются духовные люди, что открыто им, но при этом находятся под влиянием таких людей. Они видят целеустремленность, которая превышает даже их собственную, и благодаря такому средству находят в себе отклик на духовное руководство.

Все понимают важность руководства, исходящего с более высокого уровня восприятия, независимо от того, кто обладает этим восприятием. Однако очень часто люди допускают серьезную ошибку, считая, что духовные учителя не от мира сего, и не имеют никакого отношения к повседневным делам. Вне всяких сомнений это не так. Нас всех объединяет общее действие великого человеческого события. Высшее восприятие должно распространяться на все реально происходящее. Так, Бахауддин отворачивается от мира, после того, как видит уничтожение трудов Халил Ата, но, в конце концов, служит человечеству, выполняя свое предназначение.

Изучение истории с точки зрения значимости настолько же рискованно, как и само содержание истории. Историк, в этом случае, вынужден судить об относительной разумности исторических личностей и людей вообще, то есть, об их способности действовать преднамеренно, с учетом человеческого прогресса. Результатом должна быть не простая хронология, и даже не хронология, оживленная ощущением человеческих переживаний. Нужно произвести очень тщательный поиск для того, чтобы обнаружить и раскрыть действующий разум, используя материал обычного историка – предания, записи и свидетельства.

В настоящей книге суждение о разумности включает в себя выделения особого класса людей, Учителей Мудрости, рассматриваемых автором, как обладателей разума, уровень которого значительно превосходит все достижимое при помощи планирования, размышления и организации. Этот разум был назван Беннеттом Мудростью, высшей градацией действия, которое не ограничивается только человеком, но положило начало существованию этого бесконечного чуда жизни на нашей планете и даже является создателем самого человеческого ума. Обязательное условие участия в этой мудрости заключается в преодолении иллюзий по поводу мира вообще и себя в частности, а также освобождение от самости через "сознательный труд и преднамеренное страдание".

Задача изложения истории высшего разума очень трудна. Насколько можно судить, все действия этого высокого уровня составляют единое целое, что должно проявляться в виде

связей между группами людей в различные критические моменты истории. В этом случае, можно говорить об изустной передаче, с соответствующими ноу-хау методами стяжания Мудрости. Беннетт постарался проследить это явление, изучая связь между Сарманским Братством трех тысячелетней давности и Ходжаганом одиннадцатого – шестнадцатого веков Христианской эры. Сами члены Братства Сарман предположительно были приемниками более древних немногочисленных обладателей высшего разума, которые, в свою очередь, были последователями тех, кто направлял эволюцию до появления человека.

Если же нам не удастся обнаружить таких связей, то придется признать обретение высшего разума беспричинным даром. В связи с этим, следует вспомнить о таких личностях Христианского мира, как Святой Бенедикт и Мейстер Экхарт, вне всяких сомнений, принадлежавших к числу Учителей Мудрости, но не имевших явных предшественников. Очевидно, изустная передача – это всего лишь один из элементов целого, хотя и предоставляет нам удобную возможность проследить влияние высшего разума в сопоставлении с общепринятой хронологией.

Помимо всего прочего, Беннетт повествует также и о времени земной жизни Христа, сталкиваясь с рядом трудностей, в том числе, с общеизвестным фактом жесткой редакции и искажения текста канонических Евангелий. Беннетт вынужден назвать Волхвов связующим звеном между Сарманским Братством и зарождением духовности Ислама. Тем не менее, драма школ Сирии и Александрии, ответственных за создание Символа Веры и литургии, остается под завесой тумана. На влияние Буддийских, Шаманских и Христианских ноу-хау на формирование методов Учителей в книге лишь намекается. Кроме того, Маги и их роль вполне могут быть фикцией. Беннетт упоминает их, поскольку убежден в недооцененной грандиозности влияния Зороастра. Так или иначе, Маги, в данном случае, выполняют ту же роль, что и фиктивные объекты, например, "кварки" в физике. Использование этого понятия удобно для дальнейших исследований, и не столь важно, будет или не будет доказано существование кварков, что бы ни подразумевалось под "существованием" в современной физике.

Важно то, что Беннетт соблюдает равновесие трех элементов – происходящего (случающегося), переживаний (опыта) и действий (поступков). Его изучение истории связано со значением, что дает нам возможность разобраться с основным практическим вопросом: оказывает ли влияние на судьбу человечества разум более высокого уровня, и, следовательно, есть ли у нас основания ожидать результатов от работы.

Энтони Блэйк 1977 год, Англия

1 - Имеется в виду история об инициации Бахауддина Накиббанда (1318 – 1389) духом 'Абд аль-Халика аль-Гудждувани (ум. 1180) у мазара (гробницы) Муздохун в Бухаре после 1340 г. См. Салих бин Мубарак аль-Бухари. Макамат-и Хазрат-и Ходжа Накиббанд (жизнеописание Бахауддина Накиббанда; на перс. яз.). Бухара, 1910 (прим. ред.).

ВВЕДЕНИЕ

Все согласны с тем, что наш мир сегодня находится в большой опасности. Многие ощущают неконтролируемость происходящего, в то время как наши лидеры способны лишь заклеивать цветастыми обоями трещины рушащегося здания человеческого общества. Мы привыкли обращаться за помощью к специалистам, если сами не можем

справиться с проблемой, но нынешние специалисты совершенно не оправдывают оказанного им доверия. Мы без толку ждем спасительного руководства от политиков, экономистов, ученых, психологов, историков и философов. Ни теоретически, ни практически ничего не выходит. Мы не видим, что можно сделать в глобальном масштабе, и не принимаем совершенно очевидных мер, своевременность которых не вызывает ни у кого сомнений. Как бы нам ни хотелось закрыть на это глаза, мы сбились с пути. В настоящей книге я постараюсь ответить на вопрос, можем ли мы ожидать помощи от специалистов иного рода. Я назвал их "Учителями Мудрости", от персидского "Ходжаган" (Khvajagan), термина, предложенного тысячу лет назад для обозначения группы выдающихся людей, которые влияли на историю Центральной Азии в течение пяти веков, благодаря обладанию исключительно редкими сегодня знаниями и опытом.

Если бы Центральноазиатские Учителя Мудрости были единичным и уникальным в своем роде феноменом, они интересовали бы только востоковедов, и не представляли бы абсолютно никакого интереса для нас, с тревогой ожидающих помощи от будущего. Я уверен в том, что Учителя Мудрости всегда существовали на Земле со времен Адама, и что даже до Адама был разум, направлявший ход эволюции на нашей планете. Я постараюсь показать в этой книге, что такой подход полностью согласуется с тем, что нам известно об историческом процессе, и что он является единственным надежным основанием для оптимистического взгляда на будущее человечества.

Все мы знаем о грандиозных катаклизмах, происходивших в прошлом человечества. В качестве примеров можно назвать падение Римской Империи, уничтожение древних культур Азии монголами в тринадцатом веке и Французскую Революцию. Они были серьезными ударами по структуре человеческого общества, но носили местный характер, и основная часть мира была практически не затронута ими. В то же время, у меня есть основания полагать, что последствия всех этих локальных кризисов в значительной мере сглаживались Учителями Мудрости. Для того чтобы в полной мере осознать значение участия высшей мудрости во всех критических моментах истории, нам придется внимательно изучить историю самой Земли и появления на ней человека. В случае если такие представления окажутся верными, мы сможем связать наши надежды на будущее с вмешательством мудрости, способной устранить последствия человеческой слабости, глупости и ужасающего невежества.

Если же такой подход ошибочен, то человечество будет и дальше барахтаться, с трудом удерживаясь на плаву, пока чрезмерный напор событий не вынудит нас изменить свою жизнь, или пока Бог не совершит что-либо выходящее за рамки нашего понимания. Тем не менее, мы не склонны допускать мысль о том, что происходящее уже вышло из-под контроля, поскольку очевидные и технически возможные действия могли бы решить значительную часть наших проблем. Повсеместное установление статичной экономики, основанной на потребностях, а не на жадности настолько искренне отстаивалось многими добропорядочными и влиятельными людьми, что можно было бы ожидать от властей, хотя бы, медленного продвижения в ее сторону. Однако мы продолжаем поступать противоположным образом, и в этом все дело. Наше невежество и нежелание действовать может сравниться лишь с нашей слабостью. Пятьдесят лет назад Гурджиев принес на Запад идею трансформации, называя человека "не способной действовать" машиной, без воли, "Я" и сознания. Справедливость это точки зрения сегодня настолько очевидна, что даже профессиональные оптимисты начинают соглашаться с нею. И все же, изначальная идея трансформации осталась без внимания: Человек, в его нынешнем состоянии, не способен действовать, у него нет ни воли, ни сознания, но есть возможность стать "настоящим человеком". Только настоящий человек, в полном смысле этого слова, может быть Учителем Мудрости. Стоящие у власти люди не способны даже на наиболее

очевидные действия, поскольку они сами и подвластные им люди являются не более чем "машинами", работающими по заложенной в них программе. Абсолютно бесполезно читать проповеди машинам, воодушевлять или пугать их: Они будут и дальше функционировать, в соответствии со своим механическим паттерном. Именно такова ситуация человечества, и она будет оставаться таковой, пока наша эволюция не продвинется далеко вперед.

Некоторые люди научились своеобразным трюкам, которые позволяют им получать власть над человеческими машинами, но пока они сами остаются машинами, эта власть может привести лишь к нежелательным результатам. Это хорошо видно на примере манипуляции общественным мнением теми, кто знаком с такими трюками. По словам Гурджиева, "людей можно заставить поверить в любую сказку, и с пеной у рта они будут убеждать всех остальных в том, что это так и не может быть иначе". Тем не менее, ни сами ловкачи, ни попавшиеся на их уловки люди не способны делать ничего, помимо того, что предопределено их наследственностью, воспитанием, окружением, а также их основополагающим эгоизмом.

Учителя Мудрости отличаются от "специалистов по манипуляциям" своей способностью видеть реальное положение вещей, а также свободой от эгоизма и способностью взаимодействовать друг с другом. Они работают не только на видимом уровне, но и в сферах, не доступных обычным людям. Они поддерживают связь с высшим разумом, для которого жизнь на Земле представляет собой единое целое, и который знает, откуда и зачем она появилась.

То, что написано в предыдущем абзаце, представляет собой не более чем расширенное определение термина "Учителя Мудрости". Из него отнюдь не следует, что есть или когда-либо были такие трансформированные люди, хотя многие согласятся с тем, что в прошлом были не только отдельные такие люди, но даже группы и целые общества трансформированных людей. Однако таких людей принято считать кем-то "не от мира сего". Они были святыми и пророками, мистиками и реформаторами, чья деятельность якобы была связана не с этим, а с грядущим миром. Они избегали власти и славы, не пытаясь "изменить мир". Мы же должны пристальнее изучить этот вопрос, чтобы обнаружить признаки деятельности Учителей.

В настоящий момент истории человечества вопрос о существовании высшего разума приобрел первостепенную важность. Если мы будем вынуждены дать на него отрицательный ответ, наши шансы на выживание как вида в ближайшие сто лет очень сомнительны. Мы отчетливо видим трудности, поджидающие нас в ближайшие двадцать – тридцать лет, но почему-то считаем, что двадцать первый век Христианской эры ознаменуется триумфом человека над природой, а также организацией такой структуры мирового сообщества, которая положит конец нищете, войнам, голоду, болезням и даже, возможно, самой смерти. Подобные предсказания с поразительной уверенностью высказываются специалистами по "футурологии". Тем не менее, реалистический подход, учитывающий основные черты человеческой природы, приводит нас к противоположным заключениям. На каждую проблему, решенную благодаря техническому прогрессу, приходится три им же созданных проблемы. Каждый новый шаг на пути покорения человеком природы приводит к все большим разрушениям. Человеческое сообщество, как это ни печально, движется отнюдь не ко всеобщему братству людей, а к все более удручающим проявлениям собственного эгоизма и жадности. У меня нет сомнений в том, что человечество переживет двадцатый век, но, если не произойдут значительные изменения, немногим удастся пережить двадцать первый.

Таким образом, мы приходим к очевидному для многих выводу: единственное спасение заключается в изменении человеческой природы. Если верно также и то, что, по словам Гурджиева, "человек-машина" может быть трансформирован в настоящего человека только при помощи уже трансформированных людей, то поиск Учителей Мудрости обретает серьезный характер. Как бы сложно не было обнаружить их, и каким бы сомнительным ни казалось их существование для тех, кто их никогда не искал, мы вынуждены обратиться к фактам.

Олдос Хаксли в своей Вечной Философии указывает на древнюю веру в достижимость высшей мудрости для человека. Эта вера нашла свое отражение в мифах о творении всех народов мира, в мифе о Золотом Веке, а также в мифах о Прометее и Аполлоне. То же самое можно обнаружить и в сказках, ключевым персонажем в которых часто бывает Мудрый Старец, помогающий главному герою или героине выполнить невозможные задания. В то же время, следует признать, что сама по себе вера в высшую мудрость говорит лишь о желании людей верить в нее. Многие и сегодня горят желанием верить в нечто подобное и сочиняют новые мифы о летающих тарелках и других чудесах фантастики. Наряду с этим, предпринимаются и более серьезные попытки, когда учитель или учение выдвигаются в качестве единственной надежды человечества на решение социальных, политических и экономических проблем. Такие попытки настолько часто бывают неубедительными и даже вызывающими отвращение у необращенного человека, что скорее мешают прийти к положительному ответу на вопрос о существовании высшего разума.

Не следует забывать также и о традиционных вместилищах божественного вдохновения – великих мировых религиях и их ответвлениях. Мы можем признать искренность их членов, и даже согласиться с истинностью их верований, но мы не видим в их проявлениях признаков большей мудрости, чем обнаруживают недуховные люди. Фраза "врачу, исцелися сам!" может быть применена к каждому религиозному обществу, которое, проповедуя братскую любовь, само не подает должного примера.

Мы ввязываемся в довольно рискованное предприятие, пытаюсь проникнуть за кулисы очевидной недалекости претендующих на мудрость людей и обнаружить при этом признаки не просто искренней, но и эффективной деятельности. То, что во времена благоденствия, мира и прогресса было бы уделом чуждых миру лунатиков, перед лицом сегодняшнего кризиса становится первостепенной задачей, которую нельзя оставить без внимания. Единственная наша надежда заключается в поисках интересующих нас признаков в прошлом. Особенно пристально нам следует присматриваться ко временам кризисов, когда ситуация казалась отчаянной. Именно в такие моменты, по-видимому, должна быть наиболее заметной работа людей, которых можно назвать Учителями Мудрости.

Я начну со времен, предшествовавших появлению Адама, что я понимаю как появление современной человеческой расы, носящей гордое имя *Homo sapiens sapiens*. По моим подсчетам это произошло приблизительно тридцать пять – сорок тысяч лет назад. До этого момента высшая мудрость действовала вне человека, а затем стала входить в людей, способных принять ее. Изучение зарождения и эволюции жизни, появления первых людей, и воссоздание истории человечества времен последнего Ледникового Периода, показывает, насколько разворачивавшиеся грандиозные события предполагали наличие творческого гения, бесконечно терпеливого и бесконечно изобретательного, чья проницательность реализовалась в появлении Адама. Далее мы можем предположить, что этот гений отважился на рискованный поступок и снял свое жесткое руководство для того, чтобы плод его усилий смог найти себя и стать подобным ему самому.

Последние двенадцать тысяч лет истории можно рассматривать как пробуждение в уме человека соответствующей ему ответственности. Этому пробуждению постоянно препятствуют два элемента человеческой природы, во-первых, животное происхождение человека, а, во-вторых, его самонадеянность и эгоизм. Пестрая история человечества представляет собой череду сменяющих друг друга неудач и новых начинаний, но в целом можно говорить о постепенном прогрессе. Во время каждого кризиса, человек получал помощь дававшую ему возможность идти вперед, и именно это позволяет нам сегодня надеяться на то, что так произойдет и на сей раз. Масштабы нынешнего кризиса практически беспрецедентны, поскольку мы стоим на пороге второй половины большого цикла, начавшегося двенадцать тысяч лет назад. Впервые после окончания последнего Ледникового Периода человечеству угрожает полное исчезновение. Несбалансированность внешней мощи человека и его внутренней слабости достигла сегодня своего максимума. В то же время, человечество не способно самостоятельно восстановить необходимое равновесие. Нам остается ожидать помощь от высшего разума и быть готовыми принять ее.

ГЛАВА 1. ДЕМИУРГИЧЕСКИЙ РАЗУМ

Сверхчеловеческий разум Демиургов – Древняя идея ограниченности Бога – Управляемая эволюция жизни – Появление ума – Древние маги – Появление творческой силы – Адам – Первые двенадцать тысяч лет.

Читая эту книгу, постарайтесь рассматривать жизнь на Земле в целом, и жизнь человека в частности, с позиции разума очень высокого уровня, взявшегося за практически невыполнимую задачу. Основная цель заключается в создании существ, способных наделить Землю душой, благодаря такой взаимной любви, и такой мудрости, которые бы позволяли им действовать, как единое целое, сохраняя при этом индивидуальную свободу. Человечество сегодня находится на очень ранней стадии осуществления этой цели.

Разум очень высокого уровня, о котором я говорю, не является ни человеческим, ни божественным. Он несовершенен и способен ошибаться, хотя его способность восприятия и возможности значительно превосходят то, чем обладают даже наиболее мудрые люди. Я назвал его Демиургическим, от термина, использовавшегося в Афинах и означавшего "работающий для народа". Им мог быть человек искусства или ремесленник или мастер, обеспечивавший демос, народ Афин, предметами благоденствия и культуры. Это же слово было использовано гораздо позднее Аристотелем для обозначения Великого Мастера, силы, творящей и поддерживающей жизнь на Земле. Во времена Аристотеля Земля считалась наиболее важным элементом мира. Солнце, луна и звезды считались светильниками, которые существовали, для того, чтобы создавать на Земле день и ночь. Даже боги жили на Земле или очень близко к ней, чтобы иметь возможность посещать ее, в случае необходимости. Вполне естественно было думать о Великом Мастере как о перводвигателе, трансцендентном источнике всего существования.

За две тысячи триста лет наша картина мира претерпела значительные изменения. Коперник и Галилей заставили нас признать, что Земля является всего лишь одной из планет солнечной системы. Современная астрономия, в свою очередь, говорит нам, что солнце – это не более, чем одна звезда из ста миллиардов звезд нашей галактики, а наша галактика – всего лишь одна из бесчисленных миллиардов галактик, простирающихся дальше, чем способно представить наше воображение. В связи с этим, мы должны отличать разум, управляющий нашей планетой от того, который управляет всей

вселенной, если, конечно, он существует. Используя термин "Демиург", мы можем отложить в сторону, как выходящую за рамки нашего понимания, концепцию божества, сотворившего и управляющего всей вселенной в целом. Замечу, что такой подход должен вызвать вздох облегчения и благодарности. Земля является нашим домом, и ее судьба должна интересовать нас больше всего остального.

Не следует забывать, что концепции абсолютного бога не было ни у одного древнего народа. Яхве, будучи величайшим богом, оставался при этом ограниченным, как по своим возможностям, так и по своим целям. То же самое относится и к Ахура Мазда. Будда, в свою очередь, предполагал наличие богов, но считал их ограниченными и, безусловно, не всемогущими. Ранние христиане придерживались Иудейской концепции ограниченного бога. Только в результате влияния греческой мысли бог был приравнен к Абсолюту. В то же время, принимая идею ограниченности бога, мы вынуждены также принять и концепцию безграничного источника "по ту сторону Бога".

Мы больше не вынуждены ломать себе голову над дилеммой Дэвида Хьюма: "Бог может быть либо любящим, но не всемогущим, либо всемогущим, но не любящим. Он не может обладать обеими этими качествами одновременно". На самом деле, глупая мысль о том, что Бог всемогущ, пришла на ум ограниченным, логически мыслящим людям. Для любого человека, чувства которого не атрофировались окончательно, должно быть очевидным, что любовь и всемогущество несовместимы. Я ощутил огромное облегчение, осознав, что за кулисами нашего мира работает великий и благожелательный, но ограниченный разум, а также то, что человек не может существовать исключительно для собственного удовольствия, и, по-видимому, был создан для служения определенной высшей цели. Жизнь может иметь полноценный смысл, и я могу играть в ней полезную, и даже необходимую роль, только в том случае, если все не контролируется превосходящей властью всемогущего бога.

Картина, которую раскрывает перед нами история Земли, складывается из медленной, но постепенно ускоряющейся трансформации от безжизненности к жизни, от примитивных ощущений к высокоразвитому сознанию. Хотя эта трансформация продвигается вперед довольно сомнительными темпами, ее результаты можно уже назвать чудом. Мы видим удивительную адаптацию жизни к природе планеты и одной формы жизни к другой. Перед нами воплощение невероятной изобретательности, красота и присутствие космического духа. Если все это не было предусмотрено и появилось по чистой случайности, благодаря работе механических законов и случайных комбинаций, тогда это двойное чудо. В то же время, если мы видим перед собой достижение великого разума, то должны быть готовы склонить перед ним головы и признать его несравнимо более могущественным, чем наш собственный.

Изучая солнечную систему, мы обнаруживаем единое сообщество Солнца, планет, спутников, комет и силовых полей, тесно связанных между собой. Всем известно, что жизнь на Земле зависит от поступления тепла, света и других излучений Солнца. Ученые пришли к выводу, что солнечная радиация сыграла решающую роль в появлении жизни на нашей планете. Я предлагаю вам пойти дальше и рассматривать солнце как высший разум, творческую силу, которая действует во всей солнечной системе. Можно считать его также создателем и отцом всей жизни, включая нашу собственную. По отношению к Солнцу, Демиург занимает подчиненное положение. Он сам не создает жизнь, но ответственен за ее поддержание и направление, вплоть до того момента, когда она сможет взять на себя эту ответственность. В концепции разума, стоящего за природой, нет ничего экстраординарного. Биологи, отвергающие любые предположения о божественном творце, довольно часто говорят и пишут о природе, как если бы это было разумное

существо. В редкой книге или статье об эволюции нет одушевляющих природу высказываний. Конечно, автор будет уверять вас, что это всего лишь речевой оборот, который не следует понимать буквально. Иногда, впрочем, наш язык подводит нас, и наши слова оказываются правдивее, чем мы рассчитывали. Узнавая все больше о жизни, мы становимся все увереннее в существовании разума, стоящего за ней. Было бы неправильно считать саму жизнь этим разумом, и поэтому мы должны отличать природу от Демиурга.

Таким образом, Солнце является творцом вечного паттерна жизни. Благодаря жизни, могла появиться душа, а сама Земля способна теперь превратиться в божественное существо и стать невестой Солнца. Земля, будучи чистым разумом, без ума и живого тела, могла принять инициативу солнца, но не могла воплотить ее в существование. В связи с этим, эта задача была возложена на Демиурга, о котором упоминают мифы о сотворении мира во многих культурах. Я призываю читателя рассматривать это как историю. Миф и история – это близнецы, отражающие идеальную и актуальную стороны одной и той же реальности. Разница, тем не менее, важна, поскольку история соединяет нас с прошлым и будущим, тогда как миф принадлежит к вечному настоящему.

Эта глава представляет собой краткое изложение идей, подробно разбиравшихся в моей книге *Драматическая Вселенная*, и поэтому моя задача сейчас состоит не в том, чтобы убедить в них читателя, а в построении терминологии, при помощи которой я смогу адекватно изложить свои представления о мире.

Нам нужно обсудить четыре концепции. Первая связана с абсолютным Непостижимым Источником существования всей вселенной в целом. Мы вынуждены постулировать такой источник, поскольку отделили солнечную систему как предмет нашего изучения от остальной вселенной, по сравнению с которой, она исключительно мала и, на первый взгляд, незначительна. Такое разделение, в свою очередь, подразумевает завершенность солнечной системы в самой себе, как отдельной единицы, со своим собственным главенствующим разумом, Солнцем, которого мы можем считать богом, создателем и отцом всей жизни на Земле, а также правителем солнечной системы. Хорошо подумав, вы согласитесь с правомочностью концепции высшего существа, от которого зависит каждое живое создание в пределах солнечной системы.

В случае Земли, мы имеем дело с природой, иногда называемой даже Великой Природой. Вернадский назвал пленку жизни, покрывающую Землю "биосферой", и многие ученые вместе с ним были готовы рассматривать биосферу как единое целое, то есть существо.

Четвертая концепция относится к Демиургическому Разуму, который занимает промежуточное положение между творческой силой Солнца и медленно развивающейся природой планеты.¹ Прежде чем идти дальше, я постараюсь составить у вас более отчетливое представление о Демиурге.

Здесь перед нами встает неожиданная проблема: До сих пор я писал о Демиурге в единственном числе, теперь же нам придется вести речь о Демиургических разумах во множественном числе, и даже признать, что Демиургический разум способен входить в отдельных людей. В силу атомистичности ортодоксального логического мышления, вынуждающего нас считать, что число обладает абсолютным качеством, мы считаем неразумной идею существования чего-либо в единственной и множественной форме одновременно. Мы можем согласиться, например, с тем, что человеческий организм представляет собой единое целое, но, в то же время, разнороден и состоит из конечностей, органов, систем и различных частей тела. Связь между целым и частью понять довольно

легко. Сложности возникают, когда мы хотим представить себе единство и множественность так, чтобы множественность не занимала подчиненного положения по отношению к единству, а единство не представляло собой сумму частей. Можно провести аналогию с цветом: есть цвет, который мы называем "синим", и любая поверхность синего цвета является настолько же синей, как и все остальные. Если мы обнаруживаем синий цвет, то он представлен всецело, вне зависимости от размеров и количества. Постарайтесь совершить умственный скачок и рассматривать Демиургический разум с этой точки зрения. Там, где есть разум, он представлен всецело. К разуму не применимы такие понятия, как один или много, маленький или большой. Подобным же образом, Демиург одновременно является и ограниченным и неограниченным. Он способен контактировать с творческой силой, превосходящей его, а также входить в каждое живое существо.

Теперь мы должны добавить еще штрих к портрету Демиурга, представив его как волю без тела и, следовательно, без собственных инструментов². Только проникая в природу, Демиург обретает средства действия. Для меня всегда представляло особое удовольствие вновь перечитывать первую главу Книги Бытия, где при помощи слова "Элохим"³ прекрасно отражено понятие разума, осуществляющего руководство над развитием уже созданного мира. Элохим контролирует последовательные стадии дифференциации, в процессе которой, вначале земля была подготовлена к появлению жизни, затем появилась сама жизнь, и, наконец, возник человек как ее правитель. Первая глава Книги Бытия является мифом, но миф и история представляют собой лишь различные способы описания одной и той же реальности.

Далее я хочу рассказать о возникновении и эволюции жизни на Земле. На самом деле, не имеет значения, воспримите ли вы это как миф, или как изложение истории: важно, чтобы у вас появилось ощущение деятельности высшего разума. Это будет подготовкой в восприятию основной темы книги, пониманию стадий вхождения Демиургического разума в человеческую жизнь и его проявления в Учителях Мудрости.

Земля обрела свою нынешнюю форму более двух миллиардов лет назад. Когда настало подходящее время для появления жизни, Демиург вошел в единственный имевшийся инструмент, а именно, в активные молекулы, витающие в первичной атмосфере. Безусловно, способность реагировать на разумную волю была исключительно мала, но этого было достаточно для повышения шансов образования сложных молекул, состоявших из водорода, углерода и азота, и обладавших свойствами самосборки и полимеризации.

Мы обычно рассматриваем средство, повышающее вероятность невероятных реакций, как пассивный фактор, и называем его катализатором, или ферментом, в случае живых существ. Нет никаких сомнений в том, что катализаторы сыграли решающую роль в синтезе аминокислот, кирпичиков жизни, под действием солнечной радиации. Тем не менее, есть пробел, который должен быть заполнен, поскольку древние скальные поверхности, игравшие роль катализаторов, не могли обеспечить необходимую для возникновения самовоспроизводящихся молекул структуру. В то же время, ученые полагают, что даже самые невероятные и сложные реакции могут произойти совершенно случайно, если имеется огромное количество времени и молекул. Подсчеты, впрочем, показали несостоятельность такого предположения, и у нас есть существенные основания говорить о вмешательстве разума еще до появления жизни. Даже если биохимикам удастся синтезировать живую материю, это будет не чистой случайностью, а результатом деятельности разума очень высокого уровня. Отличившегося биохимика, конечно же, удостоят Нобелевской премии и будут совершенно справедливо считать гениальным ученым. Хотя сам этот ученый и его сотрудники, возможно, будут считать, что доказали

спонтанное зарождение жизни, на самом деле, им просто удастся с величайшим мастерством и настойчивостью повторить то, что совершил Демиург в условиях древней Земли миллиард лет назад.

Я очень обязан моему другу Др. Морису Верне⁴, который убедительно показал, что жизнь невозможно объяснить с позиции неживых механизмов. Жизнь чувствительна, ее деятельность всегда направлена к определенной цели. Инертная материя нечувствительна, и ее деятельность определяется законами причинности и вероятности. Поведение материальных систем может быть известно и предсказано с любой степенью точности. В случае живых объектов поведение, напротив, не может быть предсказано на сто процентов. Мостик через пропасть между живым и неживым не мог быть перекинут со стороны неживого. Для этого необходим разум. Мы обнаруживаем разумность даже у наиболее примитивных форм жизни, тогда как она отсутствует даже у наиболее сложных неживых систем.

Я уже говорил о роли Солнца. Безусловно, Демиург внес свой вклад в появление жизни, но это не могло произойти без высшей творческой силы. Кроме того, в жизни есть нечто помимо разумности и творчества. В своей книге *Драматическая Вселенная* я связал зарождение жизни с актом Божественного Сострадания.

Земле было предуготовано произвести на свет жизнь с самого момента ее возникновения. Колоссальное количество воды, стабилизирующее ее температуру; атмосфера, которая содержит основные элементы: водород, углерод, кислород и азот, в то же время, пропуская жизненно-важную солнечную радиацию и поглощая убийственный ультрафиолет; и, наконец, сама земная твердь, кора которой включает в себя все известные химические элементы – все это делает Землю отличным местом для зарождения жизни и ее дальнейшего существования. Если Солнце является Отцом жизни, то Земля, вне всяких сомнений, должна быть его матерью.

Жизнь зародилась в виде тонкого слоя сине-зеленых водорослей, распространившихся по поверхности океана. Атмосфера содержала мало кислорода, а океан – мало солей, но интенсивная фотосинтетическая активность, продолжавшаяся в течение полумиллиарда лет, связала огромное количество углерода, высвободив в атмосферу эквивалентное количество кислорода. Я хотел бы поподробнее обсудить чудо фотосинтеза, механизм, позволяющий зеленой растительности преобразовывать воду и углекислый газ в углеводы и кислород. В основе этого чуда лежит молекула хлорофилла, который, насколько можно судить, появился на Земле более миллиарда лет назад, поскольку мы обнаруживаем его во всех водорослях, за исключением наиболее примитивных форм. Существование жизни зависит от хлорофилла, комбинации углерода, водорода, кислорода и азота с атомом магния в центре молекулы. Хлорофилл в течение полумиллиарда лет выполнял грандиозную задачу, обеспечивая жизнь углеродом для построения тел и кислородом для дыхания. К середине первого миллиарда лет до настоящего момента, поверхность суши, океаны и атмосфера были подготовлены для очередного великого шага.

До того времени, воспроизведение заключалось исключительно в пролиферации протоплазмы. Не существовало клеток, и, следовательно, половое размножение не могло происходить. Просто не было существ, которые были бы способны умирать или рождаться: вся жизнь представляла собой тонкий слой водорослей, использовавших воздух, воду, свет и химические элементы земной коры. Вряд ли можно назвать простым переход от этого состояния к простейшим, protozoa, которые, безусловно, не могли появиться по чистой случайности. Переход заключался в обособлении капли протоплазмы мембраной и образовании ядра, содержавшего паттерн строения всей этой системы. Таким

образом, на Земле появилось первое индивидуальное существо. Насколько позволяют судить скудные ископаемые, обнаруженные в наиболее древних скальных породах, на этот переход ушло полмиллиарда лет, то есть в пятьсот раз больше, чем человек существует на Земле.

Можно лишь догадываться о грандиозности творческого гения, создавшего клетку, если даже самая простая клетка состоит более чем из ста миллионов атомов водорода, углерода, азота, кислорода, а также специфических элементов, в том числе, железа, магния и серы. Причем все эти атомы вовлечены в сложнейшую структуру взаимодействующих молекул.

Клетки способны плавать в воде, встречаться друг с другом и конъюгировать, производя на свет новое существо. Так появилось половое размножение. Две клетки теперь могли производить новые клетки и, увековечив таким образом свое существование, умереть и разложиться. Хочу обратить ваше внимание на то, что половое размножение и смерть появились одновременно: половое размножение, со своим безграничным потенциалом трансформации, и смертность, которая ограничила существование во времени и пространстве. Мы настолько привыкли к половому размножению и смерти, надежде и риску жизни, что нам сложно представить разум, усмотревший в них средство сотворения свободных и разумных существ.

Долгое время клетки либо плавали по отдельности, либо собирались в колонии, подобно губкам. Следующей стадией было появление metazoa, животных с дифференцированными функциями и растений, которые могли обеспечить жизнь углеродом и кислородом. Горные породы суши, выветривавшиеся и разрушавшиеся под действием осадков в течение сотен миллионов лет, уносились реками к морю. Таким образом, формировалась почва, на которой растительность могла закрепиться и создать условия для эволюции высших животных.

У древних животных отсутствовала организованная сознательность. Их реакции были такими же автоматическими, как и у инертных химических веществ, которыми они питались. Даже половое размножение было лишено привлекательности: происходили всего лишь случайные совокупления однотипных организмов. Не было также и страха смерти, поскольку все ощущения ограничивались восприятием света или темноты, тепла или холода.

Земля претерпела грандиозную катастрофу около пятисот миллионов лет назад. По-видимому, это было связано с появлением луны, которая с тех пор тесно связана с половым размножением. В земной коре возникли разломы, что послужило причиной образования новых гор Кембрийской группы. Погибли практически все формы жизни, но те, которые сумели выжить, дали начало колоссальному разнообразию новых организмов с потенциалом чувствительного опыта. Кроме того, необходимо вообще помнить о том, что эволюция отнюдь не была прямой дорогой к "высшим" формам жизни. Немало многообещающих линий зашло в тупик, и некоторые биологи используют это обстоятельство в качестве аргумента против теории направленной эволюции. Безусловно, для того чтобы создать костную ткань были необходимы продолжительные эксперименты с отсеиванием неудачных результатов. С этой точки зрения, кажущиеся неудачи вносят иногда наиболее ценный вклад в решение проблем жизни. Опять же, не все формы жизни служат утилитарным целям. Нужно также принимать во внимание и другие черты природы. Она прекрасна и шутлива. Недооценивать эти ее свойства просто непростительно.

Демиург открывает перед нами не только целенаправленное стремление к высшим уровням бытия, но также и радость жизни и любовь к забавам. Это прекрасно отражено в Книге Притчей [Соломоновых]⁵, где Мудрость рассказывает о своей роли в сотворении жизни на Земле:

22. "Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони;
23. от века я помазана, от начала, прежде бытия Земли.
24. Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою.
25. Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов,
26. когда еще Он не сотворил ни Земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной.
27. Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны,
28. когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны,
29. когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания Земли, –
30. тогда я была при нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время,
31. веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими".

Некоторые наиболее примитивные формы жизни, такие как морские водоросли и губки, анемоны и даже микроскопические диатомовые водоросли, являются одними из прекраснейших произведений природы. Биологи пытаются объяснить красоту природы с позиции полового отбора или защитной мимикрии, но это относится лишь к наиболее развитым формам жизни, и ни коим образом нельзя использовать этот же аргумент в отношении примитивных организмов.

Четыре следующих свойства природы невозможно понять, иначе как с позиции разума:

1. **Прогресс.** Жизнь развивалась в определенном направлении, в направлении сознательных творческих существ. Налицо все признаки разумного экспериментирования с целью найти наиболее подходящие формы.
2. **Взаимозависимость.** Экология сегодня обнаруживает колоссальную степень взаимозависимости между всеми формами жизни. Ее структура настолько сложна и невероятна, что могла возникнуть лишь благодаря разумному руководству.
3. **Красота.** Обычно это свойство объясняется особенностями человека: мы видим красоту природы, потому что мы так ее себе представляем. Вряд ли можно считать это удовлетворительным объяснением. Красота превосходит человека. Она является свойством Демиурга. Он творит красоту, поскольку любит ее. Воображение божественно: Жизнь на Земле не была сотворена исключительно в утилитарных целях. Демиурга вполне можно назвать художником и поэтом, и наше собственное искусство – это подарок, позволяющий нам разделить его наслаждение.
4. **Игра.** Игра не знает времени; у нее нет ни прошлого, ни будущего. Здесь не уместен вопрос "Почему?" Совместима ли игра с такой великой волей, как Демиург, который объединяет Солнце и Землю, чтобы сотворить жизнь? Да, и еще раз да! Без игры, история не имела бы смысла до скончания веков. Игра – это сотворение настоящего момента, свершение, не имеющее будущего. Изучая космос, а также все милые нашему сердцу нелепости и абсурдные элементы природы, мы видим творческую игру Демиурга, и должны быть готовы присоединиться к ней.

Для того чтобы составить представление о творчестве Демиурга, давайте мысленно перенесемся на сто миллионов лет назад. Повсеместно видны болота и возвышенности, покрытые цветущими деревьями и кустарниками, необычайно высокая трава, а также нежная болотная растительность. В воздухе роятся насекомые, количество и разнообразие которых гораздо превосходят все виденное человеком за его историю. Мы попали на праздник цветов и фантастических форм. В топах преобладают динозавры, в воздухе царят летающие рептилии и некоторые птицы, преимущественно с зубами. Кое-где, можно обнаружить мелких и сумчатых млекопитающих, наслаждающихся влажным теплом вечного лета.

Перед нами удивительная гармония жизни на суше и в океане. Зоопланктон достиг вершины своего расцвета, производя миллионы кубических километров скелетов, которые в будущем превратятся в мел и известняк, от которых получил свое название сам период – Меловой. В море к этому времени сформировались все основные семейства рыб, даже более пестрые и удивительные по своим формам, чем жизнь на суше.

Хищников не так уж много, и жизнь легка. Все вокруг прекрасно, и никто, кроме нас, воображаемых гостей из далекого будущего, не видит всей этой красоты. Но давайте представим, что наше зрение может проникать в скрытые уровни вечности. Теперь мы видим и других наблюдателей, духовные формы Демиурга, чьи тела, построенные из чувствительности, невидимы для глаз обычного человека. Они не просто наблюдают, но и работают. Они прекрасно владеют тем, что мы называем генетикой и экологией. При этом им не чужда любовь и красота. Они видят плоды своих трудов и наслаждаются их изысканностью и красотой. Им также свойственно живейшее чувство юмора, что проявляется в формах, красках и паттернах поведения, которые не имеют "значения для выживания", но вносят наиболее важный вклад в пробуждение чувствительности Земли.

До сих пор, стадии измерялись сотнями миллионов лет, но это условная шкала, применимая только к цикличному времени. Эволюционное время подчиняется другому закону: оно ускоряется. На создание жизни ушел миллиард лет. На появление клеток, полового размножения и смерти потребовалось вполтину меньше времени. Членистоногие главенствовали с конца Кембрия в течение трехсот миллионов лет, прежде чем появились рыбы и рептилии. Меловой период продолжался шестьдесят миллионов лет. Далее следует Кайнозой, или Эра Новой Жизни, начавшаяся шестьдесят миллионов лет назад.

Грандиозная катастрофа, по-видимому, перемещение полюсов из Северной Атлантики и Южной части Тихого океана к их нынешним позициям, произвела драматические изменения в условиях жизни. Полярные шапки сформировались заново и вобрали в себя колоссальное количество океанической воды, обнажив миллионы квадратных километров новой суши, покрытой меловыми остатками диатомовых водорослей. Жизнь подверглась жестокому испытанию и понесла значительные убытки. Из морей исчезли аммониты, а на суше огромные ящеры не смогли приспособиться к суровому климату. Членистоногие, в свою очередь, подверглись небывалому истреблению. Насекомые, которые в Меловом периоде могли жить годами, обладали тогда способностями, о которых мы сегодня можем лишь догадываться по их смутным отголоскам у современных видов.

Одному классу животных, млекопитающим, удалось в полной мере приспособиться к новому суровому климату, хотя не обошлось и без потерь. Трудности не ограничивались неоднократными изменениями климата между холодным Палеоценом и сухим, теплым Оligоценом, но также происходили и грандиозные катаклизмы, в результате перемещения континентов. Затем наступил золотой век млекопитающих, Миоцен, когда

полюса возвратились на свои прежние океанические позиции, и уровень воды значительно превышал сегодняшние показатели.

Наш интерес к млекопитающим, прежде всего, обусловлен их тесной связью с человеком. В Миоцене Демиург потратил двенадцать миллионов лет на эксперименты с чувствительностью. В итоге, для каждого рода и даже вида животных и птиц характерен свой собственный набор чувств. Тогда как хладнокровные животные обладают лишь постоянными чувствительными рефлексам, млекопитающие и птицы воспроизводят весь спектр человеческих чувств: храбрость и застенчивость, доброту и жестокость, любопытство и безразличие, неугомонную активность и сонную праздность, терпеливость и буйство, стремление к одиночеству и стадное чувство, покорность и властность, настойчивость, раздражительность, адаптивность, консерватизм и все разновидности сексуального поведения. Все это можно обнаружить у различных видов млекопитающих и птиц.

Если рассматривать золотой век млекопитающих как подготовку к появлению человека, то почему он длился так долго? По подсчетам Р. А. Фишера, двенадцати миллионов лет хватило бы на создание не одного, а целых двенадцати видов. Я думаю, что появление человека необходимо было отложить до образования достаточного запаса чувствительной энергии. Демиургические разумы использовали богатые возможности млекопитающих в сфере преобразования чувствительной энергии для подготовки "вещества ума", необходимого человеку⁶.

Сотворение современного человека включало в себя четыре различные стадии. Прежде всего, появились приматы и обезьяны, включая человекообразных, которые развивались в течение Миоцена и, в особенности, последних Кайнозойских веков. Тем не менее, до появления первых древних людей в Африке около четырех миллионов лет назад, никаких признаков человека обнаружить не удастся. Хотя Африканские древние люди того времени были всего лишь "экспериментальными" людьми, они могли делать то, что не под силу животным. Они могли приспосабливаться к различным образам жизни, например, превращаясь из древесной плодоядной жизни к наземному существованию. Настоящие же люди, с большим мозгом, способные помнить прошлое и предвидеть будущее, появились значительно позже. Это свойства сознательной энергии, относящейся к более высокому уровню, чем сама жизнь.

Человек стал сознательным благодаря тому, что Демиургу удалось накопить достаточно энергии для этого. Он стал сознательным не случайно, поскольку сознательность не может возникнуть случайно. Если домашние животные иногда и проявляют сознательность, они заимствуют ее у своих хозяев. Это очень хорошо видно на примере лошадей и собак и кошек. Человек обрел сознательность не в качестве временного владения, а как элемент своей эссенциальной природы. Проще говоря, полмиллиона лет назад Демиург смог наделить человека умом. Это было второй стадией. Ум человека не является свойством его тела, хотя, безусловно, для обеспечения связи с миром тел уму требуется мозг⁷.

Воплощения Демиурга обретали власть над людьми не только благодаря своим высшим знаниям, но также и за счет демонстрации собственных возможностей. Они были первыми магами, предшественниками Учителей Мудрости. В северных долинах реки Лены, на российской территории, настолько захолустной, насколько только это могло быть во времена Ледниковых Периодов, сохранились следы Неандертальской магии. Кроме того, Шведский исследователь, Ивар Лисснер, подробно описал сохранившийся культ медведя, подобный тому, который был характерен для жителей известной Дрекенлокской пещеры в

Швейцарских Альпах более пятидесяти тысяч лет назад. Медведю поклонялись, поскольку он считался мудрейшим из всех животных. По преданию, если медведя приносили в жертву в соответствии с довольно сложным обрядом, то его мудрость переходила к племени. Таким образом, на протяжении десятков тысяч лет потребность человека в чувстве защищенности перед опасностями окружающего мира удовлетворялась надеждой на Демиургических магов. Эта вторая стадия обернулась долгим периодом ожидания. Без очевидных причин появление современного человека было отложено на те сто тысяч лет, которые разделяли Ледниковые Периоды Рисс и Верм. По окончании первой волны Ледникового Периода Верм, установился относительно умеренный климат, продержавшийся десять тысяч лет. Именно в этот период, приблизительно тридцать пять – сорок пять тысяч лет назад, был сделан следующий грандиозный шаг.

Третья стадия заключалась в появлении творчества. Можно назвать это сотворением Адама. Более полумиллиона лет человек обладал всеми человеческими качествами, за исключением творчества. Это энергия более высокого уровня, чем сознательность, и является свойством Демиурга. В свою очередь, под "Адамом" я подразумеваю первого человека, который обладал всеми чертами сегодняшних людей. Он мог разговаривать, также как и мы; мог наслаждаться творческим воображением и обращать его в действие; мог осознавать прошлое и будущее, а также понимал, что события могут происходить и на уровнях, не доступных его ощущениям.

Эти свойства не являются непосредственной работой творческой энергии, но они появляются лишь благодаря тому, что творческая энергия стимулирует сознательность. Откуда она взялась? Творчество – это энергия, непосредственно реагирующая на волю, но представители Маустерийской⁸ и древних культур не были индивидуализированными. Они не могли инициировать действия. Способность инициировать новую деятельность все еще была привилегией Демиурга. Каким же образом она была передана человеку?

Практически нет никаких сомнений в том, что произошла мутация, послужившая причиной далеко идущих изменений в анатомии человека. Это открытие было сделано в последние годы, и я не знал о нем, когда писал последний том Драматической Вселенной [около 1964 г.]. Оно в значительной мере изменило мои представления о появлении первых Учителей Мудрости; впрочем, я теперь еще больше уверен, что тридцать пять – сорок тысяч лет назад произошло событие, описанное в Книге Бытия как Сотворение Адама. Открытие заключается в том, что Неандертальцы просто не могли произносить те звуки, которые пользуется современный человек. До последнего времени считалось, что приматы не могли научиться человеческой речи, поскольку их ум не способен освоить сложную структуру языка. В то же время, в последние годы было показано, что шимпанзе может запомнить большое количество жестов-слов и использовать их для общения с гораздо большим успехом, чем позволяет имитация. Человекообразные обезьяны не способны формировать членораздельные звуки человеческой речи в силу своих анатомических, а не умственных ограничений. У неандертальцев были те же самые недостатки. Грандиозная мутация, произошедшая около тридцати пяти тысяч лет назад, сняла это ограничение [связанное со строением гортани], и новая раса получила возможность издавать членораздельные речевые звуки.

Иными словами, я хочу сказать, что обретение человеком творчества было долгожданным событием, которое позволило ему полностью использовать свои возможности. По своей природе, творчество⁹ не может быть передано от одного человека другому. Оно является составной частью сущности, инструментом воли и источником свободы. В связи с этим, творчество должно входить в человека во время зачатия, и это поможет нам понять

механизм его появления у новой расы. Дело в том, что Демиург способен принимать форму мужчины или женщины и зачинать детей. Данное обстоятельство было отражено и в Книге Бытия. Адам был сотворен Элохимом – непосредственно действовавшим Демиургом. Окончательная трансформация, в результате которой человек обрел новые телесные, психологические и духовные возможности Адамовой расы, описана в древнейшем тексте: "Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь (Бог): не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками (сими), потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди" (Быт. 6.1 – 4).

Все это произошло ближе к концу теплого периода, известного как Готтвейгский Промежуточный Период, когда на территории Европы, Центральной Азии и Северной Америки ледники отступили, но не сошли полностью¹⁰. В то время популяции могли свободно перемещаться. Весьма вероятно, что легенда о Райском Саде повествует именно о том периоде, когда человек стал творческим. Древняя неандертальская раса исчезла очень быстро, причем, насколько можно судить, не в результате истребления, а в силу полового отбора. В то же время, у неандертальцев не было шансов пережить угрожавшее возвращение ледников без поддержки магов, которые были тогда заняты новой расой, *Homo sapiens sapiens*. На осваивание нового творчества ушло двенадцать тысяч лет. Это было четвертой стадией. Наступили годы удивительных достижений. Искусство и наука быстро прогрессировали, что проявилось в создании знаменитой пещерной живописи. Люди научились ткацкому ремеслу и стали носить одежду.

Южнее ледников располагалась полоса умеренного климата. Еще южнее лили частые, практически не прекращавшиеся ливневые дожди. Тем временем, люди, принадлежавшие к Оригнацийской и Граветтийской культурам, в терминологии историков, стали использовать речь, хотя их язык и сильно отличался от современного. Так, они сохранили много жестовых элементов своих предшественников. Тем не менее, об их значительных достижениях мы можем судить лишь по скудным следам, по большей части, сохранившимся в глубоких слоях известняковых пещер Туркестана, Кавказа, Франции и Испании.

Уровень моря был тогда ниже, и, по-видимому, центры инициации располагались на территории сегодняшнего Атлантического континентального шельфа. Послания, оставленные в них двадцать тысяч лет лежали под спудом, пока Гурджиев не отправился вместе со мной в пещеры Ласко. Это было его последней поездкой, вскоре после которой он умер 29 октября 1949 года. Гурджиев объяснил мне, что стада оленей, пересекающие реку, отображают ритуал посвящения. Количество отростков на рогах оленя, в свою очередь, указывали уровень развития человека, чей эмблемой служил олень. Следует отметить, что в этих и других пещерах мы обнаруживаем работу не магов Маустерийской культуры, а Учителей Мудрости, живших, по подсчетам известного специалиста в области настенной живописи, Abbe Breuil, тридцать – тридцать пять тысяч лет назад.

Сам Гурджиев говорил мне, что узнал об этих древних школах мудрости благодаря собственным изысканиям в пещерах Кавказских гор, а также великих известняковых пещерах Сырдарьи в Туркестане. Позже я узнал о существовании в Центральной Азии одной суфийской традиции, которая претендует на сорока тысячелетний возраст.

Я, конечно же, не могу назвать свою точку зрения полностью доказанной, но, тем не менее, абсолютно уверен в том, что Адамова эра началась в конце Готтвейгского Промежуточного Периода, и что новая раса выдержала суровейшее испытание последней ледниковой стадии Верма. В течение двенадцати тысяч лет все шло нормально. Интересно, что именно эта цифра упоминается в хронике Авесты в качестве времени существования первой человеческой расы.

Первый "большой цикл" продолжительностью двадцать пять тысяч лет окончился двенадцать тысяч лет назад, 10,000 лет до Р. Х., когда ледники начали постепенно отступать с северных территорий умеренного климата. Таким было начало современной эры. Великие изменения произошли, когда Демиурги перестали овладевать магами. Безусловно, шаманы, потомки великих магов, по сей день свидетельствуют о сохранении традиции. Тем не менее, даже самые великие из них, во времена расцвета шаманизма три тысячи лет назад, не обладали демиургическими силами, которые бы могли направлять человеческую историю и подготавливать будущие события, как это было двадцать тысяч лет назад.

Новая самость человека обрела свою окончательную структуру в тройной природе тела, ума и воли, которая может быть трансформирована в целостную индивидуальность. В то же время, изменения не ограничивались видимым миром. Есть также и второй мир, названный суфиями *alam-i agvah*, или мир духов. Этот мир включает в себя различные уровни, три из которых представляют для нас интерес. Так, есть область чувствительности, которую человек делит с животными. До появления Адама человек не проникал на второй уровень, уровень сознательности. Именно сюда попадают души людей после смерти физического тела, где и пребывают безвременно. Я назвал эту область "Вместилищем Вещества Ума", поскольку энергии, содержащиеся в нем, составляют материал, из которого образуется ум, в отличие от мозга. Третий уровень – творческий. Это сфера Демиурга и полностью сформировавшихся душ людей. Таким образом, вещество ума преобразуется в вещество души. Творчество является существенным элементом формирования души. Человек не мог перейти к следующей стадии своей эволюции, пока не был подготовлен третий уровень. По нашим подсчетам, на это ушло двадцать пять тысяч лет.

Прежде чем мы завершим обсуждение эры Адама, я бы хотел подчеркнуть значительность ее отличий от всех других известных нам эр. Прежде всего, климатические условия определялись ледниками в умеренных зонах, и практически не прекращающимися дождями в тропиках. Человеческая раса все еще была очень немногочисленной и вела довольно рискованное существование в мире мамонтов, лосей, разнообразных видов оленей и диких лошадей. Кроме того, для вооруженных все еще очень примитивным оружием людей, представляли серьезную опасность медведи, тигры и волки. Племена постоянно перемещались, поскольку миграция животных, на которых они охотились, а также места произрастания плодов и корней, служивших им пищей, определялись временем года. В этих условиях, люди были беспомощными без поддержки магов, которые, в свою очередь, держались особняком. Они жили отдельно от пещерных людей, занимаясь искусством и науками, пока что, не доступными для обычных людей. Таким образом, главенство магов было всецелым, и многие из них использовали свою власть не по назначению. Ближе к концу большого цикла, приблизительно двенадцать – пятнадцать тысяч лет назад, эти культуры пришли в упадок, в чем каждый человек может самостоятельно убедиться, обнаружив скудность инструментов и произведений искусства того времени в секции древней истории любого музея.

Человечество, как бы, вошло в период ожидания нового восхода солнца. Маги, знавшие как интерпретировать различные признаки, ожидали отступления ледников и начала новой эры. Те же, кто имел связь с Демиургом, готовились к великому событию.

Здесь я должен сказать несколько слов по поводу своего представления о длительности "эпох". Существует общеизвестное мнение о том, что циклы истории следует связывать с предварением равноденствий, и делить великий год, или большой цикл, длительностью в двадцать пять тысяч астрономических лет, на двенадцать знаков зодиака. Однако мне не удалось найти подтверждение такому подходу. Напротив, большинство наиболее древних описаний делят небо на десять, а не на двенадцать частей. Таким образом, получается, что продолжительность малого цикла, или эпохи составляет две с половиной тысячи лет, и это гораздо лучше согласуется с историческими данными. В цели настоящей книги не входит изучение астрологии или летоисчисления, и поэтому я не могу здесь подробно обсуждать длительность эр и эпох. Тем не менее, для меня очевидно, что в жизни человечества происходили значительные изменения с интервалами в двенадцать тысяч лет, то есть, приблизительно, каждую половину большого цикла, начиная с появления Адама тридцать семь тысяч лет назад. Кроме того, я уверен в существовании менее продолжительных циклов, или эпох, для каждой из которых было характерно особое общепринятое отношение к человеческой жизни. Начало этих циклов соответствует концу Ледниковых Периодов, и последующий период можно назвать "Вторым Адамическим". Тогда же силы, влиявшие на жизнь человечества, разделились, и часть из них стала бороться за сохранение имевшихся на тот момент условий, а другая – способствовать дальнейшей эволюции человека. Маги также разделились на сторонников этих противоборствующих тенденций. Таким образом, произошел раскол между так называемыми черным и белым путями.

Следует отметить, что большие циклы медленно начинаются и постепенно набирают обороты, достигая максимальной интенсивности к своей середине. Мы сейчас, как раз, живем во время одной из таких средних точек, и ни для кого не секрет, насколько быстро разворачиваются события. В течение первого большого цикла (35,000 – 10,000 лет до Р. Х.), творчество постепенно проникало в вещество ума человека. Второй большой цикл начался с медленной концентрации вещества души. Здесь мне следует пояснить отличие вещества ума от вещества души. Вещество ума представляет собой комплекс энергий от чувствительности до сознательности, из которых образуется ум человека. Вещество души, в свою очередь, помимо этих энергий, включает в себя также и творчество. Таким образом, тройная комбинация чувствительности, сознательности и творчества является исходным материалом души. Для того чтобы на его основе была создана душа, необходимо его объединение с волей. Именно это я называю трансформацией.

Отступление ледников сделало жизнь легкой, и, вроде бы, не было причин для продолжения борьбы за лучшую жизнь. Тем не менее, это и было подходящим моментом для развития новых способностей в условиях благоприятного климата. Во второй главе мы постараемся проследить ход событий, происходивших под руководством первых Учителей Мудрости. Последующие периоды оставили после себя гораздо больше сведений для изучения, вплоть до нынешнего времени, когда основная трудность заключается в выделении наиболее важных аспектов происходящего.

1 - прим.ред. оригинала: На самом деле, Беннетт использует также и пятую концепцию, концепцию Космического Согласования, или Бога как Любви. Любовь выходит за рамки творчества Солнца. Она присуща жизни, и жизнь является сферой

ее деятельности. Следовательно, мы можем считать жизнь священной в полном смысле этого слова. Подобно тому, как наш первый опыт любви связан с матерью, опыт Любви человечества связан с любовью, которой обладает природа, его мать.

2 - прим.ред. оригинала: То есть, физического тела, действующего посредством материальных энергий.

3 - "Элохим" – древнееврейское слово, имеющее форму множественного числа. Оно может обозначать, как Дух Бога, так и Духовные Силы.

4 - см. M. Vernet, La Sensibilite Organique (Органическая чувствительность).

5 - см. Книга Притч Соломоновых 8.22 – 31. Прим.ред. оригинала: Беннетт считал, что Мудрость и Демургический разум, в данном случае, одно и то же.

6 - прим.ред. оригинала: Чувствительная энергия является высшей энергией жизни. В человеке она составляет "вещество ума", но только в присутствии сознательной энергии. Понятие различающихся по качествам энергий занимает центральное место в работе Беннетта.

*7 - прим.ред. оригинала: В настоящей книге Беннетт периодически использует суфийскую схему трех миров. Можно обозначить их следующим образом: мир физических тел, мир ума и мир воли. В суфийской терминологии это звучит соответственно: *alam-i ajsam*, *alam-i arwah* и *alam-i itkan*. Второй мир также можно назвать "миром духов", если иметь в виду физические и ментальные энергии, не полностью привязанные к физическому существованию. Именно этот мир люди обычно путают с подлинно духовным миром, выходящим "за рамки ума". Прим. перев.: судя по тексту настоящей книги и других работ Беннетта, именно редакция совершила ошибку. Энергии, в том числе "ментальные", относятся к миру материи, *alam-i ajsam*, тогда как *alam-i arwah* является нематериальным миром духа, действительно, "выходящим за рамки ума".*

8 - прим.ред. оригинала: Маустерийская культура была неандертальской культурой, характерной для периода с четырехсот до ста тысяч лет назад.

9 - Слово "творчество", в данном случае, следует понимать как "творческая энергия" (прим. перев.).

10 - прим.ред. оригинала: около тридцати семи тысяч лет назад; см. предыдущую страницу.

ГЛАВА 2. ДРЕВНИЕ УЧИТЕЛЯ

Четыре центра демиургической работы – Земледелие и оседлость – Формирование базового языка и концепции Бога – Эпоха распространения – Эпоха конфликта – Героическая эпоха – Истоки цивилизации – Падение Минойской власти – Основание Сарманского Общества.

В настоящей главе мы займемся изучением периода истории протяженностью в десять тысяч лет, вплоть до первого тысячелетия до Р. Х. Учитывая серьезность произошедших на Земле изменений, можно сказать, что это даже больше, чем история человечества. Период, о котором пойдет речь, имел большое значение для эволюции жизни в целом.

Эпоха Уединения и Концентрации

До сих пор, жизнь племени зависела от шаманов, которые знали, где и когда искать пищу. Теперь же, их животная природа взяла свое. Некоторые из магов поддались искушению легкой жизни. Одомашнивание животных развивалось очень быстро, и охотники превращались в скотоводов. В то же время, маги, посвященные Демиургом, знали о грядущем испытании. Они покинули обширные равнины, наполненные дикими лошадьми, оленями и домашним скотом, уведя за собой группы кандидатов к посвящению. Именно по этой причине я назвал данную эпоху эпохой Уединения и Концентрации. Она продолжалась с 10,500 по 8,000 год до Р. Х. На видимом уровне культура была Неолитической – новый творческий импульс к созданию лучших инструментов, как, например, в случае Азилийской микролитической культуры, лучшей одежды и жилищ, а также лучших условий жизни.

Задача истинных посвященных заключалась в том, чтобы дать человечеству адекватный язык для выражения абстрактных идей, а также заложить основы веры в возможность связи с духовным миром¹ и научить людей заботиться о себе. Первые Учителя Мудрости стали создателями традиций мудрости. Некоторые из посвященных были не просто руководимы высшей мудростью, но были самим Демиургом.

Об их деятельности можно судить по результатам, то есть по сохранившимся до сегодняшнего дня трем языковым системам, четырем базовым верованиям и четырем разновидностям социальной системы. Кроме того, вероятно, существовал и пятый центр в Андах. Далее я приведу описание четырех центров, которые мне удалось детально изучить.

1. Центр Великой Матери. Его корни уходят в чрезвычайно древние культы плодородия. Преобладающее влияние центра распространялось на Ближний и Средний Восток, а также восточное Средиземноморье, в особенности, на Малую Азию. Концепция Великой Матери была связана с матриархальным земледельческим обществом, и соответствующая культура способствовала появлению первых поселений. Тем не менее, на ее основе не было сформировано никакой особенной языковой системы, поскольку в ней не было необходимости.

2. Центр Великого Духа. Он укрепил свои позиции в центральной Азии и на Дальнем Востоке, а затем его влияние распространилось и на Северную Америку. Центр был организован Демиургическими Воплощениями, которые в качестве магов разработали технику одержимости. Структура общества была кочевнической, и руководство осуществлялось посредством вдохновленных шаманов. В свою очередь, созданные в рамках этой культуры сложные полисинтетические и агглютинативные языки были

способны передавать ощущение невидимого духовного присутствия и безвременного паттерна ситуаций.

3. Центр Бога Творца. По-видимому, он был основан в Северо-восточной Африке, и в последующие тысячелетия на его основе сформировался ряд традиций, связанных с творческими "магическими" возможностями человеческой психики. Именно из этого источника вышли трехбуквенные Хамито-Семитские языки, прекрасно приспособленные к отражению разнообразных творческих проявлений. Социальная структура была аристократической, и общество возглавлялось божественным правителем.

4. Центр Бога Спасителя. Этот центр, насколько можно судить, зародился в пределах Полярного Круга, на территории Северной Сибири. Базовой культурой центра была Гиперборейская. Ей соответствуют грамматически изменяемые Индо-Европейские языки. Культура была основана на ощущении зыбкости существования и необходимости взаимодействия человека с творческим разумом в целях поддержания собственной жизни и прогресса. Созданные языки были хорошо приспособлены для отражения действий в пространстве и времени. Сформировалось кастовое общество.

Далее, я вкратце охарактеризую историю этих четырех культур за первую эпоху. Каждая из четырех культур представляет собой особый Путь Трансформации. Каждая из них была создана Учителями Мудрости, первыми на Земле.

ВЕЛИКАЯ МАТЬ

Традиции Ближнего и Среднего Востока говорят о том времени, когда Великая Мать была источником жизни, а также основательницей искусства хозяйствования, в особенности, сельского хозяйства и, в частности, земледелия. Кибела Фригийцев, Иннана Шумеров, Иштар и Рея – все это имена, которые были даны природе как матери животных и людей. На территории этой культуры были обнаружены остатки древнейших постоянных поселений и истоков сельского хозяйства, возраст которых насчитывает двенадцать тысяч лет, то есть достигает эпохи уединения. В то же время, матриархальные сообщества преобладали еще долго, и до сих пор сохраняются в некоторых отдаленных районах. Наверное, в данном случае, нельзя говорить о подлинном уединении, поскольку Культ Великой Матери сформировался легко, а новых языков этот район не породил.

Подлинные задачи Матери рождение ребенка и забота о нем; обеспечение стабильности общества, и внутренняя чувствительность к Демиургу – все это могло быть отражено в простом ритуале плодородия и смены сезонов. Для этого не требовалось особого языка, и язык первого Адамического цикла вполне подходил для этих целей. Когда же великие переселения народов принесли на эту землю представителей других культур, старый язык был забыт, но культ Великой Матери сохранил свои позиции. Учителя Мудрости ставили перед собой задачу научить человечество практическим искусствам. Обработка меди и железа, ткацкое и гончарное ремесло, колесо и плуг – все это появилось на территории культа Великой Матери. В то же время, общество было экзотерическим, поскольку первые земледельцы не знали, как сохранять плодородность почвы, и по истечении определенного времени им приходилось перебираться на другие земли. Таким образом, культуре Великой Матери было суждено достичь Европы, распространившись по долинам Волги и Дуная, и вытеснить микролитических охотников на Запад.

ВЕЛИКИЙ ДУХ

Жители обширной территории, половины Азии и большей части Америк, искали Демиургическую силу в небе. О ней говорили, как о Великом Духе, который овладевает человеком и делает его творческим. Это верование нашло свое отражение в довольно сложной концепции Дао, вездесущего духа, из которого исходят инь и ян, женский и мужской принципы, порождая триаду и, вместе с ней, все многообразные проявления Великой Природы. В Юго-восточной Азии Великий Дух называют мана.

Домом культуры Великого Духа была Центральная Азия, задолго до того, как ее пышные пастбища и огромные равнины, на которых обитали кочевые племена, были стерты с лица земли. На этой территории древняя магия сохранялась дольше всего. Учителя Мудрости были шаманами, хотя лишь немногие шаманы были Учителями Мудрости. Я думаю, что члены школ мудрости не были кочевниками, и жили оседлыми группами в долинах Хинду Куша и Алтайских гор. Они разработали удивительную языковую систему, основанную на слоговой тональности, к которой относятся тюркские, китайский и малайский языки.

Культура Великого Духа легла в основу потрясающих достижений китайского искусства и науки. Не еще более важным был вклад в развитие техник трансформации. Нигде² секреты духовного мира³ не понимались лучше, чем здесь. Хотя все началось с техники одержимости, использовавшейся шаманами, наиболее древние религиозные традиции свидетельствуют о том, что братство мудрых людей существовало в течение тысячелетий, и многие из секретов йоги, Суфизма и Тантры были открыты именно в этом центре.

БОГ ТВОРЕЦ

В то время как Европа и Азия были покрыты ледниками, Африка подверглась суровым и продолжительным ливневым дождям, которые превратили основную часть низменностей в болота, непригодные для существования. Склоны гор были заселены Палеолитическими племенами. Их возглавляли маги, чьи методы полностью отличались от шаманских.

Для того чтобы понять традицию африканских Учителей, мы должны принять во внимание значение солнца для жителей этого района. Представьте себе, насколько потрясающим было для живших многие тысячи лет в тумане под нескончаемыми ливнями африканцев появление солнца, которое высушило землю и произвело на свет новые формы жизни. В то же время, африканские маги были настоящими воплощениями силы солнца. Они могли убивать и оживлять, и их присутствие ощущалось на расстоянии многих миль непроходимого леса. Они не были простыми вместилищами Великого Духа, подобно шаманам, которые превращались в обычных людей, как только заканчивалась их одержимость. Африканские же Учителя были сверхлюдьми, и, вероятно, даже Демиургическими существами, которые полностью отличались от обычных людей. Им даже было уготовано особое небо после смерти. Эти верования, до сих пор сохраняющиеся в Восточной Африке, свидетельствуют об очень древней традиции, появившейся в те времена, когда там еще были настоящие Учителя Мудрости.

Во время эпохи уединения, центры располагались в Эфиопии, а также, возможно, в Уганде и Кении. Они стали родиной солнцепоклонничества, поклонения творцу и правителю. Там же была создана потрясающая Хамито-Семитская языковая система. В определенном смысле, это самый искусственный язык из когда-либо создававшихся человеком, так как отводит абсолютно разные роли движению и пассивности, то есть, гласным и согласным звукам. Последние выражают основное значение, а первые – связанное с этим значением действие. Тот, кто знаком с древнееврейским и арабским языками, вряд ли будет сомневаться в божественности этих языков.

Невозможно не отметить потрясающее единство видения, объединившего концепцию Единого Бога Творца, автократическое и теократическое государство, и священный язык. Вне всяких сомнений, создатели Семитической традиции были настоящими Учителями Мудрости.

БОГ СПАСИТЕЛЬ

Мы подошли теперь к загадочной, почти невероятной истории зарождения Арийской традиции. Я бы никогда сам не догадался о том, что происходило, и исходной точкой для меня послужили исследования замечательного человека, В. G. Tilak, одного из основателей Индийского Патриотизма, ученого с большой буквы, и человека глубочайшей духовности⁴. Он опубликовал свои исследования в научных журналах, после чего они были собраны в его удивительной книге *The Arctic Home in the Vedas* [Арктический Дом в Ведах]. Эта книга настолько поразила меня, когда я прочитал ее тридцать лет назад, что я не понимал, почему изложенная в ней теория не получила всеобщего признания. С тех пор, я проводил собственные изыскания и обнаружил много подтверждений, недоступных для автора в те года.

Основная идея заключается в том, что гимны Вед, по всей видимости, были написаны священнослужителями Заполярья. Я не могу в настоящей книге привести всех доказательств этой теории, но один пример, все же, приведу. Ushas, в Ведах, являются богинями восхода. О них говорится более трехсот раз в двадцати гимнах. В то же время, в Индии восход не представляет собой ничего грандиозного: ночь сменяется днем очень быстро, как и во всех субтропических районах. А вот в Арктике восход необычайно удивителен. Солнце движется вокруг полярной звезды, и в конце шестимесячной ночи рассвет появляется вновь и вновь. На сибирских берегах Северного Ледовитого океана солнце, розовое и вселяющее надежду, движется в завораживающем танце, подходя близко к горизонту и снова пропадая в темноту. Такие ложные рассветы появляются один за другим тридцать раз. В то же время, Веда описывают Ushas как тридцать сестер, которые танцуют кругами по пять групп, прежде чем встает солнце. Вряд ли кто-нибудь мог бы представить себе рассвет, движущийся кругами по небу, не побывав на Крайнем Севере. Существует и множество других доказательств Гиперборейского происхождения Ведических гимнов. То же самое относится к гимнам Авесты и Северным сагам. Даже у некоторых эпизодов из произведений Гомера явно были Арктические источники.

Уже после того, как Tilak написал свою книгу, исследователи выяснили, что на территории сибирского побережья двенадцать тысяч лет назад климат был гораздо более мягким, чем сегодня. Кроме того, на берегах Северного Ледовитого океана были обнаружены следы поселений. Гесиод пишет, что когда Зевс обрел власть над Титанами, они отправились на Север и жили "С сердцами, лишёнными страстей, на Благословенных Берегах, по берегам Океана, в котором бурлил великий поток"⁵. Это и другие описания Гиперборейского района превозносят мягкий климат, преобладавший рядом с "окаменевшим морем", то есть, ледяной шапкой полюса.

Давайте предположим теперь, что на Крайнем Севере была школа мудрости, и что Титаны Гесиода были посвященными, которые ушли туда, когда борьба за власть, обусловленная потеплением климата, потребовала от них подготовки лучшего будущего для человечества.

Внешние условия полностью отличались от условий остальных трех центров. По моему мнению, маршрут уединения был морским и пролегал вдоль западного берега Европы. В то время, уровень океанов повысился, благодаря таянью ледников, и это могло быть

решающим фактором для уединения. Достигнув Полярного Круга, колонисты оказались совершенно оторванными от всего остального мира, и оставались в таком положении более двух тысяч лет. За это время были создан базовый Индо-Европейский язык и новая удивительная традиция. У людей появилось живейшее ощущение человеческой беспомощности перед лицом чудес природы, и потрясающая мистерия смены дня и ночи, заставила людей сомневаться даже во всемогущести богов. Долгие холодные ночи, во время которых замерзала вода, чередование прекрасных розовых рассветов, ломка льдин при появлении солнца, вращение колеса неба – все это составило основу сказаний о спасении дома богов и людей от злой и завистливой силы, таящейся на юге. В одной из своих наиболее древних Ведических форм, эта история находит свое отражение в ритуале празднования победы бога-спасителя Индры над злой силой Вритра, державшей солнце в подземном плену.

Миф приобретает жизненную силу, если принять во внимание, что колонисты ушли от злых сил, охвативших родину. Таким образом, понятие добра и зла обрело связь с Арктическим днем и ночью.

Теперь, следует сказать несколько слов по поводу исключительно важного элемента, который отличает Арийскую традицию от всех остальных. Бог нуждается в человеческой помощи. Именно в этом заключался смысл ритуальной жертвы, благодаря которой, человек получал связь с Богом Спасителем. С этой целью был создан новый язык, священный язык для использования исключительно в священных ритуалах. Для того чтобы быть посвященным в этот язык, человек должен был доказать свою пригодность. На этом обстоятельстве основываются мифы и легенды о героях и их подвигах.

Созданный язык был одним из величайших достижений Учителей Мудрости. Благодаря ему, стало возможным выразить наиболее сложный и утонченный опыт, на который только способен человек. Сегодня мы пользуемся лишь дегенерировавшими остатками изначального варианта. Такие древние языки, как Санскрит, литовский и цыганский, свидетельствуют о структуре, которая соответствовала паттерну вселенной. Созданный тогда язык был, кроме того, очень гибким, и смог приспособиться к произошедшим за последние десять тысяч лет изменениям лучше, чем другие два базовых языка.

Поколения сменялись поколениями. Постепенно, новый язык становился все более известным, вся жизнь сообщества была вовлечена в ритуальные практики. Учителя передали свои секреты священнослужителям, и поддерживали контакт лишь с немногими избранными последователями. В то же время, долгие зимы способствовали взаимообмену и общению, после того как заканчивалась летняя работа. Очарование драмы зимы и лета отражалось в песнях и танцах. Тем временем, Учителя Мудрости потихоньку приводили своих последователей к мысли о том, что развитие жизни ушло дальше удовлетворения животных потребностей, и, таким образом, начался поиск истины. Произошло грандиознейшее событие. Человечество научилось мыслить.

ЭПОХА РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Между 8000 и 5500 лет до Р. Х. на Земле преобладали наилучшие климатические условия за сто тысяч лет. Единственным районом, условия жизни в котором ухудшились, стал Крайний Север, отрезанный от благ Гольфстрима. Ледники растаяли, и степи были покрыты богатой мореной, на которой произрастало множество трав. Все это обеспечивало существование колоссальных стад бизонов, диких лошадей, а также многих разновидностей оленей. Население Земли также значительно выросло. Во время первой

Адамической эры вся человеческая раса едва ли насчитывала два миллиона, а к шестому тысячелетию до времени Христа эта цифра увеличилась в десять раз.

С этого момента начались первые переселения, возглавляемые Учителями. Арийцы продвигались на юг по долинам Оби, Енисея и Лены, а затем достигли равнин Туркестана, где встретились с людьми Великого Духа. Последние достигли небывалого расцвета, поскольку их кочевнический образ жизни позволял им в полной мере пользоваться преимуществами возросших пищевых запасов. Они распространились на юг в Индию, на восток в Китай и даже перешли по давно уже сформировавшемуся перешейку в Америку. Представители культуры Бога Творца заселили Египет, а некоторые группы достигли Месопотамии. Переселявшиеся группы несли с собой свои традиции, свой язык и свой образ жизни.

Наступившая Эпоха была самой мирной и счастливой со времени сотворения Адама. Среди ископаемых остатков поселений, существовавших с 8000 по 5500 лет до Р. Х. не было обнаружено никакого оружия. Злые влияния, охватившие Землю в конце Адамической эры, были нейтрализованы и не появлялись вплоть до завершения эпохи. Вполне вероятно, что это и было тем золотым веком, о котором упоминают очень многие традиции.

В районе культуры Великой Матери земледелие получило значительное развитие, благодаря одомашниванию всех наиболее важных зерновых культур. Было открыто брожение, и виноград стали выращивать для винодельческих нужд. С другой стороны, искусно сделанные из обсидиана, прекрасного вулканического стекла, инструменты обеспечили развитие ремесел. Первые поселения росли и процветали. В качестве одного из ярчайших примеров можно привести Catal Huyuk, основанный в начале эпохи, около 8000 лет до Р. Х. Повсеместно мы обнаруживаем мир, процветание и наслаждение красотой. В Европе, Великой Матери поклонялись от поселений на Швейцарском Озере до Уиндмилл Хилл в Англии. Культура распространялась постепенно, по мере того, как земледельцы переселялись в поисках земли, перегоняя за собой свой скот. Следы этой культуры можно обнаружить от Долины Инда в Индии, до Ливии. Богине Матери поклонялись также в великих центрах Хараппы и Могенджодаро, прежде чем на эту территорию пришли Арийцы.

Самым замечательным достижением представителей культуры Великого Духа была колонизация Америки⁶. Мамонты, бизоны и антилопы мигрировали в Великие Каньоны. Великий Дух обрел новый дом, в котором главенствовал в течение восьми тысяч лет. На основе лингвистической составляющей культуры сформировалась местная речь, и в Северной Америке всеобщее спокойствие золотого века, похоже, сохранялось дольше, чем во всех других частях света.

Из-за фактических пробелов, я не мог точно сказать, что происходило в Южной Америке. Может быть, там был пятый центра, а, может быть, культуре Бога Творца удалось пересечь Атлантику. Удивительное сходство монументов, символов и верований Мексики, Андийских культур и Египта привело многих исследователей к мысли о том, что подвиг пересечения Атлантики был впервые совершен шесть или семь тысяч лет назад. Кроме того, смутные отголоски этого события можно обнаружить в легендах об Атлантиде⁷.

Похоже, что страны Средиземноморья очень давно познакомились с культурой Бога Творца и Семитскими языками. Древний мальтийский язык и этрусская культура подтверждают это предположение.

Культура Бога Творца проникла на Восток гораздо позже. Посмотрите на карту мира, и вам станет понятно, что естественным местом встречи трех культур был район между Каспийским и Аральским морями. Традиция повествует об этом районе, как о пристанище наиболее древней школы мудрости, объединившей все учения и верования. Здесь понимали связь между Великой Матерью и Богом Спасителем, а также считали Великий Дух связью между человеком и Творцом, от которого он исходит.

К шестому тысячелетию до Р. Х. Арийская традиция укрепила свои позиции в своем новом Центрально-азиатском доме. Численность человечества значительно выросла, и люди расселились по всей Земле. Постоянно улучшающиеся условия жизни вселили уверенность в устойчивости человеческого сообщества.

Вопреки этой уверенности, около шести тысяч лет назад произошли грандиозные климатические изменения во всем мире. Происходили также и серьезные природные катастрофы. Великий Сибирский метеорит обрушился на Землю с силой тысячи атомных бомб. Вероятно, его падение можно было ощутить во всех уголках планеты, как предвестник надвигающейся катастрофы. Земля вошла в период бурь и засухи. Триллионы квадратных миль богатых равнин превратились в пустыни, такие как Сахара, Аравийская пустыня, Каракумы и Гоби. Обитатели этих территорий были вынуждены переселяться, и таково было начало борьбы за землю. Первые же завоевательные войны изменили весь образ жизни человечества.

ЭПОХА КОНФЛИКТА

Между 5500 и 3000 лет до Р. Х. власть перешла от посвященных, сохранявших традиции, к лидерам⁸, которые могли обеспечить свой народ землей. Только когда горные реки стали снабжать водой значительную часть земель, племена Великого Духа и их шаманы смогли вернуться к своему древнему кочевническому образу жизни.

Именно тогда Учителя Мудрости создали тайные святилища, где их учения могли сохраняться для будущих поколений. Таким было начало "великой работы". Эта ситуация была неизбежной, и ее предвидели очень давно. Когда люди научились использовать собственные творческие способности для обретения власти над другими, возникло разделение каст и наций. Тогда же зародилась явная экзотерическая власть, поддерживающая целостность общества. Учителя не могли взять на себя эту задачу, а люди не были готовы обращаться к ним за советами.

К концу эпохи климатические условия снова переменились. В результате засухи, были высушены великие долины Нила, Тигра и Евфрата, а также Желтой Реки в Китае, что сделало их пригодными для обитания.

Ритуальные практики, языковые системы и основные мировоззрения, сформировавшиеся в начале большого цикла, сохранились, но перешли под контроль священнослужителей и лидеров. Вторым результатом переселений стало установление торговли, вытеснившей бартер как способ обмена. Были изобретены деньги, и во многих районах использовалась письменность. Росло значение городов-государств. Таким образом, мы вступаем в исторический период, видимые события которого были описаны в эпической поэзии и подтверждались надписями, а, иногда, и полноценными летописями на глиняных табличках или камнях.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭПОХА

Около пяти тысяч лет назад, человечество начало иначе смотреть на вопросы смерти и бессмертия. Человечество верило в бессмертных Богов и искало бессмертных людей. Так начиналась Героическая эпоха. Первым известным героем был Гильгамеш, легенды о котором сохранились в виде серии клинописных записей.

На героев возлагалась двойная задача. У них была непосредственная связь с богами, и они были способны обеспечить благоденствие своего народа. Очень часто героев считали полубогами, полулюдьми. Именно так дело обстояло в Египте, где фараон был бессмертным правителем, который мог распространять свое бессмертие и на свое окружение. Такие представления о героях были характерны для культуры Бога Творца. В культуре Великой Матери также нашлось место героям, которые как супруги богинь сами становились бессмертными. В культуре Великого Духа герои были воплощениями Великого Духа, позднее получившими название Шангти. Неудивительно, что Арийцы, носители культуры Бога Спасителя, видели своих героев в людях, отдававших свои жизни, помогая богам в их борьбе с темными силами.

Во всем этом невидимую роль играли Учителя Мудрости. Именно они увидели, что пришло время разделить людей, в соответствии с их способностями к трансформации. Далее я буду использовать классификацию из Драматической Вселенной.

Те люди, которые не вступают или, в силу своих природных недостатков, не могут вступить на путь трансформации и обрести душу, составляют "психостатическую" группу. Во главе психостатической группы общества стоит внешняя власть, или лидер.

Те, кто вступил на путь трансформации и поставил перед собой задачу достижения бессмертия, составляют "психокинетическую" группу. В эту группу входят различные подгруппы: кандидаты, стремящиеся к трансформации и вставшие на этот путь; специалисты, достигшие определенного мастерства в передаче психокинетических идей и техник; советники, способные на основе своего обширного опыта служить опорой другим людям на опасном пути трансформации; а также посвященные, которые вступают в связь с Демиургическим разумом, хотя и не на постоянной основе.

Сами Учителя относятся к "психотелеологической" группе; они завершили собственную трансформацию и могут вступать в непосредственное общение с Демиургом и даже с Отцом Создателем. Эти люди познали секрет бессмертия и стали *duraosha haroma*, теми, "от которых бежит смерть". Эта группа включает в себя святых и водителей (руководителей), помогающих группам, стремящимся к трансформации, а также пророков и мессий, которым даются указания "свыше". При этом, мессия является воплощением "свыше"⁹.

Для того чтобы человеческие общества обрели такую структуру, необходимо разделение функций. Внешне это приводит к образованию классового общества. Средний класс возник, когда стала бурно развиваться торговля и производство, то есть, когда городам-государствам стали нужны профессиональные администраторы. Некоторое время, например, при Минее, первом правителе объединенного Египта, Гудее в Легаше, Великом Саргане Аккадийском и Брихадрате в Индии, герои были по-настоящему великими людьми, и в течение нескольких поколений существовало нечто подобное идеальному обществу. Они были одновременно и правителями, и священнослужителями, а также поддерживали непосредственную связь с Учителями Мудрости, некоторых из которых мы знаем по именам: Имхотеп, основатель египетской астрономии и медицины, Хаммурапи, законодатель Вавилона, и Ману, законодатель Индии. Думаю, что сюда также следует добавить загадочную личность Мелхиседека из Легаша, о котором говорится в ключевых

местах Иудейских и Христианских писаний, как о человеке, посвятившем праотца Авраама.

С Героической эпохи началась история цивилизация, как мы ее себе представляем сегодня. Для этого была необходима сильная видимая власть, чтобы заставить все население принять навязываемую систему ценностей. Именно поэтому Учителя Мудрости приходили под видом законодателей, таких как Икшваку, Ману и Моисей. Некоторые из них относятся к высшей категории психотелеологической группы – к мессиям (посланникам) Отца Создателя. Другие же, подобно Гомеровскому пророку Тиресию из Одиссеи, были единственными среди мертвых, кто сохранил свои способности восприятия и действия. Он был выше героев, которые искали его помощи.

Все сказания Героической эпохи повествуют о людях потрясающей жизненной силы, но не умевших контролировать свои страсти и даже часто лишенных здравого смысла. Они совершенно отличались от пророков и водителей. Подобные описания мы находим в повествованиях о Царе Сауле или Агамемноне.

Для нас очень важно подчеркнуть абсолютное отсутствие ценности человеческой жизни и безразличие к страданиям, которыми изобилует литература и летописи этой эпохи. Мы находим записи на камнях, в которых цари-герои хвастаются невообразимыми жестокостями. Мы обнаруживаем в священных книгах повеления "Бога" истреблять всех мужчин, женщин, детей, животных и вообще все живое в завоеванном городе. Эта эпоха для нас совершенно непостижима. Мы не можем понять, что три тысячи лет назад во внимание принимались только герои, обычные люди были чем-то вроде скотины, или даже еще незначительнее.

И все же, Героическая эпоха не была лишена великих достижений. Наука начала свое постепенное покорение природы и самого человека. Сухопутные и морские торговые пути связали все части мира. Были построены грандиозные храмы. К этому периоду относится мегалитическое искусство Европы, строительство пирамид и грандиозных храмов в Египте. К нему же относится основная часть Бронзового Века и открытие плавки железа Хеттами. В Халдее была открыта математика, астрология и медицина. Список этих достижений мог бы заставить нас уважать жителей той эпохи, если бы мы не помнили также и об их жестокости, детском тщеславии и борьбе за власть.

Приблизительно в середине второго тысячелетия до Р. Х. произошло очень важное событие. Большинство людей слышало о нем под названием "гибели Атлантиды", как это назвал Платон в своем Тимее. Для того чтобы осмыслить произошедшее, нам придется вспомнить о положении дел в восточном Средиземноморье. Как известно, Египет был завоеван загадочным народом, Нуksos, и начал выходить из кризиса лишь под руководством великих фараонов Восемнадцатой Династии. Маленький остров Крит стал первой империей, впервые использовавшей преимущества морской силы. Эта империя контролировала все торговые пути, и при помощи созданного военного флота могла завоевывать те или иные территории в целях расширения и поддержки собственной торговли. Критяне начала Минойского периода добились потрясающих технических успехов. Они усовершенствовали мореплавание при помощи магнита. Они открыли способ производства и литья бронзы, окраску тканей, а также изобрели первые огнеметные механизмы, наводившие ужас на все Средиземноморье. В то же время, приходится верить тому, что рассказывает Платон о жестокости Крита на вершине своего могущества. Подобная жестокость была типична для периода упадка Героической эпохи, но никоим образом не объясняет необычайного ужаса, внушаемого Минойским Критом. Причина заключается в полном отвержении системы ценностей, характерной для эпохи.

Критское общество не было Героическим; оно было олигархией принцев, стремившихся к материальным благам и наслаждению жизнью. Священные ритуалы поклонения Богу Творцу и Великой Матери были превращены в спортивные состязания. Бой быков и атлетические соревнования вытеснили поклонение Богу Творцу и мистерии Богини Матери. Завоевав Египет, Нуксос истребили священство и поглумились над божественными притязаниями фараона.

Учителя Мудрости предвидели опасность того, что материалистическая, гедонистическая философия жизни может возобладать над умами людей, когда основная масса населения потеряет способность выносить независимые суждения. Только вера в личную судьбу после смерти, благополучие которой зависит от образа прожитой жизни, могла противостоять влечению к удовольствиям, тянувшему человека обратно в его состояние на момент первого Адамического цикла. Эту опасность невозможно было предотвратить силовыми методами, поскольку граждане Минойской империи сочетали любовь к удовольствиям с обладанием непобедимой морской силой, противостоять которой не могла ни одно сухопутное войско. В свою очередь, Египет также переживал расцвет собственного могущества. Тотмес III, подобно Наполеону, простер свои завоевания через всю Азию до великих рек, но Крит, подобно Англии, царил над морями.

О власти Египта повествует Тора. Фараон был жестоким тираном, удерживавшим в плену Израильтян, чья необычайная судьба заключалась в объединении великих культур в единую религию. Они пришли в Египет с традицией Великого Духа, где были обращены в традицию Бога Творца. Они знали, что пришли из Месопотамии, и что им было суждено возвратиться в землю, обещанную Аврааму. Но они были беспомощными, безоружными и плененными.

Среди сил, потрясавших тогда мир, не было ни одного человеческого фактора, который бы мог обеспечить время для приближавшегося откровения. Возможно, Учителя знали заранее, о том, что должно было произойти, а, может быть, даже были способны обеспечить необходимые условия. Так или иначе, они были готовы.

Одним роковым днем 1447 года до Р. Х.¹⁰ грандиознейшая природная катастрофа со времен Сибирского метеорита разрушила маленький остров Санторин; колоссальное подводное землетрясение вскрыло морское дно, и миллионы тон воды обрушились на раскаленную до бела магму. Произошедший в результате этого взрыв поднял огромную волну, прокатившуюся через все восточное Средиземноморье. На своем пути эта волна уничтожила весь Критский флот, а также дворцы Кносса и Като Закро. Кроме того, она обрушилась на Пелопоннес и Аттику, вызвав наводнение, известное в Греческой литературе под названием Деукалионского. Она достигла также и Египта, произведя многочисленные бедствия, подробно описанные в Исходе. Вся мощь Египта была в мгновение ока парализована, и Моисей смог вывести детей Израиля из плена.

Трудно представить себе, чтобы исход не был спланирован заранее. Учителя Мудрости, с которыми был тесно связан Моисей, наверняка должны были подготовиться. Сам Моисей был больше, чем Учителем. Описание его сильных и слабых сторон, приведенное в Исходе, показывает нам, что он не был обыкновенным человеком. Он стал основателем первой настоящей религии, и также как и все другие основатели пользовался поддержкой Учителей Мудрости.

Если рассматривать Крит и Санторин как большой и маленький острова, описанные Платоном в Тимее, то история гибели Атлантиды обретает свои очертания. Платон не смог объяснить лишь особенность жестокости Минойской империи. Минойцы не были

более жестокими, чем герои Илиады Гомера или Египетские фараоны. Они согрешили перед самой судьбой человечества: их вина усугублялась тем, что они могли бы возвестить всему миру о грядущем откровении. Из-за этого провала, откровение достигло Европы и, возможно, даже Америки многими веками позже.

Когда Учителя Мудрости создали концепцию царя-героя, для того чтобы побудить человека использовать собственное творчество, эти события были все еще в далеком будущем. Однако к началу первого тысячелетия до Р. Х. герой совершил духовное самоубийство. Из героя он превратился в тирана. Вместо того, чтобы дать своему народу бессмертие, он обратил людей в собственных рабов.

Все это предвиделось и планировалось. Истории было уготовано полностью изменить свое направление. Но, прежде чем перейти к этому вопросу, я должен рассказать о событии, которое произошло около четырех тысяч лет назад, когда Героическая эпоха переживала свой расцвет. Воздвигались храмы в Египте, Стоунхендж в Англии и великие зиггураты в Уре и Легаше. Мир и благоденствие обеспечивались такими могущественными царями-священнослужителями, как Великий Сарган Аккадийский. Тем не менее, Учителя предвидели кризис Героической эпохи и ее увязание в зыбучем песке человеческого эгоизма. В связи с этим, они решили основать братство, задача которого состояла бы в сохранении ядра учения, а также особых возможностей, которыми обладали Учителя Мудрости. Позже это братство получило название Общества Сарман, от персидских слов, означавших "голова" и "чистый". Кроме того, слово сарман можно перевести и как "пчела". Игра слов, столь популярная на Востоке, отражает двойную ответственность. Цель общества заключалась в сохранении главнейших сил Учителей в чистой форме. В те времена это называлось Хварено, что означало секрет успеха, символом которого служил ореол героя. Второй обязанностью, как и у пчелы, было накопление и сохранение знаний, обретенных школами Мудрости на различных уровнях. Общество посылало своих представителей во все центры мудрости и несло ответственность за подготовку выдающихся событий, описанных в третьей главе.

1 - В англоязычном оригинале стоит прим.ред. оригинала: "Беннетт имеет в виду мир, стоящий за духовным миром", но переводчик считает, что речь идет именно о духовном мире. Этот вывод сделан на основе других книг того же автора. См. Духовная Психология (прим. перев.)

2 - Возможно, за исключением центра в Андах. Не могу сказать точно, поскольку мне не довелось должным образом изучить этот район.

3 - Редактор ссылается здесь на Alam-i arvan, называя его миром энергий, таких как чувствительная, сознательная и творческая. По мнению переводчика, здесь опять редактор допускает ту же самую ошибку. Речь, несомненно, идет о нематериальном духовном мире (прим. перев.)

4 - Наверное, я могу претендовать на отдаленную связь с ним, поскольку мой тесть, Frederick Elliot of Baroda, был домашним учителем Геквара [Tilak].

5 - Hesiod, Works and Days, pp. 172-3.

6 - Прим.ред. оригинала: Есть доказательства, подтверждающие переход по перешейку около пятнадцати тысяч лет назад. Здесь же речь идет об особом переселении, которое было совершено под влиянием творческой деятельности

центра Великого Духа, приблизительно десять тысяч лет назад.

7 - Прим.ред. оригинала: В мифе об Атлантиде есть два четко различающихся между собой элемента. Одним из них является возможное пересечение Атлантического Океана со стороны Африки, о котором здесь говорится. Другой гораздо позже (во втором тысячелетии до Р. Х.) был описан Платоном в Тимее, и неоднократно упоминается далее в этой главе.

8 - Прим.ред. оригинала: терминология соответствует Драматической Вселенной, Том 3, гл. 41. Лидеры являются высшей подгруппой психостатической группы людей, то есть людей, отстраненных от трансформации.

9 - Прим.ред. оригинала: Он приходит из-за пределов Творения и Демииурга. Прим. перев.: довольно странное утверждение, если иметь в виду нетварное происхождение воли и тварность всего остального.

10 - Это время я вычислил, исходя из указанного во Второй Книге Царств интервала между Исходом и воздвижением храма Соломона в Иерусалиме. Дата была подтверждена археологами, изучавшими Санторинское землетрясение.

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЕ ОТКРОВЕНИЯ

Потребность в любви – Новшества – Изменения в четырех культурах – Лао Цзы и Конфуций – Будда, Джина и Госала – Зороастр – Израильяне – Крах Ахеменидской империи – Упадок религии

Конец Героической эпохи стал периодом всеобщего замешательства и страха. Грандиозная череда событий привела к формированию новой расовой системы. От Атлантического до Тихоокеанского побережья образовывались все новые оседлые сообщества, контролируемые тиранами, которые позорили имя Полубогов. В то же время, четыре культуры не просто пересекались между собой, но слились в единое целое, положив начало колоссальному количеству разнообразных верований и практик. Тем не менее, пока еще не было создано ни одной подлинной религии, которая бы могла обеспечить объединение людей в общем духовном действии. Внешне, жители различных районов мира стали ближе друг к другу, и трудностей у путешественников стало значительно меньше. Ассирийская империя, занимавшая первостепенное положение в Западной Азии, хотя и возглавлялась кровожадными тиранами, открыла сухопутные и морские торговые пути, которые обеспечили торговые и культурные контакты между Китаем и Индией, Бактрией и Аравией, Египтом и Европой. В бронзовом веке возникла необходимость в олове, в поисках которого корабли бороздили все моря. Англия, которая внесла свою лепту в мегалитические достижения, стала одним из основных поставщиков олова и других необходимых металлов. Товары из далеких стран, обнаруженные археологами в поселениях того времени, свидетельствуют о небывалом развитии торговли.

На фоне экономического и технического прогресса черным пятном просматривается социальная и моральная дегенерация конца Героической эпохи. Было утеряно единство истории. Героические империи Китая, Индии, Центральной и Юго-западной Азии, Египта и Европы стали похожими на часы, шестеренки которых потеряли сцепление. Есть даже признаки такого же беспорядка в Центральной и Южной Америке. Лишь кочевники

Великих Равнин сохранили свой древний образ жизни в северных широтах Америки и Азии. Для всего остального мира было характерно стремление к завоеваниям вырождавшихся царей-героев, своекорыстные пришедшего в упадок священства и страдания простых людей.

Таковы были последствия распространенной по всей земле веры в сверхлюдей, которые должны были привести свой народ к бессмертному будущему. Следует ли считать Эпоху провалом, потому что герои не смогли быть до конца героями? Мы должны смотреть на вещи глубже. Человеческий ум не был готов воспринимать тайны религии, и концепция божественности правителя послужила лишь очередной ступенькой на пути. Правитель должен был представлять собой символ любви и величия; неудача лишней раз показала, что без любви человечества всегда будет катиться в пропасть.

Между 600 и 500 годами до Р. Х. мир претерпел серьезнейшие изменения. В 612 году Ассирийская империя была разгромлена Киrom. Акеминидские правители больше не претендовали на полубожественный статус, называя себя смиренными слугами Бога. В Египте вновь наступило благоденствие и торжество закона, благодаря мудрому правлению Псамметикла. В то же время, египетское священство возобновило свой контакт с Учителями Мудрости, контакт, сохранявшийся в течение ста лет. Фараон больше не претендовал на божественный статус. То же самое произошло и в Риме, где Сервий Туллий утвердил принцип равенства всех римских граждан, включая самого правителя. В Индии такие правители, как Расенади из Косалы и цари Магадха, полностью отказались от героических претензий. То же самое относится и к династии Цинь в Китае.

Таковыми были внешние изменения. Не смотря на них, у простых людей не появилось надежды на личную судьбу. Впрочем, не везде ситуация была такой печальной. В течение всей Героической эпохи, Путь Посвящения оставался открытым. В этой связи я уже говорил о великом Сарманском Обществе. Были также и другие братства, и все способные трансформироваться могли быть посвящены. Это был путь мистерий. Только так Учителя Мудрости могли подготовить и выбрать тех, кого следовало привлечь к великой работе¹.

"Новый путь" должен был стать открытым для всех людей, о чем можно было узнать исключительно через откровение. Новое учение должно было проповедоваться открыто, и оно пришло практически одновременно во все части мира. Учителя Мудрости способны смотреть далеко вперед и также далеко назад. Они знали, что ожидался грандиозный эксперимент, представлявший собой, как минимум, попытку наделить человечество необходимым для завершения его эволюции качеством. Это должно было произойти к концу полуцикла, начавшегося на десять тысяч лет раньше того момента. Таким образом, вторая половина большого цикла могла быть посвящена достижению единства человека и природы. В то же время, поскольку для этого необходима любовь, человечество должно было понять, что всеобщая любовь превышает творчество, и что человеку нужно научиться той беспристрастной и бескорыстной любви, которую питает к нему Великая Природа.

Было необходимо дать пробудить уверенность в собственной судьбе во всех людях, а не только в избранных героях или священнослужителях. Этого не могло произойти, пока правители относились к людям, как к скотине. Каждый человек должен знать о наличии в себе семени бессмертной души, и быть готовым относиться к другим людям с любовью и уважением, принимая во внимание наличие в них такого же семени. До сих пор, Демиург сосредотачивал свои усилия на эволюции человеческого ума. Теперь же, нужно было обратиться к душе человека. У людей было вещество души, и даже индивидуальность, но у них не было настоящей любви. Душа нуждается в любви, также как ум нуждается в творчестве. Демиургические разумы не могли попросту внедрить любовь в души людей,

но посредством Учителей Мудрости они могли обеспечить необходимую подготовку ума человека.

Произошедшее событие можно назвать рождением религии. Человеку предстояло сформировать представление о Боге, как о существе², доступном для каждого человека. Безусловно, в течение предыдущей эпохи многие тысячи людей были посвящены в таинства, но они были отгорожены от обычных людей официальными ритуалами, которые совершались героями и священнослужителями без какого-либо участия зрителей. Новое учение, напротив, гарантировало людям участие каждого – человека в судьбе человечества.

Каждая из четырех культур внесла свой особый вклад в произошедшее событие.

Богиня Мать стояла в центре мистических учений Греции, Сирии, Малой Азии и Египта. Фригийская Кибела распростерла свои объятия для всего человечества около 600 лет до Р. Х. Концепция мистического объединения с Великой Матерью была преобразована в путь обретения человеком собственной души. К сожалению, из-за преобладавшего на востоке Средиземноморья минойского влияния, Учителя Мудрости не смогли приобщить этот район к согласованной деятельности, которая охватила Азию. В результате, новое учение стало, в большинстве случаев, трактоваться с гуманистической, а не с религиозной позиции. О том, как Учителя Мудрости боролись с этой проблемой можно прочесть в книге Гесиода Труды и дни, написанной в седьмом веке до Р. Х. Внешне, о сложившейся ситуации можно судить по Ионийским философам и времени Солона в Афинах.

Два великих пророка Китая, Лао Цзы (604 – 510 гг. до Р. Х.) и Кун Фу, или Конфуций (551 – 479 гг. до Р. Х.) олицетворяют собой два проявления Великого Духа. Лао Цзы учил о Дао как об источнике и конечной цели мира, а также как о сердце самого человека. Поскольку Дао для всех одно и то же, нет никакой необходимости в посреднике. Человек должен всего лишь "с гибкостью следовать Природе", возложив все свое упование на Дао, и тогда все будет в порядке. Конфуций, в свою очередь, определил работу Великого Духа, как Чжень, или доброта. Ни один из этих пророков не проявлял признаков влияния других традиций. Как Дао, так и чжень являются способами выражения нового откровения, суть которого в том, что у всех людей одна и та же духовная природа. "Мудрецы Прошлого" знали эту истину; теперь настало время каждому узнать ее. Только так можно достичь общечеловеческого счастья.

В Индии, древняя культура Великого Духа Дравидов, пришедших на субконтинент четырем тысячью лет ранее, была вытеснена Арийской Ведической традицией. Кастовая система во главе с Кшатриями и Брахманами, обладавшими непоколебимой властью, была создана на основе героических легенд Рамаяны и Махабхараты. Низшие касты здесь были такими же беспомощными, как и во всех других частях мира. Мы привыкли считать Буддизм реформаторским движением, зародившимся в Ведической системе. Он и на самом деле был отвержением кастовой системы и проповедью личной свободы в поиске спасения. У учения Будды было много общего с традицией Великого Духа. В связи с этим, доктрина освобождения, мукти, и праведной жизни как пути к нему, прекрасно согласовалась с Китайской и другими доктринами Великого Духа, и вполне понятно, почему Буддизм утратил свои позиции в Индии, но с легкостью распространился от Бирмы, до Китая и Японии.

Тем не менее, важнее не то, где зародился Буддизм, а суть его учения. Его отражают последние слова Учителя: "Прилежно трудитесь над собственным спасением!"

Буддийское братство, сангха, было открытым для всех: для знатного человека и для простолюдина, для свободного и для раба.

Махавира Джайн, современник Будды, настойчиво проповедовал бесконечное сострадание ко всем существам. Маскрин Госала, еще один учитель того же периода, возвещал благую весть всеобщего освобождения. Путь, магга, был открыт для всех.

Подлинное значение самопожертвования Бога Спасителя для освобождения мира от злых сил оставалось нераскрытым еще много веков. Тем не менее, можно вне всяких сомнений назвать Зороастра (Заратустру), пришедшего из самого сердца Арийской культуры, величайшим пророком откровения. Судя по всему, он жил с 628 по 551 год до Р. Х., то есть, перед самым рождением Конфуция. Зороастр был на двадцать четыре года старше Лао Цзы, и его следует считать первым и главным из тех, кто проповедовал тогда право каждого человека на свою собственную бессмертную душу.

До сих пор, люди должны были жить праведно, поскольку так повелел Бог через героев и священнослужителей³. Теперь же, впервые людям были открыты причины. Ведические жертвы были более чем символическими отображениями передачи мира: они были вкладом человека в жертву Бога. Однако помимо ритуалов, образ жизни людей определялся законом – законами Ману или Гаутама⁴. Простые люди жили сообразно заповедям, под властью правителя и его священнослужителей. Учение Зороастра было новым откровением. Ахура Мазда, борясь со злым духом Ангра Майну, нуждался в помощи всех добрых людей. В то же время, Воху Мана, добрый разум, помогал людям жить таким образом, чтобы быть на правильной стороне битвы и получить в награду бессмертие. По пришествии Саошьяна, спасителя, только обладатели Доброго Разума могут узнать и присоединиться к нему. Кроме того, понятие служения обрело новый смысл. Очистившиеся и трансформировавшиеся люди обеспечивают прогресс мира и подготавливают то, что грядет впереди.

Концепция Бога Творца была успешно ассимилирована Детями Израиля, которые играли особую роль в объединении всех четырех традиций.

Тем не менее, в Иудейской традиции, Великая Мать никогда не воспринималась как богиня, подобно Иштар или Кибела. Однако это не означает, что эта концепция вообще отсутствовала. Иерусалим был и до сих пор остается матерью. Этот город вновь и вновь изображается в Иудейских писаниях, как мать, рождающая своих детей и страдающая за них. В одном из видений Ездры (2 Ездр. 10) Иерусалим предстает, как мать, а храм Соломона, как ее сын. В таком обороте вещей нет ничего странного. Великая Мать всегда отождествлялась с различными местами, например, в случае Иштар и Вавилоня, Дианы и Эфеса.

История Авраама подтверждает его изначальную принадлежность к культуре Великого Духа. Он пришел от Евфрата, принес с собой родовую веру в Духовную Силу, священную для его собственной расы, но безразличную для остальных. Позже, израильтяне подверглись мощному влиянию традиции Бога Творца в Египте. Иудеи сохраняли свою индивидуальность, комбинируя две культуры, но, при этом, всегда оставаясь ближе к Египту, чем к Арийцам, которые надвигались с севера. По истечении пятисот лет, иудейские пророки стали проповедовать первостепенность божественности Иеговы, как отца всех людей.

Еще через четыреста лет Иерусалим был разграблен, и наступило время Вавилонского пленения, когда израильтяне столкнулись с концепцией Бога Спасителя. Зороастрийский

саошьян был превращен в Мессию, и они вернулись в Иерусалим с такими же эсхатологическими надеждами, какие питали и другие угнетенные Вавилоном народы, прежде чем пала Ассирийская империя, и Ниневия была покорена Киrom.

При сыне Кира, Дарии I, положение израильтян стало гораздо более благоприятным; был восстановлен храм, и возведен новый закон (Второзаконие). Если верить Книге Ездры, то Персидский Царь совещался с Учителями Мудрости, а сам Ездра был пророком, воодушевляемым Демиургическим разумом. По-видимому, на содержание Торы значительно повлияло все то, что Ездра узнал в Вавилоне. Грядущее пришествия саошьяна, то есть, Сына Божьего, было открыто провозглашено. Таким образом, израильтяне оказались в уникальной ситуации. Они обладали грандиознейшим откровением о грядущем пришествии спасителя. Пророки, такие как Исаия, осознавали последствия, и знали, что Спаситель должен пострадать. В то же время, обычные люди ожидали, что спаситель придет, обличенный властью.

В соответствии с описанием Гурджиева в главе 24 Все и Вся, в Вавилоне состоялась великая встреча "ученых существ". Поскольку он упоминает в связи с произошедшим событием персидского царя, который вывез мудрых людей из Египта, по-видимому, речь идет о 525 году до Р. Х., когда Камбис захватил Египет и установил там Персидское правление более чем на сто лет. Iamblichus, в своей книге *Life of Pythagoras* (Жизнь Пифагора), особенно подчеркивает, что Пифагор много лет учился у Египетских священнослужителей, а затем отправился в Вавилон, где его посвятил Зороастр. В Вавилоне он пробыл семь лет и перенял всю мудрость Магов. Солон, насколько можно судить, также учился у Египетских и Персидских Учителей Мудрости. На это время пришлась молодость Конфуция, но его Китайские биографы мало знают о его ранних годах. Принц Сидхартха, ставший Буддой, был девятью годами старше, и события, о которых идет речь, совпали по времени с его уходом из компании соискателей. Таким образом, вполне вероятно, что оба присутствовали на конференции в Вавилоне.

На самом деле, нет никакой необходимости предполагать, что эта конференция вообще когда-либо проводилась. Тем, кто получает вдохновение свыше, вовсе не нужно встречать или даже знать друг друга. У них есть абсолютная вера в их собственное откровение, и они могут быть уверены в том, что все их поступки полностью соответствуют универсальному паттерну, Дхарме, то есть Великой Работе.

Человек, который, изучая историю, однажды обнаружил направляющую руку Демиурга, уже не может сомневаться, что события шестого века до Р. Х. образуют единое целое, и могут быть поняты исключительно как подготовка к следующему шагу в судьбе человечества.

Около двух веков все было хорошо. Этот период включает в себя правление Ахеменидских царей, от Кира до Ксеркса II, а также Золотой Век Афин, от Перикла до Сократа. Сюда же относится зарождение и начало расцвета Римской Империи. В то же время, Индия и Китай переживали последствия революции. Менций (372 – 289 гг. до Р. Х.) особенно подчеркивал необходимость объединения духовности с практической добротой в повседневной жизни. В Индии повсеместно распространились новые религии, и древние Ведические ритуалы и жертвы потеряли свою насущность для простых каст, хотя Брахманское священство сохранило основную часть своих привилегий и практик.

На исходе четвертого столетия в мире произошли серьезные изменения. Александр Македонский истребил Персидские и Египетские силы, и даже вторгся в Индию. После смерти Александра, в 329 году до Р. Х. в Вавилоне, его генералы разделили между собой

завоеванные владения. Чандрагупта Маурья (правивший с 321 по 296 гг. до Р. Х.) основал великую Марийскую династию, одним из представителей которой стал величайший индийский правитель, Царь Ашока (годы правления: 264 – 228 до Р. Х.), поддерживавший тесную связь с Учителями Мудрости. В течение трех поколений (приблизительно 250 – 175 гг. до Р. Х.) Буддийские миссионеры распространяли учение по всему миру. Центральная Азия была обращена, и Буддийский Благородный Восьмиступенчатый Путь оказал свое влияние даже на необращенных. По моему мнению, Учителя Мудрости в то время занимались противодействием жестокости Селеуцидских правителей Вавилона, о жестокости которых повествуют Маккавейские Книги и другие иудейские хроники. В то же время, о страданиях еврейского народа говорится довольно кратко: "И был весьма великий гнев над Израилем" (I Маккавейская 1.64). К этому времени относятся первые упоминания о Ессейском Братстве. Сарманское Общество, покинувшее Вавилон прежде, чем туда пришел Александр, и переместившееся вверх по Тигру, основало свой главный центр в заброшенной столице Ассирийских царей, недалеко от сегодняшнего Мосула. До нынешнего дня там сохраняется святилище с реликвиями Сарманского Общества, охраняемое Езидами, которые, по моему личному мнению (впрочем, не подтвержденному какими-либо убедительными доказательствами), знают больше об этом обществе, чем готовы осмыслить. Кроме того, мы также знаем и о Симоне, первосвященнике Иерусалима, которому удавалось поддерживать дружеские отношения, как с Римом, так и с Вавилоном. Он и круг его друзей были связаны с Ессейским Братством и, следовательно, с Учителями того времени. Раввинская традиция, обеспечившая сотне поколений Иудеев непосредственный доступ к духовным силам, также зародилась незадолго до этого периода.

С падением Ахеменидской империи, Зороастризм утратил свой официальный статус. Вместе с тем, новые культы, такие как Митраизм, распространились вплоть до Запада. Зороастризм был вытеснен Буддизмом из большей части Центральной Азии. Позже, спустя поколения после правления Ашоки, Буддизм также стал приходить в упадок. Брахманизм вновь укрепил свои позиции, и с тех пор занимает главенствующее положение в Индии.

В Египте, древняя религия, в конце концов, угасла к третьему веку. Птолемеи с их Эллинистическими учениями мало способствовали священству и его древней традиции.

Ко второму веку Рим уже был величайшей державой во всем западном мире. Трудно представить себе, чтобы Граччи или Като были Учителями Мудрости. Тем не менее, велась настоящая борьба за права простых людей, плебеев, ущемлявшиеся знатью, которая главенствовала в Римском Сенате. Так или иначе, я не провел достаточных исследований в этой области, которые бы позволили мне с уверенностью сказать, были Учителя Мудрости в Европе до прихода Христа, или нет.

Таким было положение вещей в Европе, Азии и Египте первого века до Р. Х. Об Африке и Америке того времени я не знаю ничего, за исключением того, что Сапотекы в Мексике ожидали конца света и готовились, оставив свои дома и храмы, бежать в горы. Создается впечатление, что удивительное откровения шестого века наткнулось на стену. Индия и Китай вновь обратились к старым традициям. В то же время, западный мир, включая Вавилон и Египет, погрузился в эллинистический образ жизни, практически не оставлявший места религии. Даже евреи подпали под власть формальных ритуалов. Для того чтобы уберечься от жестокости Селеуцидской династии, израильтяне обратились к Риму, который, в свою очередь, установил свою верховную власть и рассматривал Израиль как ключевой элемент своих планов на будущее завоевание Азии. Так начался ужасный и удивительный век, закончившийся разрушением Иерусалима в семидесятом

году и рассеянием евреев, переживших резню.

1 - Здесь я разделяю точку зрения Рудольфа Штайнера, который заострял внимание на происходившем в то время переходе от посвящения к поклонению.

2 - Для того чтобы читатель не понял эту фразу превратно, хочу подчеркнуть, что английское слово being, в отличие от наиболее подходящего русского эквивалента, существо, не имеет генетической связи с понятием существование (прим. перев.)

3 - К последним не относится Моисей, который, хотя и жил тысячелетием ранее, был подлинным мессией (посланником).

4 - NB Конечно, Гаутамы Законодателя, а не Гаутамы Будды.

ГЛАВА 4. ВРЕМЯ ХРИСТА

Маги и Ессеи – Иоанн Креститель и Христос – Настоящая миссия Христа – Новая стадия эволюции человечества – Евангелие от Матфея – Нагорная Проповедь как легоминизм – Послание учеников – Преображение – Секрет любви – Унижение Иакова и Иоанна – Унижение Петра – Тайная Вечеря – Иуда избавляет мир от грехов – Новая заповедь – Путь первых христиан.

Итак, мы проследили с вами медленное формирование природы человека, с его животного начала до двух великих трансформаций, благодаря которым, человек был наделен сознательностью и творчеством. В течение двенадцати тысяч лет, начиная с конца Ледниковых Периодов, происходил постепенный переход ответственности за человеческий прогресс, от Демиурга к самому человеку. Это привело, как к великим достижениям, так и к великим катастрофам, поскольку, обретя творческую силу, человеческая природа, в то же время, запятнала себя эгоизмом. Вместо того, чтобы служить природе, человек стал использовать свою творческую силу для обретения власти над ней. Две тысячи пятьсот лет назад жажда власти начала серьезно угрожать всему человечеству, и пришло время Великой Революции, которая должна была подготовить человека к грядущему высшему импульсу любви. Без него, сознательность и творчество стремятся отнять у человека его собственное первородство. В месте с тем, у нас, людей, есть глубочайшая уверенность в нашем родстве с природой, и эта уверенность превосходит даже эгоизм. Мы чувствуем, что творчество без любви демонично, но вынуждены признать, что любовь не способна преодолеть эгоизм. Жизнь на Земле поставлена сегодня под угрозу, не потому, что люди не способны любить друг друга, а потому, что люди вообще не способны любить. Любовь, не запятнанная эгоизмом, встречается крайне редко.

Мы с вами обсудили последствия первого откровения, и должны теперь перейти ко времени Христа. Подготовка к великому событию не прекращалась, начиная с Зороастра, но основная ее часть пришлась на два века, до и после земной жизни Христа. Нас, как и прежде, будет в данном случае интересовать роль Учителей Мудрости. Я уже говорил о смутных признаках деятельности Сарманского Общества, которое на каждом этапе стояло за развивавшимися событиями. Теперь же, нам предстоит разобраться с двумя другими обществами, которые играли более очевидную, хотя и неверно понимаемую роль. Я имею

в виду Халдейских Волхвов и Иудейское Общество Завета, известное как Ессейское Братство.

Волхвы (Маги) были кастой, или классом, существовавшим в Центральной Азии еще до Зороастра. Они приняли Зороастра, когда он пришел к Царю Виштаспа, Бактрийскому правителю Хорезма. Двум Волхвам было дано задание удостовериться в истинности учения Зороастра, и они обнаружили, что его знания превосходят их собственные. Царь, по совету Волхвов, был обращен в новую веру. Благодаря завоеваниям Кира, Волхвы распространились по всей Персидской империи и достигли Сирии и Египта. Греки, в свою очередь, считали Волхвов (Магов) Учителями Мудрости. Так, Порфирий, в своей книге *On Abstinence* (О воздержании), говорит о том, что "магус" означает "мудрый в вопросах Бога и служащий божественному". Слово "мага" означало дар, или "благодать" Бога, благодаря которой человек может совершать великие дела. Эта священная сила была секретом Волхвов. В течение четырех столетий, включающих в себя, время Христа, Зороастризм не имел среди своих приверженцев особ царского круга, таких как Ахеменидские цари до и Сассанидские цари после¹. Арсакиды не оставили никаких сведений о своих религиозных верованиях, но Волхвы сохраняли свои позиции, и даже распространились еще шире. Они были знатоками астрологии и предсказаний, в связи с чем и были упомянуты в Евангелии от Матфея.

Насколько можно судить, существовало три касты, или категории Волхвов. Первая была экзотерической: сюда относились Волхвы- священнослужители, без которых не обходилась ни одна религиозная церемония, даже не связанная с Зороастризмом. Эта функция была очень похожа на ту, которую выполняли Брахманы в Индии и Египетские священнослужители, о которых писали греческие путешественники. Ко второй касте относились Волхвы, хранившие священные книги и обладавшие особыми знаниями и возможностями. Они были "волшебниками" народных преданий. К третьей категории относились Волхвы эзотерического общества, знавшие о подготовке к великому событию. У них был центр в Малой Азии, который продолжал свою деятельность еще в течение трех или четырех веков после времени Христа, и передал свои знания Христианскому Братству в Каппадокии. Кроме того, Волхвы этого центра участвовали в формировании Ессейского Братства, образовавшегося в Иудее около двух столетий до прихода Христа. Нет никаких сомнений в том, что Ессеи были связаны с основным откровением. Благодаря Манускриптам Мертвого Моря, мы теперь можем подтвердить то, что писали о них Плиний Младший и Иосиф, израильский историк. Ессеи были братством, чей образ жизни коренным образом отличался от образа жизни их соплеменников. Братство было очень хорошо организованным, и исключительно разборчивым в отношении принятия новых членов. Ессеи особенно почитали Учителя Праведности, который жил около 150 года до Р. Х. и был первосвященником. Он подвергался гонениям, после чего был убит. Профессор Dupont Someг считает, что этот Учитель Праведности был Онией, Первосвященником, вероломно убитым по наущению Менелая. Отголоски этого убийства и вызванного им возмущения были слышны даже за пределами Израиля².

Связь между Ессеями и Волхвами подтверждается, кроме того, их верой в два противоположных духа, Истину и Ложь, о которых повествуют также и Зороастрийские писания. Священность Истины составляло основу учений Волхвов и Ессеев. Согласно многим легендам, Ессеи могли предсказывать будущее. Иосиф повествует о том, как убийство Антигома было предсказано Ессеем Иудой. Иуда был известен точностью своих предсказаний. Однажды, он увидел в храме человека, которого звали Антигомом, и воскликнул перед слушавшими его учениками: "О, лучше было мне умереть сейчас, ибо истина умерла прежде меня. Вот передо мной живой Антигом, который должен был умереть сегодня. Ему суждено было быть убитым в Стратонской башне в ста милях

отсюда. Сейчас уже четыре часа дня, и время посмеялось над моим пророчеством". Такими были слова старца. Вскоре, однако, пришла весть, что другой Антигом погиб в подземелье, известном как Стратонская башня. Старца сбило с толку совпадение имен. Другой Ессей, Менахем, предсказал, что мальчик станет царем Израиля, и когда этот мальчик неожиданно стал Иродом Великим, Ессейское Братство было в почете.

Хотя Ессеи с воодушевлением описывались греческими и иудейскими авторами, как идеальное общество, о них ни разу не упоминается в канонических книгах Ветхого и Нового Завета. Это тем более удивительно, если учесть, что Филон и Иосиф говорят о трех основных еврейских сектах: Фарисейской, Саддукейской и Ессейской. Манускрипты Мертвого Моря подтверждают то, что говорил Филон о Ессеях – они были представлены во всех главных городах Израиля, и их основной центр располагался вблизи Мертвого Моря. Это был Кумран, рядом с которым были обнаружены манускрипты. На Ессеев оказали влияние не только Зороастризм и Волхвы. Они также поддерживали связь с Пифагорейцами, и Пифагорейское учение о числах и гармонии было включено в их литургику. Кроме того, они общались с Буддийскими миссионерами, чьи представления о Благородном Восемиступенчатом пути, по-видимому, повлияли на организацию Общества Завета. Судя по всему, Учителю Праведности, то есть, Учителю Мудрости, удалось объединить различные традиции в учении и образе жизни, которые привлекли лучшие духовные силы среди евреев, включая многих "Сыновей Садока", саддукеев, прежде чем последние разделились на мирян и духовных отшельников.

Образ жизни Ессеев был основан на взаимной любви, а также общности всего имущества и деятельности. Одно из их правил гласило: "Все должно быть общим, бейахад: истина и добродетельное смирение, стремление к праведности и взаимная любовь между братьями Священного Общества, как братьями Собора Вечности. Пусть пища будет общей, йахад, и благословение будет общим, и совет будет общим". Мы не будем обсуждать здесь суровые условия принятия в братство и его обычаи, за исключением великого ритуального действия, которое совершалось каждый день. Ессеи вставали до восхода солнца и вместе благодарили солнце за все дары природы. Затем они работали до пяти часов, и после очистительного омовения садились за торжественную трапезу, разделяя между собой свежеспеченный хлеб и вино. Тот же ритуал повторялся и вечером.

Таким образом, мы подошли к самой сути. По-видимому, по крайней мере, некоторые из Ессеев были Учителями Мудрости. Учитель Праведности и его ближайшие сподвижники обладали великими знаниями и неординарными способностями. Они поддерживали связь со всеми духовными направлениями Азии и Египта. Братство использовало суровые методы подготовки, и послушничество было длительным. К старшим относились с большим благоговением, и их слова были законом для простых членов общества.

Согласно очень древнему преданию, Иоанн Креститель и Иисус Христос проходили подготовку в Ессейском Братстве. Кроме того, известно, что Иоанн начал крестить в Иордане в непосредственной близости от Кумрана, где в течение ста лет располагался основной центр Ессейского общества. Вероятно, Иоанн получил личное откровение, побудившее его отделиться от братства и более открыто выступить против лицемерия главенствовавшего священства. Св. Матфей (3.7) говорит, что Иоанн был невероятно удивлен, когда Фарисеи и Саддукеи пришли к нему креститься. Его слова: "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное", предназначались для простых людей, у которых не хватало мужества и силы духа, чтобы выдержать суровую дисциплину Ессеев. Фарисеи также претендовали на неотступное следование закону во всей его чистоте, но были замешаны в преследовании Ессеев и убийстве Учителя Праведности. Именно это стало

причиной возгласа Иоанна: "Порождения ехидны! Кто внушил вам бежать от будущего гнева?"

Иисус был галилеянином и вряд ли мог слышать о Кумране, но Ессейские группы существовали не только в Галилее, но даже и в Самарии. Многие в учении Христа, в особенности Нагорная Проповедь, настолько близко к Ессейским доктринам, что, по-видимому, в молодости он прошел полную подготовку и посвящение в братстве. Среди евреев только Ессеи понимали значение слов "если ваша праведность не превзойдет праведности книжников и Фарисеев, не войдете в Царство Небесное".

По мнению некоторых авторитетных историков, Иосиф умер, когда Иисусу было около двадцати пяти лет, и он вернулся в Назарет, чтобы обеспечивать свою мать, работая плотником. Упоминания о его братьях и сестрах свидетельствуют о том, что семья насчитывала, по крайней мере, восемь или девять человек, и что однажды Иисус покинул дом и больше не возвращался. Его привлекла проповедь Иоанна, члена Ессейского общества, и он принял от него крещение в Иордане. Следует отметить, что крещение играло важную роль в Ессейских ритуалах, и предшествовало каждому посвящению. Во время крещения в Иордане, Христос понял, что должен проповедовать евангелие Отцовства Бога и объединения в любви. Тем не менее, есть трансцендентальная тайна, которую евангелисты либо не понимали сами, либо не имели права открыть. Она была связана со способом передачи Силы Любви человеку. Это секрет знали члены особого круга Учителей Мудрости, и мы должны попытаться раскрыть его, насколько это можно сделать, на основе четырех евангельских повествований.

Четыре Евангелия были составлены четырьмя различными школами мудрости, каждая из которых ставила перед собой свои собственные задачи. Евангелие от Марка излагает события, какими они могли представляться непосвященным ученикам. Оно могло быть подтверждено очевидцами и теми, кто непосредственно общался с ними, например, их детьми и внуками. Евангелие от Луки для того, чтобы соединить Христианство с традицией Великой Матери, через Деву Марию. Азиатские христиане веками почитали Богородицу до такой степени, что буквально обожествили ее. Евангелие от Иоанна представляет собой интерпретацию, основанную на Гностической традиции. Оно выражает подлинное значение событий при помощи символов и, конечно же, в особенности подчеркивает необходимость в полном взаимном принятии и любви между учениками. Евангелие от Матфея, прежде всего, является Евангелием Учителей Мудрости. Это легоминизм³, искусно созданный в соответствии с паттерном, соединяющим три мира.

Миссия Христа как Сына Божьего может быть интерпретирована тремя различными способами. Я не буду рассматривать понимание личности Христа как "великого и хорошего человека, наделенного необычайной способностью пробуждать веру в своих последователях". Такой образ полностью противоречит постоянным изменениям, происходящим с миром со времени прихода Христа. Три способа, о которых я говорил, могут быть названы соответственно экзотерическим, или для мира, мезотерическим, или для учеников, и эзотерическим, или для посвященных. Первому подходу соответствует Христианство Св. Ап. Павла, которое трактует Христа, как Агнца Божьего, закланного для того, чтобы умиловать Бога и получить прощение грехов. Такой подход наталкивается на серьезное возражение: Бог мог бы простить грехи и без Воплощения Своего Сына, а также без Крестной Жертвы. Другое возражение заключается в необходимости преувеличения греховности человека для обоснования тезиса Св. Ансельма: *Cur Deus Noto*, "Для чего Бог стал Человеком?" Человек не столько греховен, сколько слаб и невежествен. Так, современная психология со всей очевидностью показала абсурдность

мнения, что человек ответственен за все свои ужасные поступки. Христианство Ап. Павла настолько укрепилось в Римском мире, что лишь очень немногим теологам удалось предпринять попытку коренного пересмотра, без потери глубочайшего значения события.

Вторая, мезотерическая интерпретация связана с немногочисленным братством Иудейских учеников, возглавлявшихся Иаковом, братом Господним, который был предан смерти. Похоже, что это братство во многом вернулось на путь Ессейского общества, к которому его члены принадлежали в свое время. Кроме того, братство видело в качестве одного из основных элементов своей веры обещанное пришествие Сына Человеческого во славе, что должно было спасти Израиль и установить главенство праведности. Такое Христианство можно назвать апокалиптическим, о чем недавно написал Альберт Швейцер в своей книге *The Quest of the Historical Jesus* (Поиск исторического Христа). В соответствии с этой трактовкой, грандиозные катаклизмы должны были предварить пришествие Сына Человеческого, "Второе Пришествие". Тем не менее, за разрушением Иерусалима в семидесятом году не последовало ожидаемого Второго Пришествия, что подорвало основы веры Иудейской Церкви. После бегства в Пеллу об Иудейских Христианах больше ничего не было слышно. В то же время, братству удалось сохранить достоверные описания действий и высказываний Христа в период между его крещением в Иордане и Воскресением.

Все это позволяет нам сопоставить произошедшее событие в целом с эволюцией человечества и распознать ту важную роль, которую сыграли Учителя Мудрости. Я не стану детально обосновывать здесь интерпретацию, которую считаю наилучшим способом приблизиться к эзотерической истине. Впервые мне поведал о ней мой учитель Гурджиев. Однажды, в присутствии многих его учеников на ритуальной вечерней трапезе, он сказал: "Когда-нибудь, мистер Беннетт проведет конференцию, посвященную Тайной Вечери, и многие люди будут благодарны ему за это"⁴. Так или иначе, мы можем с уверенностью сказать, что произошло грандиознейшее событие, последствие которого мы ощущаем уже почти две тысячи лет. По-видимому, мы не знаем и не можем знать суть всего величия произошедшего события, поскольку оно совершалось на уровне, не доступном человеческому сознанию. Для того чтобы понять, что это означает, мы должны составить отчетливое представление о "других мирах", не воспринимаемых нашими чувствами. Чтобы произвести серьезные и драматические изменения в видимом мире, необходимо осуществить взаимодействие между всеми четырьмя мирами⁵. Контакт между абсолютным творчеством и абсолютными законами привел бы к невозможной ситуации. Другими словами, невозможно согласовать совершенную свободу с полной предопределенностью. Тем не менее, крайности никогда не встречаются, и есть уровни, на которых согласование практически, но не полностью исключено. Можно сказать, что Бог в своем творчестве не настолько свободен, как Абсолютный Источник, то есть, собственно Божество, а человек, в свою очередь, не настолько принужден подчиняться законам, как материальный мир, в котором он существует. Таким образом, Бог и человек могут быть согласованы между собой, хотя это и чрезвычайно сложно.

Ветхий Завет в значительной мере посвящен именно трудности такого согласования. Очень важно разобраться с этим обстоятельством, поскольку из его непонимания вытекает отрицание либо Любви Бога, либо человеческой ограниченности. Повторяющаяся неспособность человека соответствовать судьбе, которая предлагается ему свыше, является общей темой всех священных писаний, хотя мы и не слишком хорошо представляем себе, что необходимо сделать для спасения ситуации.

Христианское учение в значительной мере связано со спасением, но его механизм до сих пор оставался нераскрытым. Не-христиане спрашивают, почему, если Бог всемогущ и

всемогущ, для прощения грехов ему было нужно воплощаться, как человеку, и умирать на кресте? На этот вопрос еще никто не смог дать убедительного и исчерпывающего ответа. Причина заключается в том, что мы пытаемся осмыслить видимое событие таким, как оно запомнилось наблюдавшим его со стороны. Мы пытаемся интерпретировать действие, выходящее за рамки человеческого ума, при помощи нашего человеческого опыта видимого мира.

Иову был задан вопрос, может ли он "связать узел Хима (Плеяд) и разрешить узы Кесиль (Ориона)"⁶, для того чтобы напомнить ему о полном отсутствии у него представления о действии внеземных сил. Мы теперь забываем об этом знаменательном уроке и пытаемся поймать небесного Левиафана на земной крючок.

После такого вступления, я могу лишь рассказать о выводе, который я сделал для самого себя. Я считаю, что миссия Христа заключалась в попытке вывести человечество на следующую стадию его эволюции, когда любовь будет неотъемлемой врожденной частью человеческой сущности, так же как это обстояло с творчеством последние тридцать пять – сорок тысяч лет. Опыт Великого Откровения священности человеческой личности показал, что это не поможет человеку жить лучшей жизнью, пока он не сможет принимать и любить других людей. Хотя наиболее ужасные черты Героической эпохи были, наконец, сглажены, люди не стали более способными любить, чем это было раньше.

Итак, мы уже обсудили, что появление творчества было колоссальным шагом, который мог быть сделан только благодаря полной власти магов над неандертальцами. Однако сами по себе маги тоже не могли ничего сделать. Для этого было необходимо воплощение Демиурга в телах людей, в результате чего, творчество могло быть передано путем полового размножения. Любовь невозможно было дать человечеству тем же способом. Причин этому несколько: Люди стали независимыми и, более того, не слишком верили своим правителям и священнослужителям, которые заботились, в основном, о сохранении собственной власти. Кроме того, любовь не может передаваться, ни через тело, ни через ум, поскольку является инструментом, или энергией воли. Любовь – это безусловная энергия, которая не может передаваться посредством какого-либо причинно-следственного процесса, физического или ментального. В связи с этим, необходимо действие вне рамок тела и ума. Это действие, безусловно, оказывает влияние, как на ум, так и на тело, но они не являются местом его развития. Любовь живет лишь в свободном, то есть в третьем мире. Хотя все это и не очевидно, детальное обсуждение данного вопроса выходит за рамки настоящей книги. Скажу лишь, что те, чье восприятие способно проникать за границы мира форм, *alam-i imkan*, могли быть очевидцами произошедшего события, но не были способны выразить свое понимание на языке, которые бы поняли люди, не участвовавшие в опыте события.

В обычных условиях, третий мир может воздействовать на первый, то есть, видимую, или материальную вселенную, только через второй мир, то есть, через ум. Когда происходит прорыв, свобода третьего мира проявляется в нашем мире, как чудо. Поскольку действие связано с любовью, исцеления и обращение вполне соответствуют его условиям. Тем не менее, само действие этим не объясняется. Для того чтобы разобраться, мы должны обратиться к Евангелиям.

Первый вопрос, который обычно задают люди, читая первое Евангелие, от Матфея: почему приведена родословная Иосифа, длиной в сорок два поколения, если он не был отцом Христа? Парадокс углубляется резким переходом к утверждению, что Мария имела ребенка от Святого Духа. Существует много объяснений такого изложения, но все они далеки от истины. В первой главе приводятся три группы по четырнадцать поколений. От

Авраама до Давида, евреи придерживались традиции Бога Творца. Начиная со времени Давида, Иерусалим и Храм были оплотом Иудаизма, и, как я уже говорил, Иерусалим, по-видимому, олицетворял Великую Мать. Это, кроме того, подкрепляется образом мудрости, женским помощником Яхве в Творении. В третьем разделе особо выделяется Вавилонское пленение, когда дети Израиля ассимилировали традицию Бога Спасителя и веру в грядущего мессию. Передав, таким образом, связь между Христом и тремя традициями, Матфей сразу же называет Великий Дух непосредственным прародителем Христа. Следует отметить, что исключительное почитание Святого духа авторами первого Евангелия ярче всего проявляется в стихе 12.31, в словах Христа: "Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку; а хула на Духа не простится человеку." Таким образом, первая глава Евангелия говорит нам о том, что последующие события связаны с объединением четырех великих традиций в одно откровение.

Евангелие начинается с трех событий, не описанных другими евангелистами. Во-первых, это желание Иосифа отказаться от Марии, а также его сон, раскрывший действие Святого Духа. Вторым событием был приход Волхвов, а третьим – бегство в Египет, со странно искусственным объяснением из Осии 11.1: "... из Египта вызвал я сына моего". Важная роль, которую играли сны Иосифа и Волхвы в этих событиях, говорят нам о связи с невидимыми мирами. Таким образом, у нас есть два ключа к толкованию. Во-первых, в события вовлечены Учителя Мудрости, то есть, Волхвы и египетские священнослужители, а, во-вторых, откровения исходят из высших миров.

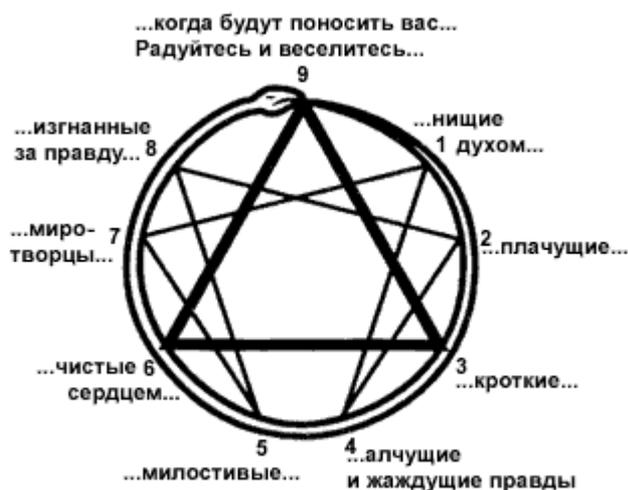
Далее повествование сразу переходит к Иоанну Крестителю, о котором говорится, что он "больше, чем пророк". В Евангелии от Иоанна он представлен, как "человек, посланный Богом". Он также "Илия, который должен был прийти". Дух Божий появляется в соответствии с пророчеством Исаии 11, где он в особенности ассоциируется с мудростью и силой. Этот эпизод, опять же, подготавливает нас к действию, которое должно объединить высшие и низшие миры. Роль отрицающего принципа проявляется сразу же после этого эпизода, в связи с искушением в пустыне. Христос, наделенный теперь мудростью и силой, начинает реализовывать свою миссию, рассказ о которой прерывается долгим отступлением Нагорной Проповеди. Цель здесь состояла в том, чтобы показать отличие избранных для участия в таинстве от обычных людей. Снова и снова в этом Евангелии Христос проводит четкую грань между избранными и подготовленными, и теми, кто следует за ним исключительно в силу его чудес. Проповедь Царства была для всех, хотя и излагалась в форме притч. Но действие, в результате которого должно было наступить Царство, совершалось в тайне, и вообще никогда не обнародовалось.

Крестившись у Иоанна, Христос принял задачу, возложенную на него Отцом, которая заключалась в передаче действия Божественной Любви тем, кто мог принять его. Это высший Космический Импульс из тех, которые способны проникнуть в Творение. За ним только Бесконечный Источник, о котором нельзя ничего сказать и предположить. Объединившись с Любовью, человек становится Богом, но Любовь Божья может войти только в душу, полностью очистившуюся от тщеславия и эгоизма. Как же тогда Любовь может войти в грешного человека? Это гораздо более великое таинство, чем спасение. Ессейский Учитель Праведности вел своих последователей путем самоотречения и смиренного послушания старших (по уровню). У них было средство достижения Любви в их ритуальной трапезе с вином и хлебом, что, как мы знаем, требовало совершенной чистоты, и к которой допускались только прошедшие суровейшую трехлетнюю подготовку. Иоанн Креститель оставался Есеем с точки зрения аскетической дисциплины, а также проповеди покаяния и смирения, но он не был Ессейским миссионером, поскольку не склонял каявшихся к вступлению в братство. Он говорил им

возвращаться домой и готовиться к скорому наступлению Царства. Иоанн еще не понимал, что означало "Царство".

Христос знал, что ему предстояло действовать через подготовленных людей, и его первой задачей было привлечь, избрать и соответствующим образом подготовить своих учеников. Эту часть его миссии можно изучить по Евангелию Святого Матфея.

Евангельское повествование свидетельствует о том, что подготовка учеников была очень суровой. Они не должны были иметь вообще никаких привязанностей, быть готовыми к преследованиям, а также досконально знать все, что относилось к трансформации энергий. Следует отметить, что заповеди блаженства имеют большое значение не только сами по себе, но еще и в связи с их последовательностью. Они были даны в виде трех групп по три заповеди в каждой. Можно представить это на энеаграмме⁷ следующим образом:

Пункты 3, 6 и 9 соответствуют трем составляющим действия. Это раскрывает перед нами совершенно иной подход к событию, который полностью отличается от общепринятого мнения, что Христианство занимается исключительно связью между человеком и Богом. Если рассматривать Землю, как полноправного партнера, то наши представления о религии полностью меняются. Следовательно, третья заповедь блаженства имеет гораздо более глубокий смысл, нежели чем это когда-либо предполагалось толковавшими Евангелие от Матфея. Почему "наследование Земли" появляется в таком духовном писании не от мира сего? Дело в том, что существование человека оправдано лишь в той мере, в какой он способен взять на себя ответственность за природу. В то же время, он должен быть кроток по отношению к ней. У человека в этой жизни есть два основных долга: служить природе и искать Бога. Основными условиями исполнения этого долга служат кротость и чистота сердца. Нашим долгом по отношению к себе является достижение совершенства: "Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный" – но для этого мы должны быть готовы страдать. Говоря языком Гурджиева, мы должны принять сознательный труд и преднамеренное страдание. За явным утверждением в девятой заповеди того, что гонения являются общим уделом всех, кто берет на себя роль пророка или апостола, следует фраза "радуйтесь и веселитесь", из которой ясно, что страдания благоприятны и носят творческий характер. Совершенный человек, выполняющий миссию апостола, то есть, того, кто посылается, берет на себя колоссальное бремя. Ему приходится выдерживать напор, возникающий, когда совершенная свобода и

полная подчиненность соприкасаются, если третий мир непосредственно воздействует на первый.

Остальные шесть заповедей описывают общее действие, благодаря которому достигается совершенство человечества. Все начинается с "понимания собственного ничтожества", что соответствует "нищим духом". Духовная нищета очевидна для самого человека, а не для других, тогда как материальная нищета относится к видимому миру. Духовная нищета порождает голод и жажду, пункт 4, из которых, в свою очередь, вытекает ощущение отделенности от славы Бога, пункт 2. На этой стадии приходит осознание истинного значения ученичества, и душа начинает понимать, что "их есть Царство Небесное", пункт 8. Понимание нашего общего ничтожества перед Славой Бога, открывает сердце к милости, пункт 5. Мы можем любить других людей, как самих себя, когда перед нами Слава Бога. Тогда мы можем успешно превращать разногласия в гармонию, творить мир и сохранять его, пункт 7. Понимая, что все достигнутое нами является не нашей заслугой, а действием силы Бога, мы вновь возвращаемся к собственному ничтожеству, пункт 1. Такой краткий обзор легионизма, наверное, убедил читателя в том, что Евангелие от Матфея содержит много потаенных глубин.

Нагорная Проповедь является развитием и доработкой так называемого "Руководства по подготовке" Ессейского Братства, которое, наверное, представляет собой наиболее ценную находку из числа Манускриптов Мертвого Моря. Оно учит смирению и отвержению этого мира, а также вере в мир провидения. Для этого требуется чрезвычайно высокий уровень неэгоистичности поведения, подвиг которого "видят не люди", а Отец Небесный. Удивительная особенность Нагорной Проповеди заключается в ее актуальности во все времена. Ни одна из заповедей не потеряла своего значения за две тысячи лет. От учеников, прежде всего, требовалась моральная дисциплина, и лишь во вторую очередь их посвящали в искусства предсказания и исцеления. Сам Христос мог исцелять все уровни, начиная с физического, и заканчивая подлинно духовным. Ученики получили максимум возможного за имевшееся время.

Все это происходило в Галилее, преимущественно на севере побережья Галилейского Моря, в таких городах, как Капернаум, Хоразин, и Вифсаида. Христос преподавал в том числе и в синагогах, в основном, по субботам, когда его хорошая подготовка в Ессейском толковании писаний позволяла ему удивлять людей мудростью и властностью своих слов.

Думаю, что можно буквально воспринимать основную часть рассказов об исцелении Христом больных, и даже воскрешении дочери Иаира. Скептическая и позитивистская философия, преобладающая в западной мысли уже двести лет, побуждает нас отвергать чудеса, как нечто "невозможное". В то же время, мы забываем, сколько "невозможных" событий происходит вокруг нас каждый день. Настоящие чудеса – это работа духа Божьего в материальном мире⁸. Когда Любовь Божья действует в неэгоистичном человеке, она может совершить больше чудес, чем мы способны себе представить.

Мы подошли теперь к одному из важнейших моментов, когда Христос избрал двенадцать учеников, с которыми он собирался совершить величайшее чудо из всех: предать им, грешным людям, силу Любви Божьей. Следующим шагом было послание учеников в мир, чтобы проверить и убедиться в том, что трансформация успешно завершилась. "Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь". Указания для этой миссии, описанные Матфеем в десятой главе, напоминают нам о правилах Есеев. Они не должны были иметь личной собственности, собственного дома и должны были обращаться только к тем ортодоксальным иудеям, которых считали

достойными. Кроме того, им следовало полностью и исключительно полагаться на руководство Духа Отца.

Ученики были предупреждены о грядущих преследованиях, но должны были помнить о том, что это был удел всех пророков, приходивших в Израиль. Христос "пришел принести не мир, но меч". Царство Небесное было настолько близким, что они не обошли бы всех городов Израиля, прежде чем наступил бы великий день.

Пока ученики отсутствовали, выполняя свое миссионерское задание, сам Христос продолжал учить и проповедовать в городах, к югу от озера. Иоанн Креститель, заточенный в иродом, послал двух своих учеников из Иерусалима, чтобы спросить его: "Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?" В ответ, Христос указывает на свою проповедь благой вести Царства, подкрепленную исцелениями. Таким образом, Иоанн, судя по всему, не знал подлинного значения миссии Христа. "Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его". Иными словами, Царство уготовано не обычным людям, а сверхлюдям, трансформированным силой Любви. С этого момента, Христос перестает причислять себя к Ессеям, говоря "славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных, и открыл то младенцам". Великий Учитель Праведности, учивший свой народ пути "мудрости и праведности", не знал о величайшем таинстве Любви.

Следующий акт драмы разворачивается по возвращении учеников. Христос умышленно провоцирует Фарисеев, которые не могут понять, почему он не присоединяется к ним. Они знают, что Ессеи порицают их политику компромисса с Римской оккупационной властью, что, естественно, не далеко уходит от открытого сотрудничества Саддукеев. Они считали Христа одним из таких же, как они: набожным человеком, хорошо знающим писания и преданным почитателем закона. В то же время, он начинает совершать поступки, шокирующие их, как, например, разрешение ученикам срывать колосья в субботу. Он переходит в открытое наступление, показывая, что не только не собирается объединиться с ними, но, наоборот, готов поднять народ Галилеи против них. Он отвергает собственную семью, которую обеспечивал собственным трудом, (Мат. 12.47 – 50), что было бы вполне понятным, если бы он возвращался к Ессеям, но в его планы это не входило. Он отвергал аскетизм, что напоминает нам о Будде после его Просветления.

Притчи о Царстве начинают подчеркивать исключительную ценность того дара, который Христос должен был передать тем, кто мог взять на себя свой крест и следовать за ним. Народ стекался к нему в таком количестве, что для уединения со своими учениками он был вынужден удаляться из Иудейской территории на языческие земли Тира и Сидона. Сюда же относится случай с сиро-финикиянской греческого происхождения, благодаря вере которой, была исцелена ее дочь. Этот эпизод подчеркивает глобальный характер миссии Христа. Она не ограничивалась иудеями. Вместе с тем, это важнейшее обстоятельство ознаменовало собой окончательный разрыв с Ессеями, которые принимали в свое братство только евреев с чистой родословной. Перевод Кумранских Рукописей убеждает нас в том, что ни один Ессей не стал бы разговаривать с не-еврейкой. Кроме того, превыше всех их табу была колоссальная ненависть по отношению к не-Иудеям, что было отражено в "Правилах Войны за Общество Завета". Этот документ был настолько важным, что среди Манускриптов Мертвого Моря исследователи обнаружили фрагменты семи или восьми различных его копий. Ессеи готовились к великой войне, которая должна была продолжаться десять лет и закончиться победой Иудеев. "Киттимы", которых большинство специалистов идентифицирует с Селеуцидами, были жестокими тиранами, которых следовало жесточайшим образом вытеснить. Безусловно, Христос понимал всю несостоятельность таких мечтаний, и, вне всяких сомнений, это не было

секретом также и для Учителей Мудрости, но они не могли знать точно, какое действие собирався предпринять Христос.

Христос остался теперь в одиночестве, и входил в те сферы, в которые не могли за ним следовать даже Учителя Мудрости. Новое Учение было отмечено чудесными трапезами, о которых упоминается дважды. Хотя внешне они напоминали трапезы любви Ессеев, нигде не пишется о предшествующем очищении. При этом, трапеза не замыкалась на учениках, и была открыта для всех, кто был настолько привержен к Христу, что последовал за ним в пустыню (Марк 8.1 и Мат. 15.32). Сразу же по окончании трапезы, толпа была отослана, а Христос вновь отплыл на север со своими ближайшими учениками. И снова он отправился в языческую страну: район, называвшийся Кесарией Филипповой, в сорока милях к северу от озера. Далее наступает момент великого испытания. Христос спрашивает учеников: "а вы за кого почитаете Меня?" и Петр отвечает ему "Ты Христос" (Марк 8.29), то есть, помазанник Божий, о котором говорили пророки. Затем Христос начинает объяснять, что вместо триумфа ему предстоит претерпеть унижение (Мат. 16.23), но Петр стал прекословить ему, отведя в сторону. За этим следуют самые важные слова: "Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божье, но что человеческое". Все это показывает, что ученики тогда еще не понимали истинной миссии Христа. Он собрал людей вместе с учениками и открыто сказал им: "Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мною" (Марк 8.34 и Мат. 16.24). В то же время, загадочная фраза, процитированная только Матфеем: "Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем", на первый взгляд, похоже на несбывшееся пророчество, и было предпринято много попыток растолковать ее. Подлинный же смысл лежит буквально на поверхности. Шестью днями позже, Христос берет с собой на отдаленную гору троих из стоявших тогда перед ним учеников: Иакова и Иоанна, сынов Заведеевых, а также Петра (Мат. 17.1).

Теперь мы должны отвлечься практически ото всех описаний Преображения. Этому событию величайшей важности посвящено девять стихов в Евангелиях от Матфея и Луки, и семь строк в Евангелии от Марка. В четвертом Евангелии о нем вообще не упоминается, судя по чему, можно утверждать, что подлинный смысл этого события был утерян к моменту его написания. Все, о чем говорится в отношении Преображения в синоптических Евангелиях, сводится к изменению в облике Христа, появлению Моисея и Илии, а также "гласу из облака". Трое присутствовавших учеников поведали остальным только это.

По-видимому, сокрытие подлинного смысла события было умышленным, в противном случае, он бы отвлек внимание от финальной драмы. В неведении пребывали не только верующие последователи: недоумевали даже сами ученики. Об этом можно судить по описанному вслед за Преображением эпизоду со страдавшим лунатизмом ребенком, которого ученики не могли исцелить.

Ключевым элементом в понимании Преображения является передача Любви Божьей. Если признать, что именно в этом, а не в спасении человечества от греха, как предполагал Святой Павел, заключалась миссия Христа, то событие раскрывается перед нами в своей подлинной перспективе. Препятствием к такому подходу служит неверное понимание любви как полярной силы притяжения, похожей на притяжение между двумя противоположно заряженными телами, или между полюсами магнита. Однако неизбежным спутником притяжения является отталкивание. В то время, как противоположные заряды притягиваются, одноименные заряды отталкивают друг друга. Если бы любовь между человеком и Богом носила подобный характер, то человек и Бог

стояли бы на разных полюсах, и никогда не смогли бы объединиться, не потеряв любви друг к другу. Любовь Божья черпает свою силу не из разъединения, а из единства. Здесь имеет место не наполненность, а пустота, не Бытие, а Вакуум.

Преображение было событием, охватившим все миры. Трое учеников принадлежали к естественному миру, и были в числе двенадцати посвящены в духовный мир. Моисей и Илия объединяют духовный и творческий миры. Моисей олицетворяет завет, данный вместе с Законом, в особенности, следует здесь иметь в виду завет Любви между Яхве и его народом (Второзак. 27 – 30), обновленный Ессеями. Илия, в свою очередь, олицетворяет творческую силу, творящую чудеса. Христос же, выходит за рамки времени и пространства, пребывая в непосредственной связи с Отцом, который представлен Голосом из Облаков. Я уверен также, что там присутствовало и еще одно действующее лицо, но поскольку о нем нигде не упоминается, я также не буду пока говорить о нем.

С этого момента, характер повествования меняется. Перед нами разворачивается драма, в которой нашлось особое место для каждого участника. По мере приближения последних страданий, напряжение нарастает. Здесь следует вспомнить о том, что все без исключения Евангелия были специально отредактированы, чтобы избежать столкновения с римскими интересами. Очень мало написано о связях с Востоком. Волхвы упоминаются всего лишь один раз. Еще более удивительно отсутствие упоминаний о Ессеях, хотя и написано, что, по крайней мере, один из учеников, Симон, принадлежал к числу Зелотов, которые боролись за освобождение Иерусалима от оккупантов. В этой ситуации, Римляне были серьезно обеспокоены опасностью массового восстания евреев под предводительством нового Миссии. Народ пребывал в очень беспокойном состоянии, и Еврейские власти старались всеми силами избежать событий, которые бы могли повлечь за собой репрессии со стороны Рима, вплоть до закрытия Храма.

Выработанная эмоциональная энергия высокой интенсивности была необходимым элементом драмы. Тайное действие было завершено, и пришло время высвободить силу Любви при помощи взрыва ненависти. Глава 23 от Матфея описывает открытое провоцирование Христом книжников и Фарисеев. Она не очень соответствует основной линии повествования и представлениям читателей, живших через пятьдесят или сто лет после событий. В связи с этим, эпизод имел мало или вообще не имел значения. Тем не менее, он был вставлен для того, чтобы показать процесс подготовки к финальной драме. Иудейские лидеры были поглощены довольно сложной задачей поддержания баланса между Иродом, номинальным правителем страны, и Римским наместником, в чьих руках была сосредоточена реальная власть. Им вовсе не выгодно было ввязываться в необычное движение, возглавлявшееся Христом. Они бы ничего не получили от новой волны протеста против Римской оккупационной армии. Сам же Ирод был суеверным человеком, наполовину уверенным в том, что Христос был воскресшим Иоанном Крестителем. Так или иначе, нужно было покончить с последствиями событий горы Преображения.

Преображение было сотворением Нового Завета Любви, и откровение заключалось в том, что этот завет требует от человека смирения или даже унижения⁹. Только это может избавить человека от эгоизма, который заточил его в мирах времени и смерти. Следует вспомнить здесь о том, что, согласно Исходу и Книге Царств, Моисей и Илия разговаривали с Богом и были преобразены (трансформированы), и не были уже такими же людьми, как все остальные. Приблизительно то же самое произошло и с учениками, которых Христос взял с собой на гору. Они ощутили присутствие Бога, и это сожгло их эгоизм, оставив их совершенно пустыми. Именно в этом заключался основной смысл миссии Христа. После того, как это произошло, источник Божественной Любви стал

постепенно открываться для остальных учеников и, в итоге, для всех способных принять ее.

Унижение происходит произвольно, когда смертный человек оказывается перед Непостижимой Истиной. Тем не менее, необходимо пройти через унижение здесь, в этом мире, для того, чтобы обрести Любовь. Евангельская история, начиная с Преображения, повествует именно об унижении.

Первыми через унижение прошли сыновья Заведеевы. Они просили Христа, чтобы он позволил им сидеть по правую и по левую руку от него во славе, и получили упрек за недостаток понимания (Марк 10.35-42). Матфей пишет, что с этой целью они даже привели к Христу свою мать. В Евангелии написано также, что "услышавши сие, прочие десять учеников вознегодовали на двух братьев". Только те, кому довелось оказаться в подобной ситуации, понимают, что значит быть презируемым и отвергаемым ближайшими друзьями за действительное или предполагаемое желание занять главенствующее положение. В результате этого случая, Иаков и Иоанн были настолько дискредитированы, что о них больше практически ничего не написано. Лука не описывает этот случай, упоминая вместо него о споре среди учеников относительно места, уготованного для них в Царстве Небесном. Похоже, что Иаков и Иоанн специально спровоцировали собственную дискредитацию, для того чтобы искоренить остатки эгоизма, преследовавшего их со времени Преображения. В Деяниях Апостолов, Иоанн смиренно следует за Петром, который совершает чудеса исцеления и открыто обращается к Синедриону¹⁰.

Второе унижение произошло с Петром. История отречения Петра описана во всех четырех Евангелиях и, безусловно, оказала глубочайшее впечатление на учеников. Принимая во внимание колоссальные достижения Петра, мы склонны расценивать его трехкратное отречение как временное помутнение рассудка, или как свидетельство того, что ученики получили Святой Дух только после Воскресения. На самом деле, отречение от Учителя было предательством, которое могло иметь не менее ужасные последствия, чем предательство Иуды. Если бы Петр открыто выступил в защиту Христа перед Первосвященником, возможно, его не удалось бы признать виновным. Мы должны хорошо представлять себе беспомощность Иудейских властей, находившихся в полном подчинении Римскому легату. В этих условиях очень многое могло зависеть от активных действий Петра.

Как же Петр мог пойти на это? Этот вопрос наверняка волновал каждого читателя Евангелий. На него можно ответить только с точки зрения необходимости полного унижения для тех, кто был посвящен в Силу Любви. Петр должен был опуститься на самое дно, для того чтобы избавиться от субъективной и личной привязанности к Христу, которая была неотделимой частью его самолюбия. Для того чтобы стать совершенным инструментом Божественной Любви, Петр должен был пройти через унижительный опыт, раскрывший фальшивость его воображаемой любви к Христу для него самого и всего мира. Я не хочу сказать, что Петр играл. Он просто не мог не отречься от Христа, поскольку его эгоизм не был еще окончательно искоренен. Подлинное значение Тайной Вечери заключалось в передачи ученикам той силы, которая снизошла на Христа во время Преображения. В то же время, унижение, через которое пришлось пройти ученикам, было необходимо для нейтрализации негативных сил, высвобожденных в результате действия. Христос сказал: "Тот, кто возвышает себя, унижится, а тот, кто унижает себя, возвысится".

Давайте представим себе ситуацию в Иерусалиме накануне Иудейской Пасхи. Римская армия занимала небывало прочные позиции в городе и была готова сокрушить мощным

ударом – вплоть до жестокого кровопролития – любые проявления народного недовольства. Толпа видела в Христе нового Маккавея¹¹, обладавшего потрясающими возможностями, и была готова пойти за ним на любой риск. В этой ситуации, Иудейские власти старались любыми силами избежать открытого конфликта с римлянами. Вместе с тем, Ирод был обеспокоен опасностью, угрожавшей его статусу «Царя Иудейского». Город был полон разного рода слухов. Римские патрули можно было встретить на каждой улице, и никто не знал, каких внезапных выпадов можно было ожидать от них.

В такой напряженной атмосфере иудеи праздновали Пасху в честь той ночи, когда Египетские новорожденные были убиты Ангелом Бога. То, чем были заняты Христос и ученики было очень далеко от этого. Они смотрели в будущее и завершали подготовку ко вхождению Любви Божьей в человеческую природу. Произошло это в результате обмена материей. Действие могло совершиться благодаря тому, что трое из присутствовавших учеников уже были трансформированы на горе Преображения. В Евангелии от Иоанна упоминается омовение ног (Иоанн 13.4 – 17). Иоанн приводит некоторые воспоминания относительно происходившего, но ничего не говорит о преломлении хлеба и вина. Христос говорит: «заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как я любил вас» (Иоанн 13.31 – 35). Все это не имеет смысла, без особого акта передачи силы любви Христа.

Мы подошли теперь к очень трудному вопросу о понимании предательства Иуды. Унижение Иуды было совершенным. В отличие от Петра, Иуда так и не был прощен Христианским миром. Многие люди видят здесь явное противоречие. Если Иуда действительно был предателем, и, тем не менее, Христос избрал его одним из двенадцати, то либо Христос не разбирался в людях, либо он позволил ему попасть в коварнейшую западню. Последнее говорило бы об отсутствии сострадания у Бога Любви. В то же время, в предательстве не было никакой необходимости. Христос мог бы спасти Иуду, открыв себя. Таким образом, ни одно из обычных объяснений не выдерживает критики. Некоторые склонны считать Иуду заблуждавшимся любителем влезть не в свое дело, который думал, что знает все лучше Христа и должен помочь ему проявить свою силу и открыть путь к Царству. Такой подход также принижает Христа и делает бессмысленным дальнейший ужасный ход событий.

На самом деле, Евангелия, особенно четвертое, безошибочно указывают на подлинное положение вещей. Христос говорит ученикам, что один из них предаст его, и они все начинают недоумевать, кто из них должен сделать это. Следовательно, предательство было ужасным делом, которое обязательно должно было быть сделано кем-либо. Тем не менее, большинство не понимало этого. "Иисус отвечал: тот, кому Я , обмокнув кусок хлеба, подам. И обмокнув кусок, подал Иуде Симонову Искарйоту. И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему" (Иоанн 13.26-28).

Мы не сможем понять этого, если не примем во внимание, что предательство и распятие Христа не были необходимы для прощения грехов. Исцелив парализованного (расслабленного) человека, Христос сказал, что "Сын человеческий имеет власть на земле прощать грехи" (Матф. 9.6). Арест и осуждение Христа могли произойти в любой момент, как только Христос выдал бы себя. Таким образом, предательство и распятие имели другую, более глубокую цель. Самой высокой целью любого действия в этом мире является открытие пути для проникновения Любви Божьей. Но любовь не может войти туда, где есть эгоизм, ненависть и зависть. Все это олицетворено в сатане.

Для того чтобы передача Любви ученикам могла произойти, нужно было изгнать сатану. Именно эта задача была возложена на Иуду. Евангелие от Иоанна прямо указывает на это. Христос передал Иуде кусок хлеба, и "после сего куска вошел в него сатана". Он должен был тотчас же выйти из комнаты, чтобы не произошло никакого сатанинского вмешательства.

Почему такая ужаснейшая задача была возложена на Иуду? Он был близок к Христу. В отличие от всех остальных учеников, Галилеян, он был из Иудеи, с более высокой культурой. По-видимому, Иуда был посвященным Есеем, присоединившимся к Христу, поняв, что, несмотря на всю свою самодисциплину и послушание, они все еще были погружены в национализм и ненависть к оккупантам¹². Иуда лучше других учеников осознавал грандиозность события, которое должно было произойти. В связи с этим, я думаю, что он был седьмым присутствовавшим во время Преображения. Его имя просто было вычеркнуто, после того, как он выполнил свою миссию, и взял на себя все обвинения в предательстве Христа. Такую точку зрения меня заставили принять беседы с Гурджиевым в 1949 году, незадолго до его смерти. В присутствии многих своих учеников он сказал, что Иуда был самым близким учеником Христа, и единственным, кто знал все его тайны. Тогда же, Гурджиев потребовал от меня неуклончивого ответа на вопрос: "Верите ли вы в истинность того, что я сказал об Иуде?" Тогда я мог ответить лишь, что ни одно другое объяснение не выдерживает критики.

Лишь очень недавно вся правда о произошедшем стала для меня очевидной. Именно в Иуду Любовь Божья вошла наиболее полноценным образом, и поэтому его унижение также должно было быть самым существенным. Только он был достаточно крепок, чтобы позволить сатане возобладать над собой, не потеряв при этом свою душу. Слова "сатана вошел в него", пожалуй, можно считать самыми ужасающими из всего благовествования. Поразмыслив, мы приходим к выводу, что именно Иуда был тем агнцем Божиим, который искупил грехи мира.

Я никогда не мог согласиться с мнением, что безгрешный Христос мог взять на себя грехи. Каждый, кто стремится к совершенству, знает, что страдание приносят собственные грехи, а не грехи других людей. Для того чтобы иметь истинное сострадание к другим людям, мы должны осознавать собственные грехи. Став величайшим грешником, Иуда мог пройти через величайшее унижение, не только в глазах других, но и в своих собственных. После того, как жуткий поступок был совершен, и сатана покинул его, Иуда не знал наверняка, было ли предательство его собственным поступком, или последствием того, что он взял на себя "грехи мира". Однако самоубийство Иуды не было игрой, оно было необратимым последствием того, что он позволил сатане войти в себя, даже если это было сознательным решением и даже выполнением поручения самого Христа.

Унижение Иуды было полным и необратимым в этом мире. Он остался для Христианского мира настоящим символом зла. Тем не менее, Евангелие убеждает нас в том, что он был одним из посвященных. Кроме того, он был первым учеником, получившим священный хлеб из рук Христа. Он видел чудо, совершавшееся перед его глазами, и, все же, не мог не продолжать сомневаться и винить себя в связи с той ролью, которую ему довелось играть в нем. Разве не такова психология святого?

Если в этом заключалось глубокое эзотерическое значение предательства Иуды, то мы должны также рассмотреть и внешний эффект произошедшего. Весь Иерусалим пребывал в напряжении. Христос пробудил кошмарнейшие ожидания, разогнав менял в храме. В свою очередь, Римляне были крайне взволнованы, поскольку опасались восстания во главе с Зелотами, которые отделились от Есеев, не дожидаясь "дня Господня, великого и

страшного", предсказанного Малахией (Малах. 4.5). Таким образом, Христа подозревали и опасались практически все, так что он и его ученики могли ожидать ареста со стороны римлян в любой момент, в то время, как для свершения драмы было необходимо участие Иудейских властей. Поступок Иуды гарантировал, что Синедрион вступит в действие прежде римлян. Он знал, что Саддукеи готовы пожертвовать Иисусом, так как, по словам Каиафы, "лучше [нам], чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб" (Иоанн 11.50). Поскольку римлянам было очень важно отвести гнев народа, которого они вполне оправданно опасались, от себя и Иудейских властей, поступок Иуды позволил драме свершиться в согласии с Судьбой¹³.

Мы подошли теперь к событию, известному, как Тайная Вечеря. Все богословы сходятся во мнении, что это было посвящением (инициацией), которая позволила ученикам передавать благословение. Концепция "спасительной жертвы" Св. Ап. Павла искадила смысл агапэ, или Акта Любви, как его, вне всяких сомнений, понимала Иудейская церковь. В то же время, Тайная Вечеря происходила не на том же Божественном Уровне, что и Преображение. Не было ни "голоса из-за облаков", ни каких-либо священных существ. Вместе с тем, хлеб и вино вообще не упоминаются в четвертом Евангелии. В трех синоптических Евангелиях трапеза описана приблизительно одними и теми же словами в семи – девяти стихах. Трудно проверить, что разделение хлеба и вина имело основополагающее значение, приписываемое этому действию большинством Христианских церквей сегодня. Оно настолько похоже на чудесное накормление четырех и семи тысяч, что я склонен рассматривать его скорее как связь со второй частью учения Христа, чем как итог его миссии. Более того, литургическое таинство явно заимствовано у Зороастрийской традиции, посредством Ессеев. Оно обрело нынешнюю форму и значение в Каппадокии, когда там располагался важный центр Волхвов. Другими словами, я думаю, что разделение хлеба и вина – Евхаристическая Трапеза – не было основным событием Тайной вечери. Длинная проповедь, приведенная Иоанном (Иоанн, главы 13 –17) проясняет ситуацию. Центральным элементом была Любовь Божья. "Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою" (Иоанн 13.34-5). Эти два стиха, как бы, выпадают из контекста, поскольку в следующем стихе Петр продолжает мысль 33 стиха, не обращая внимание на только что сказанное.

В этом можно увидеть признак того, что произошло нечто существенно новое. Почему была дана новая заповедь? Потому, что произошло нечто новое. Ученики были наделены Силой Любви и, таким образом, отделены от обычных людей, чей эгоизм не позволил им участвовать в Любви Божьей. Вскоре после этого Христос произносит известные слова: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих"¹⁴ (Иоанн 15.13). Ученики теперь "не от мира сего" (Иоанн 15.19). Они были введены в мир, где Любовь является единственным законом. Причащение, благодаря которому была совершена трансформация, отразилось в акте разделения хлеба и вина. Ученики вошли в Царство Небесное и были вне рамок жизни и смерти. Они разделили духовное тело Христа и знали, кем он был на самом деле.

Тем не менее, цена еще не была уплачена в полном объеме. Унижение Иуды должно было быть дополнено унижением отречения от Сына Человеческого, его распятием и отвержением. Петр должен был пройти через свое унижение. Его эгоизм был окончательно искоренен, когда он увидел, что его хвастливое обещание скорее умереть с Христом, чем отречься от него, было втоптанно в грязь с последним криком петуха.

Когда трагическая череда разочарований и унижений завершилась, воскресение стало возможным. "Воскресшее тело" могут воспринимать только те, кто способен любить.

Время от времени, у святых бывают видения Христа в его воскресшем теле, но они не могут прикоснуться к нему, как могли ученики, трансформированные в мир воскресения. Здесь Павел допустил ошибку. Его видение Христа отличалось от осознания непосредственного присутствия, которое было доступно ученикам, посвященным на Тайной Вечери. Павел увидел себя спасенным, и решил, что Христос был распят во спасение человечества. Это, безусловно, так, но не в интерпретации Христианского учения Святого Павла. В соответствии с ним, спасение¹⁵ необходимо для возвращения человека в его изначальное безгрешное состояние, в целях подготовки к некому будущему действию, которое откроет ему дверь в Небесное Царство. Ученики, во главе с Петром, знали, что Царство уже было открыто; но они пока не понимали, что это Универсальное Царство, открыто для всех людей во все времена. Это было частично открыто Петру во время видения в Иоппии, после которого он отправился в Кесарию, крестить Сотника Корнелия. Важно, что, рассказывая о Воскресении, Петр сказал, что Бог явил Христа "не всему народу, но свидетелям, предъизбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых" (Деян. 10.41).

Так или иначе, Ессеи и Фарисеи пошли путем Гнозиса и власти, в то время как первые Христиане пошли путем Любви и унижения. Мы можем даже предположить, что Бог Ветхого Завета был Демиургом, тогда как Христос смотрел выше, обращаясь к источнику Любви Божьей. В последующих главах мы с вами увидим, какой путь избрали Учителя Мудрости.

1 - Ахемениды царствовали в Персии, начиная с Кира в 623 году до Р.Х. и заканчивая разгромом Дария III Александром Македонским в 323 году до Р.Х. Сассаниды правили с 240 года до зарождения Ислама в 650 году по Р.Х.

2 - 2 Маккав. 4.21 – 50.

3 - Прим.ред. оригинала: термин был предложен Гурджиевым в его книге Все и Вся, для обозначения информации, предназначенной для потомков и заложенной в произведение искусства таким образом, чтобы ее значение могли распознать только посвященные.

4 - Настоящая глава основана на беседе, которую я провел среди учеников Третьего Базового Курса в Шерборн Хаус, в воскресенье 4 Августа 1974 года.

5 - Прим.ред. оригинала: Четвертый мир является абсолютным миром бесконечного источника, lahit.

6 - Иов. 38.31.

7 - Прим.ред. оригинала: Символ принадлежит Гурджиеву. Беннетт считал, что он был создан в Сарманском Обществе и вмещает в себя знание универсальных законов, которые больше нигде не представлены. Он также использовался для создания легоминизмов, о чем писал Гурджиев в главе "Искусство" книги Все и Вся; см. Дж. Г. Беннетт Гурджиев – Сотворение Нового Мира, Приложение 2. См. также работу Дж. Г. Беннетта Изучение эннеаграммы и III Том Драматической Вселенной.

8 - Прим.ред. оригинала: воздействие третьего мира, alam-i itkan, на первый, alam-i

ajsam.

9 - Конечно, не в обиходном смысле этого слова (прим. перев.)

10 - Должен сказать здесь, что, по моему мнению, Евангелие от Луки и Деяния Апостолов были написаны без понимания подлинного смысла миссии Христа. Исследователи считают их скорее литературными, чем историческими произведениями. Даже при этом, второстепенная роль Иакова и Иоанна удивительно контрастирует с их былым превосходством.

11 - Иуда Маккавей был борцом за свободу, благодаря которому Израиль освободился от Греческого культурного главенства, существовавшего со 167 по 165 год до Р.Х. Израиль оставался независимым еще в течение века, вплоть до 63 года до Р.Х.

12 - Призыв "отдавать Кесарю кесарево" возмутил бы не только Ессеев, но даже и Фарисеев, которые платили дань только по принуждению. Именно поэтому Саддукеи полагали, что Христос мог бы поддержать их политику "сотрудничества" с римской властью.

13 - Я привожу здесь эту точку зрения, поскольку она была предложена Гурджиевым (см. Все и Вся, стр. 740-2). Я думаю, что она справедлива, хотя и не исчерпывает вопроса. Именно поэтому Гурджиев сказал, что когда-нибудь мне придется выдвинуть настоящее объяснение.

14 - В английском варианте: "... жизнь свою за друга своего". Возможно, разница имеет определенное значение в отношении Иуды (прим. перев.).

15 - по-видимому, имелось в виду распятие (прим. перев.).

ГЛАВА 5. ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Смысл унижения утерян – мученичество и аскетизм – жестокость и ненависть в Христианском мире – всемирное бедствие – Зерванизм, Гурджиев и идея ограниченности Бога – зарождение Ислама и крах Зороастризма – влияние Учителей Мудрости – деградация Ислама – исчезновение духовного лидерства.

Вы можете не соглашаться с тем, что я написал о жизни и страданиях Иисуса Христа, а также не верить в то, что Он является едиnorodным Сыном Божьим, но, вне всяких сомнений, любовь занимала в Его миссии центральное положение. Более чем какой-либо другой пророк или учитель, Он проповедовал и на деле показывал первостепенное значение любви. Венец его заповедей, "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всем разумением твоим и всей крепостью твоей и возлюби ближнего твоего как самого себя", был заимствован из Иудейских писаний. Тем не менее, это было Его посланием человечеству, и всем оно известно именно в таком качестве.

Вряд ли мне нужно приводить здесь доказательства того, насколько активно это послание отвергалось, не исключая даже церкви, основанной в то время. Настоящая книга посвящена Учителям Мудрости, а не истории религии, но мне, все же, придется обсудить противоречие между тем, что Любовь Божья является высшей и наиболее необходимой

для эволюции человека энергией, и тем, что ее попытка утвердиться в человеческой природе потерпела катастрофический провал. У меня сложилось довольно четкое представление о положении вещей: для любви необходимо унижение; входя в причинный мир, Любовь погрязает в полярности любви и ненависти, и, в итоге, превращается в свою противоположность.

Этой истине Христос учил своих ближайших учеников, и ее понимали ранние Христиане, в особенности, Иудейской церкви. Ее понимали и воплощали также и Ессеи, но те из них, кто отказался следовать за Христом, попали в западню. Они принимали унижение в пределах своего общества, но претендовали на моральное превосходство над теми, кто к нему не относился. В то же время, среди христиан вне Иудеи, влияние Святого Павла играло очень большую роль. Он, безусловно, знал о секрете любви и унижения, но я не думаю, чтобы сам он получил посвящение. Он принял унижение, поскольку считал, что, делая это, идет по стопам Христа, но он не мог передать силу любви своим церквям. Об этом свидетельствуют его послания, в которых он называет милосердие более высоким качеством, чем вера и надежда, и при этом доступным жаждущему человеку. Вместе с тем, Св. Павел считал унижение следствием, а не условием любви, и эта, казалось бы, небольшая ошибка стала причиной нескончаемого бедствия. Если бы Св. Павел был одним из посвященных Христом, он бы не совершил этой ошибки.

Я не претендую на обладание знаниями, которые бы потребовались, чтобы сказать, сохранили ли Гностические братства, чьи основные центры располагались в Египте между первым и четвертым веками, более точные сведения о настоящей миссии Христа, чем Католическая Церковь. Их важное отличие заключается в упоминании о том, что Христос и по воскресении продолжал учить небольшую группу учеников, женщин и мужчин, и только тогда раскрыл им наиболее глубокие тайны духовного мира. Согласно *Pistis Sophia*¹, основной женщиной-ученицей Христа была Мария Магдалина, олицетворяющая совершенную любовь к своему Учителю. Она задавала колоссальное количество вопросов, благодаря чему была открыта "Первая Тайна", заключающаяся в том, что Христос является воплощением Любви Божьей. Христос сказал Марии: "Это Я скажу тебе, после того, как расскажу о расширении вселенной. Именно по этой причине я разделился на части и принес в мир таинства. Все во грехе, и всем нужны дары таинств."² Все Гностические рукописи, которые мне довелось изучить, сходятся во мнении, что Христос был распят, для того чтобы Таинство Любви могло совершиться, а не в качестве жертвы за грехи. Гностики видели, что грех оставался в мире, не смотря на приход Христа, и что грех можно победить только при помощи унижения. По-видимому, именно эту высокую роль они приписали Марии Магдалине, олицетворяющей грешницу, которая была спасена унижением и любовью.

В то же время, вне всяких сомнений, Святой Петр был одним из четырех великих посвященных. Наряду с Иаковом и Иоанном, он был способен предавать любовь посредством возложения рук (рукоположения), и обновлять эти действия в форме Трапез Любви, или агапэ. В этом заключается основа Апостольской Преемственности, на которой, в свою очередь, базируются притязания Католической церкви. Таким образом, перед нами ужасная тайна исчезновения центральной части самого откровения. В этой главе я могу лишь попытаться найти подтверждения тому, что высшие силы не оставили человечество.

В первом тысячелетии истории Христианства на огромной территории, простирающейся от Китая и Индии до Марокко и Европы, отчетливо выделяются три периода. В первом, происходил подъем и распространение Христианства, вместившего в себя надежды мира. Второму периоду, с момента принятия Христианства Римской Империей, соответствует

упадок Христианства и расцвет Зороастризма. Третий период можно отсчитывать от бегства Мухаммада, пророка Ислама, из Мекки в Медину, в 622 году. В последующие триста лет происходил подъем Ислама и вырождение Зороастризма. В итоге, в течение тысячелетия человечество три раза отвергло великий дар Любви, променяв его на поклонение власти и силе.

Зарождение и подъем Христианской церкви в Иудее были внезапно оборваны Иудейской Войной 68 – 70 годов. До того времени, Христиане охотно принимали унижение и преследования как приемлемую цену за любовь, которую они питали к Богу и друг к другу. Это период практически не знал мучеников, в основном, поскольку Христиане не пытались активно утверждать свой статус, и были довольны появлением своих обращенных среди людей низшего класса, в том числе, слуг и рабов. Должен признать, я когда-то считал, что удивительная концентрация энергии, за счет которой за триста лет Христианство распространилось от Испании и Англии до Китая и Индии, происходила благодаря преследованию церкви и страданиям мучеников. Такая точка зрения, в свою очередь, подразумевает желательность страданий и, следовательно, аскетических практик и пуританской морали.

Теперь я вижу, насколько такое предположение далеко от действительности, и как много бед оно принесло. Пока Христиане были готовы идти путем Нагорной Проповеди, в искусственных страданиях не было никакой необходимости. Те, кто не мог принять унижение и простую самодисциплину, принимали "Христа без Креста". Жаждавшие креста, в свою очередь, считали, что могут обрести его, ведя одинокую жизнь отшельника в пустыне³, или, позже, в аскетических обществах с еще более жестокими порядками, чем Ессейские⁴. В обоих случаях, терялось унижение и любовь вместе с ним.

Первые христиане понимали, что не способны постичь подлинную природу Христа. У них не было сомнений в том, что произошло уникальное и непосредственное вмешательство Бога в ситуацию человечества, но они не считали Христа Богом. Евангелисты, создавшие синоптические Евангелия, знали, что Христос был "больше, чем пророк", и что он был тем, "кто должен был прийти". Кроме того, они знали, что были трансформированы в результате действия, которое не могли и не старались понять. Они верили ученикам, и, в особенности, бывшим с Христом на горе Преображения. В то же время, они не отваживались спрашивать этих учеников о том, что было открыто. Они видели, что ученики были совершенно смиренными, что эгоизм умер в них, и также с надеждой мечтали о все более полноценном участии в опыте Любви Божьей.

Древние отцы, Папий, Ирений и Иеремия сходились во мнении, что существовало древнее Сирийское Евангелие, которое было сокровищем Христиан Иудеи. Последних называли Эбионитами, чтобы подчеркнуть их веру в святость бедности. Их не слишком интересовало, был ли Христос Богом или Человеком, они надеялись быть трансформированными любовью, которую все еще источали посвященные Им. Любовь Божья, в свою очередь, была названа Святым Духом, и христиане считали его основой своего посвящения. Оно обновлялось каждую неделю посредством Евхаристии, или агапэ. При этом, личное присутствие одного из первопосвященных считалось очень важным, хотя и не обязательным. Кроме того, христиане Иудеи почитали своим долгом следовать правилам, обозначенным в учении, которое позже стало известно под именем Нагорной Проповеди. Она составляла ядро Сирийского Евангелия, и все настоящие христиане знали ее наизусть. После же того, как Греческие рукописи были признаны единственными каноническими, все, что явно противоречило изложенным в них новым представлениям о природе Христа, стало отвергаться Церковью.

Все эти глубокие изменения произошли после 70 года. К тому времени, среди приходивших к церкви практически не осталось людей, слышавших и видевших самих апостолов. Христианский мир тогда был поглощен ошибочным ожиданием того, что ужасы Иудейской Войны обернутся вторым пришествием, и что Христос явится во славе, чтобы править Землей. Христиане, не понимавшие, что Царство Небесное уже пришло к ним в виде Любви Божьей, в основном, склонялись к теории спасения, проповедовавшейся Св. Павлом. В соответствии с ней, значение Христа заключалось в том, что он был Умиравшим Богом Завета. Таким образом, Христа следовало признать Богом, и два века горячих дискуссий и даже ожесточенных споров разрушили единство Христианского мира, подготовив почву для еще более ужасных событий.

Самая печальная черта Христологических споров состояла в том, что они полностью отвлекали внимание людей от сути произошедшего события. Практически все участники этих споров считали "Бога" создателем мира, автократической силой, требующей подчинения себе, то есть, тем же творцом, которого боялись Иудеи во времена Моисея. В свою очередь, для греков, "Бог" был либо Зевсом, Отцом и царем богов, либо Аристотелевской Первопричиной, или Перводвигателем. Считать, что у такого "Бога" мог быть Сын, было бы либо "абсурдом", либо "камнем преткновения", по мнению самого Ап. Павла. Среди Гностиков, Валентин хорошо это понимал, а, может быть, и знал о Великом Посвящении, по крайней мере, о его важнейшем аспекте. Возможно, он знал, что Христос был послан на Землю с несравнимо более высокого уровня, чем творческий, однако, учение самого Валентина было настолько туманным и запутанным, что даже его собственные ученики не понимали, что он имел в виду. В то же время, оппоненты Валентина, в число которых входили величайшие писатели Католической церкви, всячески старались показать абсурдность доктрин, приписывавшихся ему, и, таким образом, отвергнуть все, чему он действительно учил.

У меня нет никаких сомнений в том, что до и после времени Христа в Египте существовала Школа Мудрости. Гностики были горячими приверженцами Христа и были уверены в Божественности его Миссии. В связи с этим, довольно трудно, объяснить, почему их так непреклонно преследовала и, в конце концов, искоренила ортодоксальная церковь. Гностики, вероятно, знали определенные тайны, раскрытие которых могло разрушить ортодоксальные доктрины природы Христа и Божественного. Эти доктрины использовались епископами, окружавшими Римских Императоров от Константина до Юстиниана, для обоснования своих властолюбивых интриг. Такое предположение подкрепляется небывалой настойчивостью, с которой разыскивались и уничтожались книги Гностиков.

Одно можно сказать совершенно точно: начиная с 321 года, Христианство перестало быть религией Любви Божьей, и превратилось в культ власти, силы и преследования. Все христиане, будь то ранних церквей в Иудее, или церковью Персии, Центральной и Южной Азии, а также Римской Империи, были до 321 года слабым, а иногда и преследуемым меньшинством. Таким образом, унижение, столь необходимое для стяжания Духа Любви было обусловлено обстоятельствами. Но так не должно быть: личное, а не всеобщее страдание приносит любовь.

Гурджиев говорил об очень существенном отличии страдания, на которое человек сам напрашивается от преднамеренного страдания⁵. Унижение, которое мы терпим, противопоставляя себя обществу, было осуждено Христом, как подвергающее нас греху гордыни⁶. Языческий мир Греции и Рима ставил религию ниже философии. Поскольку в задачи философии входит подвергать сомнению все предположения, не отвергая ничего, за исключением откровенной фальши, языческий мир относился с терпимостью даже к

наиболее экстраординарным верованиям. Наверняка, приняли бы и христиан, если бы они не сочли своим священным долгом точно так же привлекать к себе нетерпимость, как это делали евреи, снискав себе этим печальную известность по всему древнему миру. Именно евреи (иудеи) впервые превратили нетерпимость в образ жизни, и христианам вовсе не обязательно было перенимать их опыт.

Христиане отвергали религиозные учреждения Римской Империи, которые, к сожалению, рассматривались императором и сенатом как гаранты стабильности государства. Я говорю об этом здесь, так как мы должны уяснить нечто, недопонимавшееся Эдвардом Гиббоном и другими историками. Христиане должны были проповедовать Евангелие Любви, но никоим образом не должны были становиться причиной раздора. Они стали откровенно попирать символы римской культуры, которыми для римлян были традиционные ритуалы. Сами эти ритуалы никем не воспринимались очень серьезно, но римляне требовали уважения к ним. Отношение христиан к "идолопоклонству" всегда приводило к недовольству и даже в ярость большую часть населения. Практически все из семи известных "гонений", от Нерона до Диоклетиана, были недолгими, и за два века было казнено, по всей видимости, менее сорока тысяч человек. Если сравнить эту цифру с действиями Христианских царей и епископов, которые преследовали христиан, искренне придерживавшихся неортодоксальных взглядов на природу Христа, то перед нами раскрывается ужаснейшая картина. При Св. Кирилле, защитнике Никейского символа веры, в одном только Дамаске за несколько месяцев было казнено более двухсот тысяч христиан.

Становится чрезвычайно жутко и противно, когда читаешь описания современниками совершавшихся тогда зверств. Тем не менее, мы должны четко представлять себе, до какой степени была осквернена и предана миссия Христа, с тех пор, как Христианство стало основной религией Римской Империи. В связи с этим, я должен рассказать историю Гипатии, достоверность которой подтверждается несколькими независимыми источниками⁷. Гипатия была дочерью Теона, математика, который передал ей свои знания. Она, в свою очередь, доработала великолепные выкладки Диофанта, величайшего математика своего времени. В расцвете своей красоты и зрелости своего ума, она отвергала женихов и занималась со своими учениками. Кирилл, Патриарх Александрии и Орест, наместник императора, жестоко враждовали между собой. Гипатия дружила с Орестом и была очень любима всем народом Александрии. В итоге, среди христиан распространился слух, что именно Гипатия препятствовала примирению. Одним роковым днем, Гипатию вытащили из колесницы, раздели и притащили в церковь, где затем она была бесчеловечно зарезана группой озверевших и безжалостных фанатиков, возглавляемой чтецом Петром. Ее плоть была отделена от костей острыми раковинами мидий и брошена в огонь. Первое расследование было приостановлено своевременными дарами, но убийство Гипатии наложило, по словам Гиббона, несмываемое пятно на характер и религиозную деятельность Кирилла Александрийского, позже канонизированного как Св. Кирилла, защитника Соборной Веры.

Этот и многие другие случаи зверств могут создать впечатление, что Христианская церковь полностью предала свои истоки и потеряла контакт с силой любви. Впрочем, последующие события показывают, что этого не произошло. "Апостольская Преемственность" продолжала передавать священную благодать, даже через совершенно недостойных и развращенных епископов и священников. У меня нет никаких сомнений в этом, хотя я и не утверждаю, что Христианская церковь достигла той цели, ради которой была основана, и вообще когда-либо сможет достичь ее. Высшее предназначение заключалось в передаче Любви Божьей. В то же время, прощение грехов и сопричастность Святому Образу Христа были не целью, а средством достижения цели принесения любви

в мир. Третье, наиболее существенное средство, которое заключалось в смирении и унижении, понималось лишь очень немногими. Святой Иоанн Златоуст, подвергшийся гонению со стороны все того же Кирилла Александрийского, был смещен с патриаршего трона и закончил свои дни в унижительной ссылке. Он был одним из мудрых людей Малой Азии, которые знали больше, чем открывали остальным. Другой мудрец, Ориген, был учеником Аммония Саккаса, возглавлявшего школу Учителей, в рамках которой сохранялись Пифагорейская и Египетская традиции. Вероятно, он мог сделать многое для возвращения Христианства на его подлинно святой путь.

В шестом веке Юстиниан, последний из великих Византийских императоров, под влиянием своей фанатичной жены, Теодоры, закрыл академию и другие школы в Афинах, которые в течение девяти столетий были центрами мудрости, открытыми для всего мира. В Афинах, ученые из Индии, Египта и Персии могли встречаться с учеными Испании, Англии и Ирландии. Закрытие школ перекрыло этот мощный источник благотворного влияния и, таким образом, взаимообмен знаниями различных культур был прекращен по вине алчных и мелочно завистливых мотивов. Последним из великих Греческих философов был Прокл (412 – 485). Судя по его собственным трудам, и по записям его непосредственных учеников, на Прокла оказали значительное влияние идеи Зороастризма. Кроме того, эта связь подтверждается тем, что после закрытия школ в Афинах, семь философов были приглашены великим Персидским царем Хосроем I (правившим с 531 по 579 год) на конференцию в Ктесифон⁸. Согласно Гурджиеву, основной центр Сарманского Общества того времени располагался рядом с Мосулом или, может быть, в Эдессе, и также был представлен на конференции Учителей Мудрости.

Учителя Мудрости обладали средствами распознавания паттерна будущих событий и знали о грядущих бедствиях. В сентябре 531 года, на западе, в течение двадцати дней была видна комета. Через восемь лет появилась и стала быстро увеличиваться еще одна комета, вытянувшаяся с востока на запад. Ее можно было видеть в течение сорока дней. Это было пятым появлением того, что мы сегодня называем Кометой Галлеей⁹. Несколько наблюдателей сошлись во мнении, что цвет солнца стал несколько бледнее, не во время появления кометы, а несколько позже. Земля также претерпела значительные потрясения в то время. Между 540 и 590 годами произошло больше грандиозных землетрясений, чем в любой другой исторический период. Одно из мощных землетрясений продолжалось 40 дней и ощущалось по всему Римскому миру, вплоть до Персии и Индии. Огромными волнами была потоплена значительная часть мирового флота. Произошло разделение Ливанских гор, и целая гора обрушилась в море, неподалеку от Финикийского города Бтриса. Двести пятьдесят тысяч человек погибло во время большого стечения народа на празднике Вознесения в Антиохии. Катастрофы подобного масштаба были отмечены также в Японии и по всему Тихоокеанскому побережью.

Однако какими бы ужасными ни были кометы и землетрясения, и какими бы грандиозными ни были их материальные последствия, ничто так губительно не сказалось на численности человечества, как чума. Величайшая известная эпидемия чумы произошла во время правления Юстиниана и распространилась по всему миру. По-видимому, она началась где-то в северо-восточной Африке, вероятнее всего, в Египте. В определенный момент, в одном только Константинополе умирало десять тысяч человек в день. Эпидемия возобновлялась каждый год, распространяясь от портов. Поскольку природа самого заболевания и его распространения оставались невыясненными, не предпринималось никаких попыток ограничить поток людей и товаров. Во многих городах целиком вымерло население. Урожай пропадал впустую, так как его просто некому было собирать, и к эпидемии присоединился голод. Годы чумы были в мрачных красках описаны

Прокопием, очевидцем, по мнению которого, только в Средиземноморских странах чума унесла более ста миллионов жизней. Насколько можно судить, общие потери по всему миру могли дойти до двухсот миллионов, то есть, одной трети всего населения. Прошло много веков, прежде чем человечество восстановило свою численность и снова начало прогрессировать. Вряд ли кто-нибудь может сегодня отчетливо представить себе условия жизни тех Мрачных Веков.

Как если бы этих ужасов было недостаточно, конец шестого века ознаменовался не прекращавшимися войнами между Римлянами, Скифами и Персами. Никакое человеческое вмешательство не было способно спасти людей. Невежество и ненависть привело человеческую расу к самоуничтожению, и сама природа планеты, а также силы солнечной системы, казалось, стремились покончить с расой, которая так постыдно отказалась от высшего дара Любви Божьей, предложенного ей пятьсот лет назад. Чтобы выяснить роль Учителей Мудрости в то время, мы должны заострить свое внимание на Персидской Империи. Сассанидская династия, правившая с 225 по 640 год, строго придерживалась Зороастризма, но долгое время с терпимостью относилась к Христианству, которое процветало и распространялось даже за границами империи. В то же время, Волхвы, сохранявшие свою индивидуальность в течение столетий парфянского правления, обретали все большее и большее влияние, и Персидские цари не могли не считаться с их главенством в религиозной, а иногда и в социальной сфере.

Волхвы, также как и Брахманы в Индии, были наследственной кастой, но принимали кандидатов в посвященные из других каст. В рамках касты Волхвов существовали особые общества, которые придерживались определенных традиций и ревностно хранили собственные секреты. Весьма вероятно, что Сарманское Общество было связано с Зерванитской ветвью традиции Волхвов. Роль "безжалостного Геропасса" из Гурджиевских Рассказов Вельзевула своему внуку, скорее всего, соответствовала Зерванитской, чем какой-либо иной восточной или западной традиции. Гурджиев довольно часто упоминал "персидский дуализм", утверждая, что именно он повинен в неверном понимании "добра и зла", как двух внешних, по отношению к нам самим, сил. Зороастризм, когда стал мировой религией, представлял собой строго дуалистическое учение. Так, согласно Зороастризму, существуют две духовные силы: Ахура Мазда, Дух Добра, и Ариман, Дух Лжи. Во времена Сассанидов, Ахура Мазда стал называться Орамаздом, а Ариман стал Ареманием, но они остались двумя независимыми и вечно несогласуемыми силами. Тем не менее, есть основания считать, что это не было изначальным учением Зороастра, поскольку в одном из подлинных гимнов Авесты говорится, что Ахура и Ариман были близнецами.

Существенной особенностью Зороастрийского учения является то, что Ахура, Дух Добра, ограничен. Он не обладает властью в сфере Тьмы, царстве Аримана, и не способен ни уничтожить, ни даже покорить Аримана, пока у последнего есть Мир Тьмы, где он может скрываться. Полная независимость Духа Зла позволяет Зороастрийцам не утруждать себя вопросом о происхождении греха и страданий. Зло является фактом, не зависящим от Духа Добра. В свою очередь, Иудеи и Христиане считают Бога Творцом всего, и поэтому вынуждены считать сатану одним из творений. Таким образом, перед ними стоит неразрешимая проблема согласования беспредельной доброты Бога с фактом существования зла и страданий. Каждый, кто бился над этой проблемой, знает в глубине своего сердца, что Юм был прав, говоря, что невозможно представить вселюбящего и всемогущего бога, который бы создал мир и человека, и при этом позволил бы им прийти в такое ужасное состояние. Зороастрийцы отвергали Христианство именно потому, что оно учит о Всемогущем Боге, который, в то же время, допускает зло.

Тем не менее, Волхвы конструктивно воспринимали возражение по поводу абсурдности дуализма Аюры и Аримана. Откуда взялись эти два противоположных духа?

Приблизительно в 300 году зародилось очень влиятельное учение, согласно которому, за добром и злом стоит Зерван, Непостижимый Источник. Зерван не является "отцом" этих духов-близнецов, подобно тому, как в греческой мифологии Хронос является отцом Зевса и Титанов. Зерван – это совершенно безличный источник законов существования, согласно одному из которых, в существующем мире у каждого элемента есть противоположность. Таким образом, Истина должна уравниваться Ложью, а Дух Истины, Ахура Мазда, должен вечно противоборствовать Духу Лжи, Ариману. Дух Добра разумен и представляет собой проявление Совершенной Любви. Дух Зла, в свою очередь, полон ненависти, и его природа – это слепая агрессия.

Хотя два духа равны по своей силе, высший разум Аюры позволяет ему предусматривать способы нейтрализации разрушительной силы Аримана. Ахура создает существующий мир в Вэй, пустоте, которая разделяет миры Света и Тьмы. Ариман ненавидит это творение и дерзко бросается разрушать его, но попадает в ловушку собственной агрессии. Он больше не может вернуться в безопасное убежище Тьмы Внешней, туда, где бессилён Ахура. Попав в западно существующего мира, Ариман становится подвластным времени, и должен будет рано или поздно вступить в открытое противоборство с силами Добра. Именно в этом человеку отведена существенная роль.

После того, как были сотворены всевозможные элементы природного мира, Ахура особым образом создал "первозданного Быка" и первого человека, Гайомарта. Гайомарт был двуполым человеком, наподобие первозданного человека из Пира Платона. В него Ахура вложил все свои надежды на окончательную победу над Ариманом, но Дух Зла проник в творение, убил первозданного Быка и причинил вред Гайомарту, по причине которого он умер через тридцать лет. Кроме того, Гайомарт был прельщен союзницей Аримана, блудницей, которая олицетворяла аспект зла негативного начала. Таким образом, из семени Гайомарта зародилась раса людей, природа которых была смешанной. В них, конфликт между Добром и Злом стал наследственной особенностью, которая будет оставаться до скончания веков. В то же время, Ахура продолжает любить человечество, и посылает воплощенных в человеческой форме посланников, чтобы помочь людям освободиться от собственного духа зла.

Ортодоксальный Зороастризм, каким он был при Хосрое I, принимал такое объяснение, и его последователи верили в то, что через девять тысяч лет после первого творения, спаситель, Саошьян, придет и исполнит обещание Гайомарта. Ариман будет окончательно обезврежен и изгнан во Тьму Внешнюю, без какой-либо возможности вновь обрушиться на Мир Света.

В то же время, Зерванизм был отвержен как еретическое учение, и теперь довольно трудно по материалам священных книг Парсов воссоздать изначальный вариант доктрины. Весьма вероятно, что группы Зерванистов существовали в форме тайных обществ и сохраняли знания о подлинном значении Зервана. Изучавшие труды Гурджиева, безусловно, отметят много точек соприкосновения, и, наверное, согласятся с тем, что Зерван был источником Безжалостного Геропасса, которого, кстати, Гурджиев никогда не называл злым, или лживым духом. Напротив, он часто упоминал о "правомочных указаниях Безжалостного Геропасса".

Помимо этого, понятно, что Вэй, пустота, представляет собой то же самое, что и Гурджиевское Эфирокрыло, и, следовательно, под ним нужно понимать Третью, или Согласующую Силу, при помощи которой одерживается победа над Безжалостным

Геропассом. По моему мнению, Зерванизм содержал в себе подлинное учение пророка, и был отвергнут Шапуром II (307 – 379) под влиянием ведущего волхва-дуалиста, Адурбада. Он был другом царя и пользовался поддержкой аристократии, поэтому неудивительно, что он отверг доктрину унижения, которая сохраняла единство Зороастризма в течение всего Арсацидского периода Парфянского правления. На Адурбада, в свою очередь, оказали влияние идеи Аристотеля, и он подчеркивал значение среднего пути. С учением Христа его, в определенном смысле, связывают следующие слова: "Когда приходишь на пир, не садись за первые места, чтобы тебя не пересадили за последнее". Для него, Храт, мудрость, означала умеренность в мыслях, речи и действиях. Таким образом, любовь между человеком и Духом Добра, которой наполнены гимны Авесты, была заменена на здравый смысл и избежание крайностей.

Максимальный расцвет Зороастризма пришелся на период правления Хосроя I, его сына и внука. Было время, когда он был распространен от Индии до Египта и на значительной части Центральной Азии. В связи с этим, я должен упомянуть о Манихейском культе, который представлял собой ответвление Зороастризма, хотя для него было характерно совершенно иное отношение к жизни. Согласно Манихейскому учению, сам по себе мир является злым началом. Таким образом, дуализм заключался в противостоянии не Истины и Лжи, а Духа и Материи. Это, в свою очередь, приводит к отвержению жизни, а также к крайней степени аскетизма и самоотвержения. Для зороастрийца, мир является благим творением Духа Добра, и, следовательно, благ по самой своей природе. Мы можем увидеть отражение такой позиции в первой главе Книги Бытия: "[Бог посмотрел на Свое творение] и увидел, что это хорошо".

У зороастрийцев было большое преимущество: они могли с уверенностью говорить об абсолютной благодати Бога, и отрицать какую-либо связь между Богом, злом и страданием, которыми переполнен мир. Последователи этого учения были всячески наставляемы наслаждению благими качествами жизни. У них была религия с собственными ритуалами и святынями, которые создавали у верующих ощущение теснейшего единения человека с Богом. К сожалению, по мере все более значительного распространения религии, возглавлявшие ее Волхвы, все больше настаивали на ее ортодоксальной форме. Под их гонение подпали не только Иудеи и Христиане, но также и сторонники того, что тогда называлось Зерванитской "ересью".

В конце шестого века, Персия, также как весь остальной мир, страдала от землетрясений и чумы, и, тем не менее, Сассанидские правители не оставляли своих захватнических амбиций. Последнее ужасное противоборство между Хосросом II и Византийским императором Гераклием разрешилось в пользу Византии, благодаря ее морскому превосходству. В то же время, Рим и Персия были истощены серией эпидемий чумы и ужасами войн. Пришло время восхода новой звезды.

За короткий период с 632 по 642 год произошел крах Сассанидской империи, а Византия потеряла Египет, Сирию и основную часть Малой Азии. Тогда же зародился Ислам, и натолкнулся на стену предубеждений. Однако ему противостояли ослабленные голодом, эпидемиями и войнами империи, во главе которых стояли слабовольные правители и бездарные генералы, так что победы Омара не были такими впечатлительными, как если бы это было столетием раньше. Так или иначе, Пророк Ислама пришел именно в тот исторический момент, когда арабы, не имевшие опыта ведения широкомасштабных войн, и находившиеся в удивительном неведении окружавшего их мира, могли, все же, победить и Персов и Римлян, став новой силой глобального масштаба.

Вместе с тем, есть одно обстоятельство, связанное с распространением Ислама, которое пока не было объяснено ни одним известным мне авторитетным исследователем. Оно заключается в крахе Зороастризма и исчезновении Волхвов. По меньшей мере, двенадцать веков Волхвы представляли собой сплоченную и весьма влиятельную касту, или общество, которое удерживало прочные позиции в Персии и окружающих ее странах. Его расцвет пришелся на правление Хосроя I, когда Волхвы были представлены в Египте, Сирии, Малой Азии, на Кавказе, а также в Афганистане и Туркестане. Можно понять их исчезновение в странах, недавно завоеванных Персией, но нечто необычайное должно было произойти в самой Персии.

Христианские церкви покоренных государств, напротив, были оставлены в покое. Хорошо известно, что Халиф Омар, после того, как подписал капитуляцию Иерусалима, лично проследил, чтобы ни одна церковь христиан не была осквернена арабами-победителями, и чтобы ни одному христианину не было причинено вреда. Он даже стоял вместе с патриархом в Церкви Воскресения, отдавая почтение Воскресшему Господу Христианской Веры. Его примеру следовали также и другие халифы в течение трех последующих веков, пока приход Турков Сельджуков не ознаменовал собой начало гонений на не-мусульман.

Ассирийская церковь смогла найти общий язык с халифами. Патриарх и епископы пользовались такими привилегиями, какие им и не снились при Сассанидских императорах. Христиане занимали почетные должности – многие были врачами при дворе Предводителя Верных – становились богатыми, хотя и всегда считались низшим классом, по сравнению с "верными". Один из патриархов, известный, как Тимофей Великий, смог даже собрать собор двадцати семи архиепископов и семисот епископов, а также удостоился чести быть в обществе самого Халифа Харун ар-Рашида. Привилегированное положение Христиан, от части, объяснялось их образованием. Неграмотные арабские завоеватели учились у своих христианских подданных. С течением времени, эти привилегии постепенно исчезали, но двум христианским церквям¹⁰, все же, удалось удержать свои позиции.

В то же время, подобная терпимость не была проявлена к Зороастрийцам, в основном, потому, что их религия была религией Персидской империи, и мусульмане опасались бунтов. Однако даже при этом нет никаких свидетельств насильных обращений, убийств или осквернений Зороастрийских храмов. Более того, Зороастрийцы были признаны "Народом Книги", то есть, одним из народов, обладавших письменным откровением, наподобие Торы или Евангелий. Как же, в таком случае, объяснить исчезновение Волхвов?

Конечно, Волхвы не исчезли бесследно. Даже еще в девятом веке были убежденные Зороастрийцы. Они собирали и хранили священные книги, и составляли новые компиляции, такие как *Bundahishn*, *Denkart* и *Shikand Gumanī Vazār*¹¹. Однако эти усилия лишь подтверждают бессилие Волхвов. Все эти книги были написаны лишь, чтобы убедить мусульман в праве Зороастрийцев на терпимость, соответствующую Народу Книги.

Впрочем, это отнюдь не самая странная сторона ситуации. Арабы завоевали, но не колонизировали Персию, как было в случае Ирака. Не прошло и века после смерти Харун ар-Рашида, великого Аббасидского Халифа Багдада, как Персия вновь практически обрела независимость. Во всех предыдущих случаях, с тех пор, как Кир Великий восстановил Персидский Суверенитет в 650 году до Р. Х., Зороастризм всегда был фактором объединения. Сассаниды изгнали парфянских узурпаторов именно во имя Аюры Мазды и

при поддержке Волхвов. То же самое вполне могло произойти и в восьмом веке, когда Персы освободились от арабского ига. Тем не менее, вместо того, чтобы возродить свою древнюю религию, персы, в основной своей массе, приняли Ислам, может быть, изначально, по экономическим и социальным причинам. Они внесли в него множество элементов собственной культуры и, в частности, тенденцию к мистицизму. Последнее обстоятельство, в ряде случаев, давало преимущество Шиизму. Но почему персы решили развивать мистическое направление Ислам, вместо того, чтобы обратиться к собственной древней религии?

Я полагаю, что секрет заключается в роли Сальмана, перса Волхва, который был обращен в Ислам самим Пророком, чьим ближайшим сподвижником он стал после обращения. Если вспомнить в связи с этим о конференции персов, греков и индийцев, созванной Хосроем, то в происходившем явно начинает просматриваться рука Учителей Мудрости. Важное отличие Шиитов от ортодоксальных Суннитских мусульман заключается в том, что последние заостряют свое внимание на Единстве, *wahdat*, Бога, тогда как первые придают большее значение Божественной Любви, *ishq*. В персидской мистической литературе лейтмотивом звучит мысль о том, что человек и Бог объединены узами любви. Читая Коран глазами перса, мы видим, как он начинается возвещением Любви и Милости Бога: *Bismillah ar-Rahman ar-Rahm*, во имя Бога, Милостивого и Сострадающего. Любовь Божья и его исключительная близость к сердцу человека соединены в Исламе с признанием того, что Бог как Дух полностью отличается от всего доступного нашим чувствам и нашему разуму.

Критический момент наступил, когда Арабский Халифат Дамаска, Омеййады, были свергнуты более про-персидски настроенным Халифатом Багдада, Аббасидами. К 750 году, Аббасиды, в лице Абу Муслима, обрели полный контроль над страной и поддержку Волхвов, которые видели в них надежду на возвращение к персидскому правлению. Впрочем, не все Волхвы были согласны с этим. В Нишапуре, Зороастрийский реформатор, Мах Афарид, призывал народ возродить подлинно Зороастрийский дуализм¹². Абу Муслим поддерживал иерархию Волхвов, которые, в свою очередь, принимали активное участие в адаптации Исламского учения к персидскому образу мышления и восприятия.

По-видимому, большинство Волхвов склонилось к принятию Ислама и выражению посредством него того, что невозможно было отразить в Зороастризме, и чего они не нашли в Ассирийском Христианстве. Я имею в виду идею трансформации человека посредством силы любви. Далее мы увидим с вами, что концепция трансформации будет постепенно занимать играть все более значительную роль в нашем исследовании деятельности Учителей Мудрости.

Мусульманские историки упоминают об обращении известного Волхва, но об этом факте ничего не сказано в анналах Ассирийской церкви. На самом деле, были тайные общества, которые открыто причисляли себя к Исламской вере, но в пределах своих общин продолжали следовать древним традициям. Мне лично довелось познакомиться с двумя такими общинами в Персии: с Езидами и Аль-Хакк. Первых называют "дьяволопоклонниками", поскольку они следуют Зороастрийскому дуализму и считают, что сейчас мы живем в Черном Веке, когда Ариман обладает властью над жизнями людей. Аль-Хакк, Люди Истины, образовались как секта более тысячи лет назад, но с десятого века их община реформировалась и обновлялась несколько раз. У меня сложилось исключительно положительное представление об этих общинах. Я побывал в Шэйх Ади, главной святыне Езидов, и отметил много признаков Зороастрийских корней этого учения. Сюда относится почитание всех форм жизни, в особенности, деревьев, а также их священные символы. В поселениях Езидов всегда много деревьев и разного рода

растительности, что выгодно отличается от Мусульманских и Христианских деревень, в которых деревья вырублены, и голые камни окружают возделываемые поля. Езиды строго придерживаются дуалистических представлений о том, что Духи Добра и Зла являются полностью независимыми силами, и не прекратят своего противоборства до конца света. Серебряный павлин, скрытый от всех, кроме священнослужителей, служит символом Духа Истины, а черная змея, появляющаяся при входе во внешний двор, является символом Аримана, Духа Лжи ¹³.

Мое внимание особенно привлек район, простирающийся от Захо, у подножья Курдских высот, до Каринда и Хамадана на юге, и от Мосула и Ниневии до Табриза на севере. Я был уверен, что там долгие века располагался важный центр Учителей Мудрости. В этом районе до сих пор существует много сект и общин, помимо Езидов и Аль-Хакк, а также сохранились еще кое-какие отголоски Ассирийского Христианства. Кроме того, такие места, как Мар Бехмен, судя по многим признакам, более тысячи лет считались "Святыми Местами".

То, о чем я сейчас пишу, представляет собой не более, чем точку зрения, которая не противоречит известным мне фактам, и согласуется с общепринятым мнением, что этот район в течение тысячелетий играл особую роль в эзотерической традиции. Более того, бывшие там люди не раз подтверждали мое мнение о том, что именно в центре того района, в ущелье Равандиз когда-то был Райский Сад, в котором Адам познал тайну добра и зла.

Как уже говорилось, в шестом веке Хосрой Великий созвал конференцию мудрецов. Персидский царь лично курировал этот вопрос, о чем свидетельствует подписанный им договор с Юстинианом о том, чтобы афинским философам был обеспечен беспрепятственный проезд и, в частности, защита от возможных выпадов со стороны христиан. Впрочем, он также пригласил и христиан принять участие в конференции, правда, в основном, в силу их учености, а не духовных достижений. Кроме того, там были и буддисты из Туркестанских Уйгуров. Их называли "Баккши", от санскритского слова Бхикшу, означавшее "член Буддийского Братства". На конференции были представлены Волхвы, как ортодоксальной, так и зерванитской традиции, но эти избранные относились ко внутреннему кругу и стояли в стороне от споров между сектами.

Конференция продолжалась три года, для того, чтобы астрологические данные могли прийти со всего света. Я уже упоминал об ожидании ужасных катастроф, которые вот-вот должны были обрушиться на весь мир. Думаю, что рождение Ислама также было предвидено, и что, по общему мнению, он был главной надеждой на согласование противоборствовавших народов и религий. Давайте теперь перейдем к истории самого Ислама.

Получив откровение на Горе Хира, Мухаммад, вне всяких сомнений, изо всех сил старался достичь согласия между Иудеями, Христианами, Зороастрийцами и арабскими политеистами, на основе простой формулы: "Есть только Один Бог, любящий и милостивый по отношению ко всем своим созданиям". В связи с тем, что Иудеи и Христиане не согласились с такой трактовкой, хотя она и была принята некоторыми Волхвами, посредством перса Сальмана, великая миссия Мухаммада уже на первом этапе потерпела частичную неудачу. Однако пророк не сдался, и его послание было подхвачено непосредственными последователями, Абу Бакром и Омаром, которые сохраняли дух согласия.

К девятому веку, Ислам уже начал приходить в упадок. Багдадский Халифат оказался в зависимости от Турецких Беев, которые стали телохранителями Повелителя Верных. В Испании все еще сохранялась мощная традиция, в итоге, ставшая духовной родиной великого суфия, Абд ар-Рахмана ибн аль-Араби¹⁴, который затем пришел на восток и умер в Дамаске. В Египте Ислам потерял свою жизненную силу при Фатимидских Халифах. Как это ни странно, живая струя Исламской веры перекинулась далеко на север Туркестана, и турки, формально бывшие вассалами Аббасидского Халифата в Багдаде, знали, что некоторые из глубочайших тайн Ислама сохранялись их собственными святыми и мудрецами.

В то время, о котором сейчас идет речь, между Христианством и Исламом в Туркестане сохранялось довольно устойчивое равновесие. В восьмом веке Христианство успешно распространялось в Китае при династии Цин (500 – 900 годы). Сохранившийся до сих пор известный монумент Си-ан изображает приветствие императором Цай "Олопена, первого учителя этой замечательной, таинственной и миролюбивой религии". Император Хсан Цин, в свою очередь, издал декрет, в соответствии с которым, Христианство признавалось одной из государственных религий. Китайскому архиепископу Георгию даже были присвоены знаки отличия одного из высших сословий, Мандаринов. Можно было бы предположить, что Христианство займет преобладающие позиции в странах, которые не находились под непосредственным владычеством арабов.

Тем не менее, этого не происходило. Напротив, западный Туркестан стал одним из наиболее активных центров ислама, даже не смотря на то, что Турки Сельджуки совершали постоянные набеги на юг и на запад, разрушая на своем пути арабские города, и не щадя при этом своих же единоверцев. По моему мнению, центр Учителей Мудрости располагался между Мосулом и Хамаданом, и они посылали своих миссионеров в Туркестан, для того, чтобы подготовить перемещение на север, где им пришлось пробыть последующие пять веков. В то же время, Ислам уже не был живой религией на своей исторической родине. Мекка и Медина были заброшены, и религия страдала от неизбежных последствий стяжания политической власти и материальных богатств мира. Это процесс был особенно опасным для Ислама, если учесть, что и политическая власть, и религиозная власть были сосредоточены в руках халифа.

Только шииты отрицали такой подход. Согласно их представлениям, Халифат ограничился всего "четырьмя Справедливыми Халифами": Абу Бакром, Омаром, Утманом и Али. После убийства Хусейна при Карбале, наступило время "Двенадцати Имамов", последний из которых был скрыт от людей. Таким образом, религиозное лидерство ушло из виду, что позволило сохранить доктрину унижения. В главе 6 мы увидим с вами, как эта доктрина снова заявила о себе во всеуслышанье в учении Ходжагана, первого общества, известного современникам и потомкам, как общества Учителей Мудрости.

1 - trans. G.R.S. Mead; Watkins, 2nd Ed., 1921.

2 - там же, стр. 292-3. Прим.ред. оригинала: курсив добавлен Беннеттом.

3 - Основоположником аскетической жизни был Св. Антоний, безграмотный египетский крестьянин, который прожил сто пять лет, заслужив при жизни почитание со стороны всего Христианского мира. Императоры посылали к нему за советом, спрашивая, начинать им войну или нет. После длительных и тяжелейших

испытаний среди могильников, святой, наконец, поселился недалеко от Красного моря. Прежде, чем он умер, более пяти тысяч отшельников и монахов последовали его примеру.

4 - Пахомий, бывший одним из основателей иноческой жизни, то есть жизни в сообществе монахов или монахинь, принесших обет безбрачия и бедности, особенно настаивал на важности послушания и молитвы. В этом случае, энергия концентрировалась, но ее было недостаточно для принесения Любви в человеческую природу.

5 - См. Дж. Г. Беннетт, Гурджиев – сотворение Нового Мира, *Santa Fe: Bennett Books, 1993, p.171*. Примечание переводчика: английские термины *voluntary* и *intentional* являются почти абсолютными синонимами. Переводчик предложил русские эквиваленты, в соответствии со своим пониманием дальнейших мыслей.

6 - См. Матфей. "Не судите и не судимы будете ..."; кроме того, его цитата из Исаии: "Он не будет бороться, не будет кричать, и его голоса не будет слышно на улице"; и, прежде всего: "Не противьтесь злу".

7 - Я использовал книгу Гиббона, *Decline and Fall*, глава 4; описания приводятся согласно Сократу и Баронию, двум современникам, старавшимся представить Кирилла с благоприятной стороны.

8 - Прим.ред. оригинала: Собрание философов Хосросом является проверенным историческим фактом. В то же время, о конференции Беннетт написал, опираясь на собственные сведения. Рудольф Штайнер также приписывал этому собранию большую важность; см. *The Redemption of Thinking* (Спасение мысли).

9 - Ее предыдущие появления, в 1767, 1193, 618 и 44 годах до Р. Х., судя по сохранившимся записям, были связаны с великими историческими событиями, такими как основание Персидской Империи и убийство Юлия Цезаря. Мнение Варро, утверждавшего, что в 1767 году до Р. Х. Венера изменила свой цвет, размер и даже траекторию вращения, было проверено Великовским, который считает, что тогда произошла колоссальная катастрофа в масштабах всей солнечной системы.

10 - Одна из них была, так называемой Несторианской, или Ассирийской церковью, согласно учению которой, Сын ниже Отца по своему уровню, а другая церковь придерживалась Монофизитской точки зрения, в соответствии с которой, у Христа была только божественная природа.

11 -см. R. C. Zaehner, *The Teachings of the Magi*, London 1956; *Zurvan, A Zoroastrian Dilemma*, Oxford, 1955; *The Dawn And Twilight of Zoroastrianism*, Oxford, 1961.

12 - см. W. Barthold, *Turkestan down to the Mongol Conquest*, London 1958, p. 194.

13 - См. Дж. Г. Беннетт, Свидетель.

14 - Ибн аль-Араби вообще родился в Испании, араб. Андалузии (прим. ред.)

ГЛАВА 6. ВОЗВРАЩЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ

Седьмой век, в течение которого потерпели крах Персидская и Византийская империи, стал для Европы началом Темных Веков, когда вызванное чумой опустошение, усугублялось волнообразными набегами Готов и Гуннов. На этом мрачном фоне, христианское монашеское движение было возрождено и обновлено Св. Бенедиктом и его последователями. Мне не известны доказательства того, что отец европейского монашества был когда-либо лично связан со школами мудрости. Тем не менее, вне всяких сомнений, он гораздо глубже проник в значение Христианства, чем церковные лидеры. Он понимал неразделимость бедности, унижения и любви, и основал систему, которая направляла на путь истинный сотни тысяч людей во всем мире, вплоть до сегодняшнего дня. В монастырях завоевателей обращали в Католическую веру, а также учили читать и писать на латыни. Монахи возобновляли земледелие на заброшенных территориях и содействовали путешествовавшим, предоставляя относительно надежное укрытие от разбойничьих банд, наводнявших Европу.

Моя основная задача в этой главе будет состоять в воспроизведении истории Учителей Мудрости Центральной Азии, для чего нам придется возвратиться к Персидским событиям. Арабы всегда глубоко уважали Сассанидских правителей Персии. Так, великая эпическая поэма Фирдоуси, Шах-наме, повествует о подвигах Хосроя, Нуширвана и других правителей до-Исламского периода. Аббасидские Халифы строили свою административную систему по модели Сассанидской, а представители знаменитой династии Великих Визирей, Бармакидов, даже считали себя прямыми последователями великих Волхвов, бывших советниками у Персидских монархов. В то время, как христиане реализовывали свой талант в сфере профессионального мастерства, как преподаватели и врачи, Волхвы начали занимать весьма ответственные государственные должности, благодаря тому уважению, которое проявляли халифы и их подчиненные к административной системе Сассанидов. Это же уважение привело к реставрации системы сатрапов, в соответствии с которой, удаленные от центра районы сохраняли высокую степень автономии, до тех пор, пока надежно оберегали границы и платили дань халифу. Недостаток такой системы заключается в чрезмерной зависимости от престижа и военной мощи правителя и его армии. Как только центр ослабевает, местные власти снимают с себя бремя вассалов и обычно перестают заботиться о должной охране границ. Это произошло с Ахеменидами и Сассанидами, и повторилось, когда великих Аббасидских Халифов сменили слабые правители, в добавок, лишившиеся Бармакидов, которые создали эту административную систему и контролировали успешность ее функционирования.

Я должен здесь сделать отступление и описать район, в котором суждено было появиться Учителям Мудрости. С незапамятных времен, то есть, с тех пор, как произошло великое переселение, о котором говорилось во второй главе, кочевники и оседлые поселенцы были отделены друг от друга двумя большими реками, текущими на восток и на запад. Греки называли их Оксусом и Яксартом, а в то время, о котором сейчас идет речь, они были известны, как Сырдарья и Амударья. Реки берут начало в мощных горных массивах Тибета, Алтая и Хинду-Куша. Оксус раньше впадал в Каспийское море, в семистах километрах на запад. Теперь, обе реки впадают в Аральское море, орошая на своем пути бескрайние равнины и долины Туркестана. Амударья известна в Центральной Азии, как "Река", an-Nahr, а территория к северу от реки называется "заречьем", Ma wara an-Nahr. Персия располагалась к югу от реки, а Туркестан – севернее. Тысячелетиями река служила

границей, преграждавшей кочевникам путь на юг, за исключением тех случаев, когда появлялся отважный лидер, поднимавший их на авантюрные набеги и грабежи.

В восьмом веке, после завоевания Персии, арабы могли проникнуть далеко на север и восток, и был даже определенный момент, когда они, в принципе, могли даже предпринять поход на Китай. Однако к девятому веку ситуация стала диаметрально противоположной. Персы вновь обрели независимость, а Турецкие государства Трансоксании открыто враждовали с халифом. Туркестан, в итоге, стал Исламской территорией, хотя независимой от арабов или персов. Не смотря на войны, и в том числе гражданские, а также конфликт между Багдадом и Бухарой, Туркестан сохранял свое значение, отчасти, в силу своих природных богатств, и, кроме того, как связующее звено между Китаем, Индией, Персией и Римской империей.

Хотя Ислам был преобладающей религией, позиции Ассирийской Церкви все еще оставались прочными. Христианство укрепило свои позиции в Китае и было, некоторым образом, связано с Буддизмом, по крайней мере, по мнению правителей Китая и Туркестана. В Балхе и других городах восточного Туркестана процветали буддийские монастыри. Севернее, кочевые племена Тюрков и Монголов придерживались традиции Великого Духа и руководства шаманов. В то же время, Зороастризм вовсе не прекратил своего существования в качестве религии, и различные Исламские источники упоминают о храмах "огнепоклонников". Таким образом, Туркестан был местом пересечения многих традиций и национальностей. Вместе с тем, ему также угрожала колоссальная волна захватнических войн, которой предстояло за два века разрушить старый мир и ознаменовать начало нового цикла, хотя тогда об этом могли знать лишь очень немногие.

В этих условиях, Учителя Мудрости предприняли ряд неординарных шагов, о значении которых речь пойдет в настоящей и в следующей главе. Задача заключалась в демонстрации силы смирения и слабости, что должно было снова вернуть человечество к любви. Для начала, давайте определим разницу между Суфизмом, как его обычно понимают, и традицией Учителей, которых часто называют Суфиями. Вероятно, следует также отличать суфиев Аравии, Месопотамии, Сирии, Африки и Испании, то есть, "южных суфиев", от суфиев Персии, Туркестана, Афганистана и Кавказа, или, "северных суфиев". Суфии Турции занимали промежуточное положение, разделяя определенные представления и тех, и других. Родиной южных суфиев были, в основном, страны, ранее бывшие христианскими, и они приняли христианскую концепцию Бога, как любви, а также считали единение с Богом в любви высшей целью духовного пути. В этом, безусловно, их представления совпадали с позицией христианских святых. Северные суфии, в свою очередь, понимали положение человечества гораздо глубже, и знали, что тайна любви заключается в смерти человеческой самости, в результате унижения и самоотречения. В этом смысле, они были ближе к Ассирийским христианам, которые считали смерть со Христом обязательным условием воскресения. Кроме того, в доктрине опустошения (аннигиляции), *ma'w wa fana*, была отражена концепция пустоты, фигурирующая в Буддизме и Зороастризме. Северные суфии даже использовали термин *итлак*, освобождение, из буддийской идеи Архата, освобожденного человека.

Эти мысли уже проповедовались такими исламскими учителями из Багдада, как Баязид Бистами и Юнаид, еще до десятого века. Однако это делалось в рамках ортодоксальной традиции, согласно которой, спасение было гарантировано всем принявшим веру в Единство Бога и пророческий статус Мухаммада, что не требовало каких-либо дополнительных усилий, помимо исполнения религиозных обрядов, и следования моральным принципам Корана.

Хотя среди южных суфиев были великие святые, у них не было того истинного учения, которое я назвал великим нововведением Ходжагана. Конечно, идея трансформации была известна Учителям задолго до этого, но раньше она была эзотерической и раскрывалась только посвященным в тайны особого пути. Ранние христиане понимали необходимость в трансформации, и знали, что следует понимать под смертью со Христом и новым рождением. Тем не менее, это знание было потеряно, когда церковь стала активно насаждать в умах людей ортодоксальные представления и требовать от них исполнения определенных правил.

Десятый век стал для Центральной Азии периодом относительного затишья и процветания. В основном, это было результатом мудрого правления Саманидской династии, в подчинении которой находился район от Ферганы до Балха на востоке, и от Мерва до Хивы на западе. К тому времени, Самарканд начал обретать известность как культурный центр, о котором вскоре узнал весь мир. Самаркандские производители бумаги научились своему ремеслу от китайцев, с которыми велась активная торговля. Однако они разработали собственную технологию, которая позже стала применяться в Европе. Кроме того, по-видимому при Саманидах уголь впервые был использован для плавки железа, на восемьсот лет раньше, чем это стали делать в Англии. Производство шелка и хлопка было заимствовано Индией и Китаем у Каира и Багдада. Саманиды правили в соответствии с принципом, что слава монарха заключается в повышении благосостояния своего народа, сооружении дорог и мостов, а также прекрасных мечетей и школ в каждом городе. Впрочем, я должен упомянуть также и о трудностях: велись гражданские войны, войны за право наследования престола, нужно было постоянно остерегаться набегов турецких кочевников с северной стороны Сырдарьи, и даже иногда возникала опасность китайского нападения. Тем не менее, в сравнении с другими периодами, столетие правления Саманидов в Туркестане осталось в памяти народа как время всеобщего благосостояния. В то же время, Саманиды были ортодоксальными мусульманами, и питали глубокое уважение к местному священству. Последнее было враждебно настроено по отношению к проповедовавшим новые идеи учителям, которые становились все более популярным среди народа. Одним из этих учителей был великий философ Ибн Сина, больше известный в Европе под именем Авиценна. Когда Турки Сельджуки стали набирать силу, и Саманидская династия потерпела крах, Турецкие Ханы, хотя и были набожными Мусульманами, всерьез заинтересовались идеями трансформации. В связи с этим, существует история о встрече Турецкого Шейха Абу Саида ¹ с Авиценной, по окончании которой Шейх сказал: "Он знает то, что я вижу". Философ, в свою очередь сказал о своем собеседнике: "Он видит то, что я знаю". Кроме того, есть много историй о смиренности великого Тамгаш-Хана Ибрагима. Однажды, проповедник Абу Шуйа, последователь Али, сказал в своей проповеди перед Ханом: "Ты не достоин быть правителем". Тогда, Хан закрыл двери своего дворца и решил отречься от престола, но жители Бухары настолько любили его, что не хотели уходить от дворца, пока он не принял их заверения в том, что проповедник ошибся.

Эти истории свидетельствуют о том, что учение любви и унижения уже начинало распространяться в Туркестане. Тогда же появился первый Учитель Мудрости. Это был Абу Йакуб Ходжа Йусуф из Хамадана. Йусуф родился в 1048 году и умер в 1143 году, в возрасте девяноста пяти лет ². На момент его рождения, Хамадан находился во власти Сельджукского правителя Тугрула, который правил Персией к югу от Амударьи и даже завоевал Армению. Как раз в год рождения Йусуфа, Сельджуки выиграли решающую битву при Дандакане, в результате чего с властью Газнавидов к югу от реки было навсегда покончено. Тугрул был провозглашен Эмиром Хорасана. Так начиналось владычество Сельджуков, которое продолжалось в течение трех веков, постепенно перемещаясь на запад, к Малой Азии. Я упоминаю здесь это историческое событие, поскольку оно

объясняет связь Йусуфа с древним центром Учителей Мудрости, к северу от Мосула. Третий из преемников Йусуфа написал в его биографии³ о связи Учителя с Христианством и Волхвами, а также с "учителями других религий".

Будучи довольно молодым, в возрасте тридцати пяти лет, Йусуф уже считался учителем, и первым удостоился титула "Ходжа"⁴, который при Сассанидских правителях присваивался Визирю, первому советнику монарха. Со времен Йусуфа, Ходжаган редко принимал участие в государственных делах, хотя и оказывал глубокое влияние на правителей и народ. Биограф описывает Йусуфа, как высокого стройного человека с тонкими чертами лица и золотистыми волосами. Он был рябым, но всегда веселым и улыбающимся. Одеждой Йусуфу служила заплатанная шерстяная накидка.

К 1080 году у Йусуфа уже была группа учеников, с которыми он переселился из Хамадана в Бухару, в пятистах милях на северо-восток от Амударьи. В то время Туркестаном, где было много неортодоксальных учителей, правили Караханиды, отличавшиеся большой набожностью. Султан Шамс аль-Мулк, также как и его отец, славился своей справедливостью. Он придерживался кочевнических порядков своих предков, и появлялся в Бухаре только зимой. Тем не менее, его усилиями было воздвигнуто много прекрасных зданий, включая кафедральную мечеть Бухары. Однако он не слишком ладил с ортодоксальным священством, поскольку поддерживал неортодоксальных учителей. Вне всяких сомнений это было лишним поводом для Йусуфа, чтобы предпринять далекое путешествие в страну, языка которой он не знал. Он всегда учил на персидском, хотя большинство его учеников составляли турки.

Из Хамадана в Бухару с Йусуфом отправилось одиннадцать человек. Среди них был первый Турецкий Учитель, Ахмад Ясави, и другие люди, позднее имевшие большое влияние на обширной территории от Китая до Константинополя. Биограф утверждает, что Йусуф унаследовал чалму и посох, аса, Сальмана Перса, которые были переданы ему Имамом Зэйном аль-Абидином, учеником Хусейна, бывшим, в свою очередь, внуком Пророка, убитым в Карбале. Драгоценные реликвии затем перешли к Имамам Мухаммаду Бакиру, Джафару ас-Садику, Советнику Харун ар-Рашида, Баязиду Бистами, великому Багдадскому суфию и затем к Абу Хасану из Харакана. От Абу Хасана учение было передано Шейху Абу Али Фармади, который, в свою очередь, был учителем Йусуфа и его связующим звеном с Учителями Мудрости, остававшимися за кулисами в Хорасане.

Таким образом, Йусуф поселился в Бухаре, где в течение шестидесяти лет был Великим Учителем. До последних лет своей жизни он держался в стороне от общественных дел, и избегал контактов с правящими классами. Среди последних были военные лидеры, крупные землевладельцы, богатые торговцы международного уровня, а также ортодоксальное мусульманское священство. Все деньги, которые оказывались в распоряжении Йусуфа, тратились на бедных, так как он не принимал подарков лично для себя. Он был внимателен ко всем, и испытывал глубокое сострадание к попадавшим в беду. Йусуф постоянно цитировал Коран и использовал для этого любую возможность. Биограф повествует также, что он часто становился лицом к далекому Хамадану, и слезы текли по его щекам.

Его отношение к религиозной ортодоксальности было очень простым. Он говорил своим ученикам, что религия – это таинство, которое невозможно объяснить, и что не имеет смысла попусту тратить время на теологические изыскания. Ум человека неспособен постичь эту тайну, и вовсе не был предназначен для того, чтобы пытаться сделать это.

Йусуф беспристрастно относился ко всем религиям; его любовь имела универсальный характер, и ощущалась всеми, кто приходил к нему. Волхвы, все еще остававшиеся в Бухаре того времени, регулярно навещали его. Йусуф говорил: "Все люди знают, что любовь – это Высшая Сила, которая объединяет человека с Богом. Но любить может лишь тот, кто освободился от себя". Освобождение от себя в этой традиции называлось итлак. В отношении Бога часто использовался термин Хакк, Истина, что практически однозначно указывает на связь с концепцией Аюры Мазды, Духа Истины. Найти Бога, значит найти Истину, тажик. Этот термин является практически полным синонимом слова итлак. Я, в свою очередь, подразумеваю под "трансформацией" освобождение человека от себя и обретение Истины.

Члены Ходжагана, в особенности, настаивали на важности методики. Ищущему нужен тот, кто может показать ему путь. Это называется иршад, а показывающий путь – муршид. Важное различие между Учителями и южными суфиями заключается в отношениях между учителями и учениками. Возможно, на южных суфиев оказала влияние индийская идея гуру, а также жесткое требование послушания старших в христианских монастырях. Шейх брал на себя полную ответственность за духовное состояние своего мурида (послушника), который, со своей стороны, отрекался от всего своего имущества, и старался как можно прилежнее следовать образу жизни своего шейха. Отказ от себя достигался посредством подчинения и послушания. Это получило название *fana fi'l-shaikh*, или отказ от себя во имя учителя. По достижении этой стадии, следовало *fana fi'l-rasul*, или отречение от себя во имя Пророка Бога, и, в итоге, *fana fillah*, или отречение во имя Бога⁵. Учителя Мудрости полностью отвергали этот путь. Они не позволяли своим ученикам поклоняться себе, и настаивали на том, что Мухаммад отвергал любые притязания на то, что он сам был путем к Богу для других людей.

Во времена Учителей, духовная жизнь Центральной Азии отличалась необычайной свободой. Снова и снова, Учителя показывали своим собственным примером, что следует с уважением относиться ко всем путям и учениям, поскольку в каждом из них можно найти нечто полезное для себя. Мне довелось изучить историю духовных исканий многих времен и частей света, и всегда, всегда я находил указания на межрелигиозные споры, сектантство, а также отвержение и гонения на еретиков. Каждый учитель или духовный лидер настаивает на превосходстве своего пути, и его последователи считают своим долгом всячески превозносить своего учителя, унижая при этом других. В то же время, история Ходжагана уникальна в том смысле, что в ней нет признаков каких-либо подобных споров или соперничества. Это, более чем что-либо еще, подвигло меня к изучению жизни Учителей и написанию настоящей книги. Я по своему опыту знаю, что по-настоящему великие учителя, признают соперничество и обособление недуховными тенденциями. Только наша низшая природа, та самолюбивая природа, от которой мы пытаемся освободиться, шепчет нам: "Я прав, а если ты не согласен со мной, то ты ошибаешься".

Члены Ходжагана считались правоверными мусульманами, исполнявшими свои религиозные обязанности, и почитавшими Коран как откровение Бога. Тем не менее, они не следовали предписаниям ортодоксальных теологов Аббасидского Халифата, на которых, в свою очередь, оказала глубокое влияние философия Аристотеля. Аббасидские теологи разработали рационалистическую традицию, полностью противоположную идее трансформации. Следует, в связи с этим, отметить, что влияние Греческой философии, ставшее настолько могущественным по окончании Темных Веков, косвенно обязано своим происхождением Исламу, в частности, Испанскому и Омейядского Халифата. Я всегда чувствовал, что основной причиной, по которой Учителям Мудрости пришлось покинуть территорию от Испании до Византии и Багдада, и даже Индию, заключалась в

том, что греческий рационализм полностью отвергает необходимость в трансформации. Центральная Азия, включая Персию, никогда особенно не была расположена к рационалистическим предрассудкам, и поэтому была плодородной почвой для новых семян.

Однако мы должны вернуться к истории Йусуфа из Хамадана. Как и все остальные Учителя, он обеспечивал свою семью собственным трудом. Он никогда не принимал даров от своих богатых приверженцев. Есть очень показательная история, связанная с одним из его ближайших учеников и наследников второго поколения – Khalifa или Халифом – Хваджей Хасаном Андаки, который был одним из одиннадцати людей, переехавших с ним из Хамадана в Бухару. После того, как Хасана посвятили в Метод, он настолько безудержно отдался ему, что по прошествии недолгого времени, стал пренебрегать своими основными обязанностями и перестал обеспечивать своих жен и детей. Однажды Ходжа Йусуф сказал ему по этому поводу: "Ты погрузился в скверное состояние праздных мечтаний. Мы все обязаны заботиться о своем телесном существовании, и тех, кто от нас зависит". Хасан ответил: "Я знаю об этом, но в своем нынешнем состоянии, сколько бы я ни пытался работать, я не могу ничего сделать". Той же ночью, у Хваджи Йусуфа было видения, в котором голос Бога сказал ему: "О, Йусуф, я дал тебе глаз мудрости и глаз сердца". После этого, Йусуф приблизил к себе Хасана, и следил, чтобы на него не возлагали никаких земных заданий.

Давайте попытаемся представить себе Бухару того времени. Сельджукский Султан Санджар властвовал над всеми странами к северу и к югу от Амударьи. В течение двадцати одного года, с 1109 по 1130, Бухарой правил Арслан Хан, глава дома Караханов. За годы своего правления, ему удалось украсить Бухару множеством прекрасных сооружений, а также собрать при своем дворе поэтов и ученых. Благодаря известности Багдада, правители, желавшие продемонстрировать свою независимость от приходившего в упадок Халифата, выставляли напоказ свою либеральность и свободу, предоставленную учителям различных религий и культов. Нашлось место для Буддийских храмов, Христианских церквей, и даже Волхвы продолжали следовать своему древнему Зороастризму.

Сельджуки располагали большей силой на западе и на юге, и их Султан Санджар был большим почитателем Йусуфа и его школы. Он уговаривал его прислать учителей в Хорасан и даже в Мосул. В 1114 году, Султан Санджар послал значительную сумму в золотых монетах с Квазимом Джахри, чтобы Йусуф мог переехать из Бухары в Мерв, создать там школу и построить жилой район для большого количества дервишей, приехавших к нему на учение. Йусуф переехал в Мерв и прожил там остаток жизни, хотя и много путешествовал. В 1121 году, в возрасте семидесяти двух лет, он приехал в Багдад и прочел несколько лекций в Теологической Академии. Известный теолог, Ибн ас-Сака, заподозрил его в неортодоксальности. В ответ, Йусуф сказал: "Сядь, от тебя исходит дух неверности. Я вижу, что не умрешь, не предав религию Ислама". Этому пророчеству суждено было сбыться. По прошествии недолгого времени, Ибн ас-Сака отправился в Константинополь с Византийским послом и, с целью жениться на дочери императора, принял Христианство.

Влияние Хваджи Йусуфа распространилось от Месопотамии до восточного Туркестана. Одиннадцать его учеников прочно основали среди народа традицию Учителей, в то время как ортодоксальное священство, по большей части, оставалось в стороне. Хотя Йусуф и его ученики были убежденными мусульманами, и никогда не подвергали сомнению божественное происхождение Корана, их трактовка была серьезным ударом по самодовольству тех, кто придерживался удобного рационализма Аббасидских теологов.

Я постараюсь как можно понятнее разъяснить это, поскольку речь идет о самой основе мудрости Ходжагана. Они использовали различные выдержки из Корана для того, чтобы показать, что человек спит, и что может проспать так всю жизни, не проснувшись даже после смерти. Известная фраза "муту каблан тамуту", "умри, прежде чем умереть", была интерпретирована следующим образом: Если ты не умрешь для себя, прежде чем умереть для своего тела, то не пробудишься от своих иллюзий и унесешь их с собой за порог смерти. Согласно ортодоксальным представлениям, реальность делится на два мира, "настоящее" и "будущее". Мир будущего вечен, и для истинно верующих представляет собой состояние вечной благодати, которое отличается от обычного мира только отсутствием зла, страданий и смерти. Злых людей ждет наказание, но не вечное, поскольку Аллах милостив, и желает, чтобы все его люди наслаждались Раем. Такие простые представления вполне удовлетворяли безграмотных арабов, и с тем дополнением, что даже самый горький грешник, умерев в войне с неверными попадает прямо в Рай, это учение пронесло победоносный флаг Ислама от Испании до Индии. Аббасидские Халифы с их Персидскими корнями и склонностью к греческой философии, были слишком изощренными, чтобы принять эту доктрину двух миров в ее изначальной форме. При Халифе Мамуне, Мутазилитские теологи, предложившие рационалистическое и "приземленное" толкование Корана, достигли значительного могущества, что, в конце концов, подорвало саму основу веры, и привело к краху Аббасидского Халифата. Оппозицию рационалистам составляли более мистически настроенные учителя, такие как великий Баязид Бистами, проповедовавший и рассказывающий о более интеллектуальном рае тем, кто был способен понять тайну Объединения с Аллахом. Так зародился южный Суфизм, но его приверженцы, не понимали, что продолжают трудиться в мире сновидений. Учителя, в свою очередь, начали с того, что заговорили о возможности выхода "за рамки рая" и проникновения в Мир Истины. Однако это было возможно только для людей, пробудившихся и освободившихся от эгоизма, то есть источника всех иллюзий. Таким образом, появился новый критерий деления: часть людей была удовлетворена перспективой остаться в спящем состоянии, тогда как другие старались пробудиться и найти Истину. Отождествляя Истину, Хакк, с Богом, Аллахом, Ходжаган мог претендовать на полное соответствие Корану. От ортодоксального священства члены Ходжагана отличались тем, что настаивали на недостаточности следования религиозному уставу для достижения Истины.

Если поставить знак равенства между Миром Истины и Царством Божьим, о котором учили Иоанн Креститель и Христос, то мы можем применить в отношении Учителей фразу из Нагорной Проповеди: "Если ваша праведность не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы ней войдете в Царство Небесное". Кроме того, авторитетные личности того времени приписывали Ходжагану обладание особыми духовными силами, Карамат. Хваджи могли предсказывать будущее, исцелять больных, общаться между собой на расстоянии, а также передавать свои способности посвященным ученикам. Их влияние на султанов и ханов было обусловлено не только всенародным почитанием, но также и тем, что все считали их необычными людьми.

Методики дыхания всегда считались в Азии средством развития особых способностей. Индийские йоги практиковали их задолго до появления Учителей в Центральной Азии, хотя между их методиками были важные различия. Уйгурские бхикшу, вне всяких сомнений, практиковали буддийскую медитацию, в которой использовались священные слова, а Учителя Мудрости, в свою очередь, практиковали зикр, то есть повторение имен Бога, или слов хвалы и благодарности. Учителя, кроме того, постились, так как Пророк считал пост лучшим способом очищения. Упражнения различных Учителей отличались друг от друга, но три основных техники, контроль дыхания, повторение и пост всегда оставались одними и теми же. Все они связаны с трансформацией энергии. Конечно же,

сами по себе, они не ведут к смерти эго, то есть, к фана, основе трансформации. О методах достижения фана мы будем говорить с вами по ходу более пристального изучения деятельности Учителей, основываясь на многочисленных книгах, написанных учениками.

Насколько я могу судить, Йусуф Хамадани замечателен, прежде всего, не своим новаторством, а тем, что был избран внутренним кругом Учителей в силу своих необычайных духовных качеств. Помимо всего прочего, он был очень хорошим человеком, смиренным и непритязательным, питавшим беспредельную любовь к своим ближним. Пусть даже его последователям удалось достичь более высоких стадий трансформации, Йусуф сыграл уникальную роль в истории Учителей Мудрости. Он жил открыто, так чтобы его могли видеть и слышать обычные люди. Он не занимал никаких постов в государственной иерархии, не был верховным волхвом, христианским патриархом, как Тимофей великий, или одним из великих мусульманских факихов, теологов, занимавших очень высокие посты при дворе. Даже в последние десять лет своей жизни в Мерве, когда его школа была известна во всей Персии и Туркестане, а ученики стекались из Египта, и даже Испании, Йусуф продолжал жить, как бедный человек. Он зарабатывал собственными руками, и не позволял своим ученикам поклоняться себе, что было характерно для всех остальных учителей. До самой смерти, он практиковал духовные упражнения. Говорили, что его контроль над дыханием был настолько изнурительным, что его тело покрывалось потом. Как и многие другие, Йусуф посвятил свою долгую жизнь зикру и хабс-и-нафас, контролю дыхания, и использовал на это невероятные количества энергии..

Несколько великих братств дервишей, доживших до наших дней, считают, что у их истоков стоял Ходжа Йусуф. В 1205 году, Шейх Авхад ад-дин из Кимрана передал свой метод Ибн аль-Араби из Дамаска. Тем не менее, методика Учителей не нашла на Западе такого же признания, как и в Центральной Азии. Здесь особую роль сыграл Ходжа Ахмад Ясави. Его родиной был Ясы, более известный как Ташкент, названный так после татаро-монгольского нашествия. Ахмада считают отцом турецкой духовности. Он прожил 120 лет и умер в Ташкенте в 1166 году. Рашахат айн аль-Хаят ⁶ повествует о том, что Ходжа Ахмад был одарен великими духовными способностями исцеления и пророчествования. В молодости он учился алхимии у известного алхимика и мага, Бабы Арслана. В свою очередь, Бабе Арслану, в видении, Пророк велел лично обучить Ахмада и передать ему все свои секреты. Ахмад оставался с Бабой вплоть до его смерти. Почувствовав приближение своей кончины, Баба Арслан посоветовал Ахмаду поехать в Бухару и продолжить свое обучение у Хваджи Йусуфа из Хамадана. Его трансформация была завершена, и он стал первым Хваджой, обученным в Туркестане, поскольку остальные одиннадцать человек приехали с Йусуфом из Хамадана.

Шейх Ибрагим, отец Хваджи Ахмада, был одним из духовных лидеров Китайского Туркестана, а его мать, Айша Хатун, была дочерью одного из посвященных его отцом людей. Отец и мать умерли, когда Ахмаду было семь лет, и он воспитывался своей сестрой Джахвар Шахназ Хатун. Отец Ахмада предрек ему быть "Шейхом Шейхов, Кутубом Туркестана".

Вскоре после своего окончательного посвящения, Ахмад вернулся в Ташкент, и открыл школу с преподаванием пути Учителей на Турецком языке. Он отличался от других посвященных Йусуфом Хамадани своим интересом к музыке и священному танцу. В течение долгих веков Ташкент был центром традиции сама, гораздо более древней, чем Ислам. Ахмад поддерживал дружеские отношения с Буддийскими монахами, и делился с ними секретами Учителей.

Йусуф Хамадани хотел, чтобы после его смерти Ахмад Ясави продолжил его дело, но не хотел отрывать Ахмада от его изумительной работы на востоке. Поэтому, дело Йусуфа продолжил святой Ходжа Хасан Андаки, который поражал своих учеников своей смиренной жизнью, открывшей ему тайны, непостижимые для обычного человека. Он вел аскетический образ жизни, но не призывал своих учеников следовать этому пути. Хасан, в свое время, сопровождал Хваджу Йусуфа в поездке в Багдад. Он умер в 1059 году, в возрасте девяноста лет, и никто не решался возложить на себя его обязанности. В конце концов, все Учителя решил просить Ахмада Ясави приехать в Бухару, куда переместились из Мерва оставшиеся ученики. Ахмад пробыл в Бухаре три года, после чего передал лидерство одному из величайших Учителей, Хвадже Абд аль-Халику Гудждувани, и возвратился в Ташкент, где и прожил остаток жизни.

Рашахат повествует, что в возрасте шестидесяти трех лет Ясави решил отказаться от всего своего имущества и переселиться в келью, которую он построил своими собственными руками. Он продолжал учить в течение пятидесяти лет, сосредотачивая основное внимание на трансформации через самодисциплину и унижение. Он остался в памяти людей, как человек, источавший любовь и способный творить чудеса. Через триста лет после смерти Ахмада, великий завоеватель, Тамерлан, ввел особое поклонение Хвадже Ахмаду после видения у его могилы в Ташкенте, в котором ему явился Учитель. В своей автобиографии, Тамерлан утверждает, что Учитель явился ему и повелел выучить наизусть стихотворение из его сборника, добавив: "В трудную минуту, мушkil, вспомни это стихотворение".

Shebiyelda Shemi shebistan itgan
Bir lakzada alem ni gulistan itgan
Bes mushkil isim tushupdir asan itgil
Ey barche ni muskilumi asan itgan

В самую долгую ночь зажги свечу в темноте
Она вспыхнет и превратит мир в розовый сад
Какой бы трудной ни была задача, будь настойчив и победишь
Галера служит гребцам путеводной звездой

Много лет спустя, когда во время жесточайшей битвы с армией турецкого Султана Баязида Громовержца кавалерия Тамерлана бросилась в атаку, он семьдесят раз повторил эти строки, и решающее сражение было выиграно.

Ходжа Ахмад следовал правилу вех Учителей и никогда не принимал личных подарков. Он зарабатывал себе на жизнь вытачиванием деревянных ложек. Легенда повествует о том, что он обычно клал ложки в корзину, навьюченную на его осла. Осел ходил по улицам, и если кто-нибудь брал ложку, то он не отходил, пока в корзинку не положат деньги за покупку. Вечером осел возвращался к хозяину, и Ахмад брал из корзинки деньги на пропитание.

Несмотря на уединенную жизнь, Ахмад Ясави имел колоссальное влияние во всем Туркестане⁷. Ходжаган должен был поддерживать равновесие между четырьмя сословиями: правителями (тогда, династией Шахов Хорезма), турецкой наемной армией, ортодоксальным мусульманским священством и основной частью населения, земледельцами и купцами. Йусуф Хамадани давал очень простой совет: "Будь лояльным к власти, и одинаково веди себя по отношению ко всем четырем сословиям. Если все будут знать, что ты говоришь только правду, никто тебя не тронет". Только один из шейхов был убит, Маджад ад-дин, молодой шейх, ученик великого Наджама ад-дина Кубра,

основателя одного из великих орденов дервишей. При этом следует отметить, что Наджам ад-дин Кубра, хотя и являлся учеником Йусуфа Хамадани, так и не был принят в круг Учителей Мудрости, то есть, в Ходжаган. Никогда за четыреста лет Учителя не компрометировали свою полную независимость от всех группировок и личностей. Секрет их успеха заключался в настойчивом уклонении от различных сулящих богатство постов, и практике унижения. Все летописи сходятся на том, что влияние Учителей было основано на любви, которую они изливали на всех общавшихся с ними. Даже ортодоксальное священство, поневоле завидовавшее им и возмущавшееся неуважением к схоластике и теологическим диспутам, очень редко открыто выступали против Ходжагана.

Несколько весьма важных орденов дервишей считают своим основателем Ахмада Ясави. Его четвертый преемник, Хаким Ата, был приглашен на Запад, и его школа создала свое отделение на Каспийском побережье, среди поволжских турков. Эта школа существовала на Кавказе вплоть до конца девятнадцатого века. Я уже говорил о влиянии Учителей в Китае, и зарождении Дзена. Кроме того, основные школы Ахмада Ясави в Ташкенте и Заравшане должны представлять особенный интерес для сторонников идей Гурджиева, поскольку именно там сохранялись знания о вибрациях, которые отражались в танцах и музыке, а также в священном ритуале, унаследованном от Волхвов. Именно эти знания отличали Ясавитов от основной традиции, которая, как я уже говорил, рекомендовала контроль над дыханием, зикр и пост, наряду с получением практических навыков для достижения второй стадии освобождения, то есть, свободы от действующих в физическом теле сил.

Четвертый и величайший преемник Йусуфа Хамадани, Ходжа аль-Халик Гудждувани, принадлежал к основной традиции. В Рашахате он назван "Великим Учителем центральной группы Учителей, и главным хранителем Традиции". Он был величайшим Учителем двенадцатого века. Его влияние распространялось на весь Туркестан и за его пределы. Он был одним из одиннадцати учеников, пришедших с Йусуфом в Бухару. В конце двенадцатого века Туркестан и Персия пребывали в беспокойном состоянии. Благоденствие десятого и одиннадцатого веков было подорвано борьбой за власть между династией Шахов Хорезма из западного Туркестана, и немусульманским домом Кара Хитай из восточного. Сама по себе такая ситуация не предвещала древней персидской культуре ничего благоприятного, но лишь немногие предвидели грядущее опустошение от рук монгольских завоевателей тринадцатого века. В то же время, очевидный крах Аббасидского Халифата, а также упадок Багдада как религиозного и научного центра, означал для таких городов, как Бухара и Самарканд, чей первый расцвет пришелся на период правления Саманидской династии, исчезновение южного источника воодушевления. С тех пор члены Ходжагана больше не отправлялись в Багдад, как это в свое время сделал Йусуф Хамадани.

Печально окончившиеся Крестовые Походы опустошили Сирию, и многие с надеждой смотрели на Туркестан как на возможный источник руководства. Нам, привыкшим считать Европу центром культуры Средних Веков, трудно представить себе, насколько европейское искусство и наука обязаны Востоку. Ассирийские и армянские христиане многое сделали для продвижения взаимобмена. Не следует забывать, что, хотя Учителя были, строго говоря, ортодоксальными мусульманами, они держали двери открытыми для всех религий, и с радостью принимали иудеев, христиан и буддистов в свои группы.

Сам Абд аль-Халик Гудждувани имел связи с Западом. Его отец, Абд аль-Джамиль⁸ был родом из Малоазиатской Малатии, а бабушка была Сельджукской принцессой. Абд аль-Джамия почитали великим святым и считали, что он получал руководство

непосредственно от Пророка Хидра, бессмертного посланника Бога, унаследованного Исламом от Зороастризма. Он всегда вспоминался в связи с летом, и его "праздник" отмечается шестого мая. Сам Абд аль-Джамиль утверждал, что именно по указанию Хидра он переселился из Малой Азии в Туркестан и остановился в Гудждаване, в нескольких километрах от Бухары. Там же у него родился сын, Абд аль-Халик. В Рашахате приводятся слова Абд аль-Халика: "Когда мне было двадцать лет, Учитель Учителей и Пробудитель Душ, Пророк Хидр, порекомендовал меня Великому Учителю, Йусуфу Хамадани, который принял меня, не смотря на свой преклонный возраст, и посвятил в Ходжаган. Поскольку он тогда жил в Туркестане, я решил следовать за ним, куда бы он ни отправился".

Когда Йусуф Хамадани возвратился в Хорасан, Ходжа Абд аль-Халик стал вести неимоверно аскетический образ жизни, хотя и скрывал это от своих друзей и учеников. Благодаря аскетическим практикам, ему открылись необычайные духовные возможности, и паломники стали стекаться к нему из всех частей света. В Дамаске образовался круг его последователей. Именно посредством этого круга, Джалал ад-дин Руми впервые вступил в контакт с Учителями Мудрости. Школа в Дамаске просуществовала вплоть до прихода Оттоманских Турков.

Ходжа Абд аль-Халик был первым Учителем, сформулировавшим "систему". Он выделил следующие стадии трансформации: "правильное поведение", "путь" и "завершение". "Напутствие", написанное им для своего преемника, указывает на правильную модель поведения, наиболее подходящую для кандидата в посвященные:

"Твое повседневное внутреннее состояние должно быть основано на знании дела, самодисциплине и религиозности. Изучай труды твоих предшественников и принципы Пророка Ислама, а также избегай общества невежественных суфиев. Всегда молись вместе со своим братством, но никогда не призывай к молитве, азан, и не руководи молитвой, Имам.

"Не ищи славы, поскольку слава приводит к бедам.

"Не вмешивайся не в свое дело. Никогда не завязывай близкой дружбы с царями или их наследниками.

"Не имей постоянного дома, и нигде не оставайся надолго.

"Не увлекайся чрезмерно музыкой и священными танцами, поскольку их избыток разрушает чувства. Тем не менее, не отвергай священные танцы, поскольку многие почитают их и возлагают на них свои надежды.

"Говори мало, ешь мало, спи мало. Держись подальше от толпы и учись ценить собственное одиночество. Не спорь с молодыми людьми, женщинами, а также богатыми и приземленными людьми. Ешь чистую пищу и избегай сомнительной еды. Откладывай супружество как можно дольше, поскольку супружество вызывает желания этого мира, а если ты привязан к этому миру, то твоя религия теряет смысл.

"Не смейся слишком много, поскольку излишняя веселость разрушает чувствительность сердца. Тем не менее, всегда будь весел и будь готов радоваться вместе с другими людьми. Не презирай никого, какие бы ни были причины.

"Не украшай свою внешность, поскольку украшения свидетельствуют о внутренней пустоте.

"Никогда не ссорься с другими людьми, и не проси ни у кого одолжений. Не будь никому бременем.

"Не доверяй миру и мирским людям.

"Пусть твое сердце будет наполнено унижением и смиренностью, пусть твое тело страдает, а глаза плачут. Пусть твои действия будут прямыми, а твои молитвы искренними. Носи ветхую одежду, и дружи с бедными людьми. Пусть твой дом будет домом молитвы, и пусть высшая мудрость, Хакк Таала, будет твоим руководителем".

Оценивая значение Учителей Мудрости, мы должны принять во внимание то, что, согласно всем источникам, они старались сами следовать принципам Напутствия, и требовали того же от своих учеников. Ходжа Абд аль-Халик, кроме того, сочинил ряд афоризмов, считавшихся его последователями отражением "Пути Учителей".

1. Хош дар дам. Это можно перевести, как "дыши сознательно". Персидское слово "хош" означает практически то же самое, что и греческое *pepsis* – на латыни, *sobrietas*. Этот термин использовался восьмью веками ранее Учителями Сирийской пустыни, и весьма часто встречается в Филокалии, книге, авторство которой Успенский приписывает Учителям Мудрости. Он считал, что этот термин эквивалентен Гурджиевскому "самовоспоминанию". В то же время, в рамках Ходжагана, это понятие всегда было связано с дыханием. В соответствии с их учением, воздух, которым мы дышим, обеспечивает питанием наше второе тело, названное Гурджиевым телом кесджан, от персидского словосочетания "носитель духа". Учителя мудрости всегда хранили секрет дыхания, и долголетие первых Учителей считается результатом зикра в сочетании с контролем дыхания.

Хош дар дам, сознательное дыхание, считалось первостепенной техникой саморазвития. В Рашахате сказано, что значение хош дар дам заключается в том, что дыхание служит питанием внутреннего человека. По мере того, как мы дышим, мы должны сосредотачивать внимание на каждом акте дыхания, и осознавать свое присутствие. Для этого нужно находиться в соответствующем состоянии, поскольку "невнимательное" дыхание не доходит до нужных уровней. Мавлана Саад ад-дин Кашгари объяснял, что, в соответствии с принципом хош дар дам, во время дыхания наше внимание должно соответствовать нашей цели. Именно невнимание отделяет нас от Бога. Далее он говорит, что, в рамках пути Учителей, большую важность имеет умение задерживать дыхание, поскольку задержка дыхания заостряет наше внимание, и выводит его на более глубокие уровни.

Ходжа Бахауддин Накшбанд сказал: "Основа этого пути построена на дыхании. Чем больше человек способен осознавать собственное дыхание, тем содержательнее его внутренняя жизнь". Он добавил также, что, помимо всего прочего, важно осознавать изменения, происходящие при смене вдоха выдохом. Эти указания по контролю над дыханием дополняются детальными инструкциями по зикру. Они были составлены более поздними авторами, и, в основном, предназначались для дервишей Накшбанд. В то время, как первые Учителя рассматривали хош дар дам, как основную технику питания внутренних тел человека, учителя вне Ходжагана, такие как Наджим ад-дин Кубра, придавали ему более мистический смысл. Наджим связывал его со звуком Ху, универсальным именем Бога, которое сознательно или не сознательно постоянно

произносит каждый человек, от момента своего рождения, и до самой смерти. Мавлана Джамии, великий поэт Центральной Азии, говорил, что хош дар дам является абсолютным моментом, когда личность объединяется в Одно Целое. В этом, по его мнению, заключается наивысшая тайна дыхания. Члены Ходжагана использовали термин *гаиб-и хувийят* для обозначения аннигиляции самости и объединения с абсолютным бытием, в чем и заключается конечная цель освобождения.

2. Назар бар кадам. Смотри под ноги! Кадам значит "нога", "шаг" или "удача". Корень этого слова, к-д-м означает "источник" или "начало". Таким образом, этот афоризм можно растолковать так: "Помни, откуда ты пришел, и куда идешь. Внимательно относись к своим шагам". Афоризм лег в основу важного духовного упражнения дервишей, считающих основателями своей традиции Учителей Мудрости.

3. Сафар дар ватан. Путь домой. Это означает трансформацию, которое переносит человека из мира нереализованного потенциала, алами арвах, в мир воли, алами вуджуб, где человек осознает свое предназначение и получает силы исполнить его. Алами вуджуб соответствует Царству Небесному Евангелий. Согласно учению Ходжагана, человек не способен ни знать свое предназначение, ни исполнить его, пока он остается в субъективном состоянии сна – хаялат.

4. Халват дар анджуман. Одиночество в толпе. Этот афоризм, по-видимому, является самым известным из высказываний Учителей. Существует много его толкований и трактовок. В своем простейшем значении, это то же самое, что Гурджиев называл "неотождествлением": способностью полностью участвовать в жизни внешнего мира, не теряя собственной свободы. Когда Бахауддина Накшбанд просили коротко охарактеризовать учение Ходжагана, он отвечал: "Халват дар анджуман, то есть, быть внешне с людьми, и внутренне с Богом". Ходжа Авлия сказал, что это означает "быть настолько поглощенным зикром, что человек может идти по базару, и не слышать шума".

5. Яд кард. Память. Согласно Рашахату, это означает, что человек должен научиться согласовывать свой язык со своим сердцем, в особенности, произнося зикр. То, что мы чувствуем, мы должны говорить, и то, что мы говорим, мы должны чувствовать. Комментируя этот афоризм, Саад ад-дин Кашгари говорит, что когда шейх посвящает мурида, он должен произносить в своем сердце символ веры "ла илаха илаллах ва Мухаммад ар-расул аллах", а мурид должен почувствовать это в своей груди. Сидя перед шейхом, мурид должен сосредоточить себя, свои глаза, свои губы, свой язык и свой ум на шейхе. В результате этого, сила зикра перейдет к ученику, и его губы станут едиными с его сердцем. После этого, ученик должен терпеливо повторить зикр три раза. В конце каждого трехстишья, он должен задерживать свое дыхание. Рашахат далее дает весьма детальные и дополненные комментариями инструкции, по поводу того, как шейх должен удостовериться в передаче зикра. Он должен быть уверен в том, что ученик научился осознавать свои чувства во время собственной речи.

6. Баз гашт. Возвращение, одностороннее движение; целеустремленность. Толкуя этот афоризм, Убайдаллах Араб говорил, что внутри нас есть цель наших усилий. Семена трансформации засеяны в нас свыше, и мы должны ценить их превыше всего остального. Если есть только одно плодоносное дерево, то все остальные растения являются сорняками, и их следует искоренить.

7. Нигах дашт. Осмотрительность. Отслеживай то, что привлекает твое внимание. Учись отвлекать свое внимание от неблагоприятных объектов. Другими словами, "будь бдителен в отношении своих мыслей, и помни себя", хаватир муракаба. Я думаю, что

принцип нигах дашт соответствует Гурджиевскому "само-воспоминанию".

8. Яд дашт. Понимание. Эта стадия считается последней, непосредственно предшествующей окончанию трансформации. Ищущий осознает, что его потеря "самости" будет компенсирована объективной любовью, хабби зати. Унижение, которым обусловлена эта стадия, перестает тревожить человека, как только он начинает предчувствовать грядущую радость Истины.

Согласно Рашахату, Ходжа Бахауддин Накшбанд ввел еще три технических термина:

9. Вакуфи заман. Осознавание времени⁹. Таким образом, вводится различие между присутствием, хузур, и отсутствием, гафлат. Ходжа Накшбанд описывал это как "самообладание" или "внимательность". Кроме того, он подчеркивал, что мы должны всегда испытывать благодарность, когда возвращаемся в состояние "присутствия".

10. Вакуфи адади. Отслеживание числа. Ходжа Ала ад-дин Аттар говорил: "Не так важно, сколько раз вы повторили зикр. Важно, чтобы вы делали это, присутствуя, и сознательно". Бахауддин Накшбанд утверждал, что вакуфи адади является первой стадией вступления в духовный мир. Для этой стадии характерно прекращение вербального мышления, и начало непосредственного восприятия, не требующего слов.

11. Вакуфи калби. Осознание сердца. Это то же самое, что и яд дашт, то есть пробуждение Любви Божьей. Человек начинает осознавать, что его собственное существование является препятствием для его окончательной трансформации. Он больше не боится пожертвовать им, поскольку понимает, что получит несравнимо больше, чем теряет.

Поэт Мулла Джамии в своей книге Нафахат аль-Унс пишет, что Абд аль-Халику удавалось поддерживать хорошие отношения со всеми классами и партиями. В то время, жизнь Туркестана была очень беспокойной. Султан Мухаммад из Хорезма не ладил с духовенством, которое поддерживала его мать, Туркан Хатун. Власть была поделена между Мусульманами и неверным Кара Хитаем, чей правитель, Гурхан занимал главенствующее положение. Люди уже не чувствовали себя настолько безопасно, как это было при Байидских и Саманидских правителях, и Ходжагану, благодаря своей абсолютной беспристрастности, часто удавалось предотвращать явную несправедливость и даже кровопролитие. Так, когда зять Султана, Утман, отказался наложить дань на Самарканд и Бухару, Мухаммад осадил, а затем разграбил Самарканд. По сведениям одного из историков, Ибн аль-Атира, тогда было убито двести тысяч человек; другой историк, Джувайни, приводит цифру десять тысяч. Так или иначе, только благодаря вмешательству Ходжагана Мухаммад распорядился прекратить кровопролитие.

В Нафахат аль-Унсе далее сказано, что Абд аль-Халик первый из Учителей ввел сердечную молитву, зикр-и калби, которая была открыта ему Пророком Хидром. Кроме того, он особым образом подчеркивал, что путь Учителей заключается в полной трансформации субъективного состояния, или состояния сна, обычного человека в состояние объективной сознательности освобожденного человека. Освобождение включает в себя четыре стадии, фана, и, пока все они не будут пройдены, человек не освобождается от уз чувственности и эгоизма.

Итак, мы с вами подошли к началу тринадцатого века, в истории которого основную роль играл Чингисхан. Именно этой личности и будет посвящена следующая глава.

1 - Историю цитирует Barthold, loc. cit., из книги Хамдаллы Казвани.

2 - 95 мусульманских лет (1 год – 354 дня) или 91 года (по 365 дней) (прим.ред.).

3 - Abd al-Khaliq Ghujduwani, *The Mission of Yusuf Hamadani, cited in Hasan Lutfi Susud's Islam Tasavvufunda Hasegan Hanedani, Istanbul 1958, p. 9.*

4 - Слово "Ходжа", прежде всего, означало "человек, обладающий высшими знаниями". Термин имеет персидские корни, и никогда не использовался в арабских странах. Главный Визирь Саманидских царей носил звание Khwadja-i Vizurg, и его отличительным знаком была чернильница. Хваджи при Саманидских правителях занимали примерно такую же позицию, как каницлеры королевской династии Plantagenet в Англии.

5 - фана фи-ш-шейх (растворение в шейхе); фана фи-р-расуль (растворение в Пророке); фана фи-ллах (растворение в Аллахе) (прим.ред.).

6 - Это основной и наиболее достоверный источник сведений о жизни и деятельности Учителей Мудрости. Автором книги на персидском языке был Fakhr ad-din Ali Husain al-Waiz Kashifi. В шестнадцатом веке книга была переведена на турецкий язык. Мне посчастливилось найти удивительную рукопись в старом книжном магазине Стамбула. Она представляет собой 520 страниц биографий членов Ходжагана, от Йусуфа Хамадани до Муллы Джамии, дополненных поучительными историями. На европейские языки книга никогда не переводилась. Помимо всего прочего, на полях моего экземпляра есть много записей, сделанных практиковавшим суфием.

7 - См. W. Barthold, loc. cit., p. 376. "Как сам основатель школы (Йусуф Хамадани), так и его последователи, редко упоминаются в исторических работах. Тем не менее, вне всяких сомнений, они оказывали значительное влияние на людей своего времени; среди активных членов школы были так глубоко чтимые вплоть до сегодняшнего дня святые, как Хаким Ата и Ахмад Ясави".

8 - 'Абд аль-Джамиль был из малоазиатских маламати (люди порицания – одна из эзотерических традиций, по мнению Ибн аль-Араби, стоящая выше суфийской) см. Гафари (прим.ред.).

9 - Прим.ред. оригинала: слово вакуф также означает "остановка", "пауза", и именно в этих значениях фигурирует в книге Trimingham, *The Sufi Orders in Islam, p. 203.* Тем не менее, в сфере психологического опыта, оба этих эквивалента обретают один и тот же смысл.

ГЛАВА 7. ЧИНГИСХАН

*Чингисхан как лидер – Завоевание Туркестана – Отношение монголов к святым –
Ходжаган в Бухаре – Видение Чингисхана – Его могущественные преемники.*

Изучая историю Учителей Мудрости Центральной Азии, следует принимать во внимание условия жизни, сложившиеся после разорительных набегов северных кочевников. Ключевым событием было крушение мусульманской власти в результате завоеваний Чингисхана, а также покорение им Китая и значительной части Индии. В первые пятьдесят лет своей жизни Чингисхан был известен под именем Темуджин, и само слово "монгол" было его собственным изобретением. Он родился в 1157 году и происходил из незначительного кочевого племени, жившего на границе северного Китая. Чингисхан умер в 1227 году, завоевав больше, чем удалось Александру Великому, и его империя просуществовала гораздо дольше. До конца своей жизни он оставался безграмотным и чуждым остальному земледельческому и урбанизированному миру. Тем не менее, он был не только великим полководцем, но также и великим правителем. Самая замечательная его черта, в которой он, наверное, превзошел всех правителей до и после себя, заключалась в его умении разбираться в людях и подбирать нужных людей на любые должности. Кроме того, все знавшие Чингисхана отмечали его полный контроль над собой. Он никогда не действовал сгоряча, даже если его оскорбляли или предавали.

Еще в раннем возрасте Чингисхан понял, что кочевым племенам не удастся одержать верх в противоборстве с Китаем, если у них не будет достойных лидеров. Осознав это, он собрал группу людей, каждый из членов которой был лично выбран им из числа степной аристократии. О его терпеливости можно судить по тому факту, что только в возрасте пятидесяти лет он почувствовал себя готовым бороться за власть в Монголии. С отрядом в тысячу человек Чингисхан победил кератитов и татар, назвав своих приверженцев монголами.¹ Сам Чингисхан не рассматривал термин "монгол" в качестве названия племени или, тем более, расы – он использовал его в отношении собственных приверженцев, то есть, орды. В возрасте пятидесяти одного года, подчинив себе все кочевые племена, "он поднял знамя с девятью белыми хвостами, и воссел на трон как Чингисхан, Хан всех монгольских племен".

Личная гвардия Чингисхана, состоявшая из тысячи избранных, героев, включала в себя членов его старой группы, каждого из которых он знал лично. Практически все его генералы были из числа этих избранных, которые, будь то генералы или простые всадники, пользовались исключительными привилегиями. Сам Чингисхан был человеком необычайно высокого роста с величественной головой и серыми гипнотическими глазами. Он безраздельно властвовал над своей семьей, своими генералами и всеми, кто имел с ним дело. Следует также ответить поразительную верность его генералов и солдат, даже когда они одерживали победы в отдаленных частях империи. Такой преданности Центральная Азия не знала за всю свою долгую историю. Причиной этого было не только его удивительное знание людей, но также и долгие настойчивые подготовки, предшествовавшие военным кампаниям последних двадцати лет его жизни.

Ни один великий завоеватель не вызывал таких противоречивых чувств. Основная часть дошедших до Европы сведений о Чингисхане исходила от мусульманских историков, которые ненавидели его как врага их религии и того, кто сверг их власть. Только к концу девятнадцатого века стали доступными китайские летописи, в которых ситуация представлена в совершенно ином свете. Общее мнение о том, что Чингисхан не заботился

о благосостоянии и даже самой жизни завоеванных им народов, и что каждый завоеванный монголами город подвергался разграблению и бойне, безусловно, далеко от истины. Верно, однако, то, что как проявление твердой политики города, сопротивлявшиеся Чингисхану, разграблялись и подвергались жестокости, в то время как добровольно капитулировавшие оставались нетронутыми. Историки ссылаются на официальные источники, такие как составленная по указанию Чингисхана летопись Визиря Рашид ад-дина, правившего Персией, и Юань-ши, написанная в Китае после падения династии Юань, то есть монгольской династии. В то же время, никто не видел Золотую Книгу, хранившуюся в тайне личными преемниками Чингисхана, и содержащую их собственное описание зарождения Монгольской империи.

В настоящей главе, я хочу изложить взгляд на историю Монгольской империи с совершенно иной точки зрения, с позиции Учителей Мудрости, высказанной в их собственных летописях – Рашахат Айн аль-Хаят и Нафахат аль-Унс. Эти книги, написанные в четырнадцатом и пятнадцатом веках, нечасто ссылаются на исторические события тринадцатого века, но, все же, позволяют судить о важной роли Ходжагана в восстановлении приемлемых условий жизни после разорительных монгольских завоеваний.

Не следует думать, что монголы, словно снег на голову, обрушились на миролюбивое и процветающее общество долины Амударьи. Мир и процветание ушли в небытие вместе с Таиридской династией в Ираке и Хорасане, и Саманидской в Туркестане. Эти две династии честно исполняли обязанности правителя по обеспечению благоденствия своих подданных. Они содержали наемные армии, в основном, состоявшие из турков. Тахириды поддерживали хорошие отношения с их формальным сюзереном, повелителем Верных, Аббасидским Халифом Багдада. В то же время, Саманиды претендовали на независимость. Так или иначе, обе династии правителей и их подданные были верными мусульманами, и хорошо ладили с ортодоксальным священством. Тахириды правили с 821 по 873 год и были свергнуты Турками Сельджуками. Саманиды правили вплоть до 899 года. Саффариды (867 – 903 года) пришли к власти благодаря раскольническим и еретическим сектам Шиитов, Исмаилитов и Хариджитов. Их приход ознаменовался гражданскими войнами и появлением деспотов, претендовавших на абсолютную власть. В итоге, весь район оказался во власти династии Шахов Хорезма (1077 – 1231 год), хотя им и не удавалось успешно управлять всей территорией. Последний правитель этой династии, Султан Мухаммад явно был виноват в бедствиях, положивших конец мусульманской власти.

Султан Мухаммад фигурирует в истории Ходжагана как убийца Маджад ад-дина, ученика Наджим ад-дина Кубра и члена школы Йусуфа Хамадани. Маджад ад-дин пренебрег советом Хваджи Абд аль-Халика избегать близости с царями и их наследниками. Согласно нескольким источникам, Султан заподозрил его в любовной связи со своей матерью, что вряд ли могло быть так, поскольку в то время она была прабабушкой. Охваченный гневом, он отдал приказ об убийстве, о чем позднее очень сожалел. Тем не менее, эта история показывает, с какой осторожностью настоящие Учителя должны были пользоваться тем влиянием, которое имели на все классы общества.

Во время монгольского нашествия, все члены Ходжагана были собраны в Бухаре, и, в связи с этим, следует отметить, что в отличие от Самарканда и Балха, этот город не был разрушен, и его жители остались в живых. Персидский историк Джувани приводит довольно сомнительную историю о том, как Чингисхан собрал жителей Бухары в кафедральной мечети, как на праздничную молитву, и выступил перед ними с речью, в которой назвал себя "Божьим бичом, присланным, чтобы наказать народ за грехи". Даже

если мы отвергнем эту историю, как выдумку, очевидно, что жители Бухары могли согласиться со справедливостью наложенной на них большой контрибуции.

Для того чтобы понять это, мы должны обратиться к достоверному описанию событий, приведших Чингисхана к завоеванию Туркестана.²

В 1215 году, Китай был завоеван, и в Пекин вошли монгольские войска. Владения Чингисхана теперь простирались от Семирьеша до Тихого Океана. В то же самое время, Шах Хорезма Мухаммад одержал верх над Кара Хитайской династией, и его территория лежала от Каспийского моря до Хиндукуша, и даже по берегу Инда достигала Индии. Он мечтал завоевать Китай и, таким образом, "покорить мир". Однако слухи опередили его. Для того чтобы убедиться в достоверности сведений и получить точную информацию, он решил отправить послов к монгольскому завоевателю. Во главе их стоял Бахауддин Рази. Посланники прибыли, когда Пекин уже капитулировал, но Чингисхан все еще оставался со своей армией в Китае. Повсюду были видны признаки жуткого разорения. Кости убитых возвышались целыми горами, и почва была пропитана человеческим жиром. У ворот Пекина лежала огромная груда костей.

Чингисхан любезно принял послов и велел им передать Шаху Хорезма, что он считает его правителем Запада, тогда как сам является правителем Востока. Чингисхан заверил послов в желании мира и дружбы между двумя империями, и хотел бы, чтобы купцы беспрепятственно пересекали их границы. Нет причин сомневаться в искренности слов Чингисхана. Он всегда говорил то, что думал, и его генералы знали, что могут полагаться на слово своего главнокомандующего. Вряд ли Чингисхан тогда помышлял о завоевании мира. Колоссальной добычи, вывезенной из Китая, было более чем достаточно для Монгольской орды³. Раньше, когда какой-нибудь предводитель объединял кочевые племена, они всегда вторгались в Китай. Орды, которые отправлялись на запад, делали это исключительно в силу внутренних неурядиц. Кочевникам была необходима торговля. Сами они ничего не производили, и могли только продавать "шкуры лис, волков, бобров и другие товары". Торговля была, в основном, сосредоточена в руках уйгуров-буддистов и турков-мусульман, которые были в хороших отношениях с монголами. В то же время, Шах Хорезма не ладил с торговцами на своей территории, поскольку взимал с них грабительские налоги, чтобы финансировать свои захватнические войны. Он отправил представительство к Чингисхану не для того, чтобы наладить торговлю, а для того, чтобы разведать его намеренья. Вместе с послами шел караван с лучшим трикотажем из Бухары и Самарканда. Чингисхана рассердили завышенные цены, установленные торговцами, и он смягчил свое отношение к ним, только когда цены были изменены по его указанию.

В ответ на инициативу Шаха Хорезма, Чингисхан отправил своих послов, и среди даров, предназначавшихся Султану, был золотой самородок из китайских гор "величиной с горб верблюда", жаданит и рога хутува⁴, считавшиеся средством от всех болезней.

Послы, прибывшие к Шаху Хорезма в Бухару, сообщили ему, что Чингисхан предлагает подписать мирный договор, и хотел бы считать его "одним из своих любимых сыновей". Мухаммад, конечно, был разгневан предложением стать вассалом Чингисхана, но мирный договор, все же, подписал, не упоминая в нем о торговле.

Чингисхан был очень обрадован подписанием договора, и, положившись на гарантии послов, распорядился отправить караван в Бухару⁵. С караваном шло четыреста пятьдесят человек, все они были мусульманами, и вели за собой около пятисот верблюдов, нагруженных золотом, серебром, китайским шелком, вулканическим стеклом, шкурами бобров и саблями. Все торговцы были задержаны в Утраре и обвинены в шпионаже.

Сделано это было по приказу правителя Инальджика, двоюродного брата Султана. Он сообщил Мухаммаду, что подозревал караван в шпионаже, и был уполномочен задержать его. Явно по собственной инициативе, и исключительно из жадности, Инальджик приказал казнить всех торговцев, и присвоил себе все товары. Так как правитель принадлежал к военной партии и был под покровительством матери Султана, Туркан Хатун, Султану пришлось смириться с его действиями. Конечно, Султан тоже не остался в стороне, и приказал отослать верблюдов в Бухару, где товар был продан местным купцам. Джувайни утверждает, что, по крайней мере, одному человеку, погонщику верблюдов, удалось спастись, и он принес ужасную весть Чингисхану, который еще раз продемонстрировал свое самообладание и уравновешенность.

В ответ, Чингисхан послал к Шаху Хорезма Ибн Кафраю Бухру вместе с двумя татарами, чтобы выразить протест по поводу вероломства, и потребовать выдачи Инальджика. Султан не только отказался выполнить требования, но убил посла и, прежде чем отпустить татар, обрил им головы.

Этот поступок сделал завоевание Туркестана неизбежным. Чингисхан не знал о внутренних неурядицах в западной империи, и не завершил покорение Китая, или Кашгарии и Семирьюша, куда отступил Кара Хитай, правитель Кучлука, после поражения от Мухаммада в Фергане. Чингисхан послал Джебея, своего самого одаренного генерала, который, появившись, как освободитель притеснявшегося мусульманского населения, завладел Кашгарией практически без боя. Сам Чингисхан тщательно готовился к войне с Шахом Хорезма. Он провел лето 1219 года в долине Иртыша, а осенью повел орду в сторону Сырдарьи, которую можно было легко перейти по льду. Его армия насчитывала сто пятьдесят тысяч человек, из которых примерно половину составляли прекрасно обученные монгольские всадники. У Шаха Хорезма была гораздо более многочисленная армия, но его генералы не ладили друг с другом, и не были особенно преданны своему правителю. Что еще хуже, у него не было стратегического плана, и он не мог выбрать между отставанием Сырдарьи, войной в Трансоксонии или даже отступлением в Индию. Чингисхан одержал над ним полную тактическую победу, и лишь немногим городам удалось продержаться хоть какое-то время. Не прошло и года, как Мухаммад умер в бегах, на одном из островов Каспийского моря, брошенный всеми, за исключением нескольких личных слуг. Его мать, Туркан Хатун, покинула Бухару, после того, как утопила в Амударье всех наследников династии, в основном, своих сыновей и внуков. Ее схватили в Мазандаране, далеко на западе. Ее внук, Джалал ад-дин воевал еще два года, и даже выиграл одну важную битву с монголами под городом Парван в Афганистане. Чингисхан вновь продемонстрировал свое обычное хладнокровие, сказав о побежденном генерале: "Шики Кутуку привык побеждать, и до сих пор не сталкивался с жестокостью судьбы. Теперь, ощутив это, он будет осторожнее". После этого, Чингисхан взял кампанию в свои руки. Во время осады Бамияна, под Кабулом, погиб его внук, Мутуген. В связи с этим, был отдан приказ уничтожить все живое в городе. Решающее сражение в долине Инда произошло 24 ноября 1221 года. Поражение основных сил Джалал ад-дина открыло монголам путь в Индию.

За каких-то два года, Чингисхан подчинил себе район от Каспийского моря до Индии и Китая. Со времен Александра Великого мир не знал такого завоевателя. Безжалостное истребление Чингисханом непокорных, и мягкое обращение с теми, кто переходил на его сторону, произвели глубокое впечатление на весь цивилизованный мир, так что никто не остался равнодушным. Чингисхану теперь было шестьдесят семь лет, и он был в расцвете сил. Он замыслил поход на Индию с тем, чтобы вернуться в Китай через Бирму, но от этого предприятия Чингисхана отговорил его шаман, сказав, что благоприятный момент для завоевания Индии наступит еще не скоро.

Давайте теперь сделаем своеобразное отступление и поговорим об отношении монголов к "святым людям". Поскольку у шаманов не было традиции "откровения" и, следовательно, теологии, они могли одинаково относиться ко всем духовным людям. Вообще, культура Великого Духа всегда была известна своей терпимостью, и шаманы, конечно же, не пытались передать свои представления покоренным народам. В то же время, монголы считали шаманов, во-первых, посредниками между Духовными Силами и людьми, а, во-вторых, волшебниками, способными предсказывать будущее и даже влиять на ход событий. Чингисхан оставался верным своему учителю, шаману Кокчу, и был готов воспринимать духовенство Ислама людьми в равной мере одаренными и достойными почитания. Именно этим объясняется более благоприятное отношение монголов к Ходжагану, члены которого, по мнению народа, обладали духовными силами, чем к ортодоксальному священству, связанному с правящей династией.

В течение первой половины тринадцатого века, Учителя Мудрости жили в Бухаре и ее окрестностях. Умирая, Ходжа Абд аль-Халик послал за двумя своими посвященными, Хваджей Авлия и Арифом Ривгарави, и велел ими пригласить всех членов Ходжагана в Бухару, которая должна была стать их центром на ближайшие двести лет.

Согласно собственным записям Хваджи Авлия, он был еще студентом богословской академии, когда увидел Хваджу Абд аль-Халика на базаре. Какое-то внутреннее стремление подвигло его предложить Абд аль-Халику донести его покупки до дома. Абд аль-Халик пригласил его остаться на трапезу, и тогда же принял его как сына, лично занявшись его обучением. После смерти Абд аль-Халика, Авлия построил себе созерцательную келью рядом с мечетью, у ворот менял. Келья сохранялась в течение более чем двух веков, и ее посещали все Учителя. Убайдаллах Арар так объяснил смысл слов "созерцательная келья": "Созерцательная келья – это не том место, где на ум вообще не приходит никаких мыслей. Просто, они не должны подчинять себе внутреннее состояние человека. Это, как река, течению которой не мешают плавающие на ее поверхности палки и ветки".

Сын Хваджи Авлия, Гариб, стал Хваджей и был близким другом Наджам ад-дин Кубра. В то время, знаменитый путешественник, Шейх Хасан аль-Булгари, приехал из России в Бухару, где встретился со всеми Учителями Ходжагана и многими другими, не принадлежавшими к обществу учителями. Позже, он сказал, что в своих путешествиях по всему мусульманскому миру, он еще не встречал учителя, равного Хвадже Гарибу.

Во время монгольского нашествия, Главным Учителем был Ходжа Ариф Ривгарави⁶. Ривгара была деревней, приблизительно в тридцати километрах от Бухары. Народное предание повествует о том, что Чингисхан остановился в этой деревне, прежде чем осадить Бухару. Основная часть населения покинула деревню, но Ходжа Ариф остался и работал на ткацком станке собственного изобретения. Чингисхана удивило его спокойствие и мастерство, с которым он работал. Через переводчика он попросил Арифа объяснить ему это. Ходжа Ариф ответил: "Мое внешнее внимание сосредоточено на работе, а мое внутреннее внимание – на Истине. У меня нет времени обращать внимание на то, что происходит вокруг меня". Чингисхан был настолько доволен таким ответом, что распорядился не трогать жителей деревни, и пригласил Арифа отправиться вместе с ним в Бухару, чтобы показать, кому следует доверять.

Осада Бухары продлилась всего неделю, и монголы вошли город 10 февраля 1220 года. Крепость продержалась еще двенадцать дней, и все ее защитники были убиты. Помимо этого не было никакой резни. У торговцев, купивших товары злосчастного Утрарского каравана, конфисковали имущество, но в отношении остальных не было проявлено

никакой жестокости. Всему населению было велено покинуть город, отданный на разграбление. По причине суровой зимы многие тяжело страдали, и, согласно преданию, Ариф упросил Чингисхана позволить народу вернуться, утверждая, что акт милосердия поможет ему скорее одержать победу над Шахом Хорезма. Чингисхан удовлетворил просьбу Арифа, как если бы это был совет его шамана, и позволил жителям вернуться в город через несколько дней. Благодаря этому, Бухара оправилась от разорения быстрее других городов. Не знаю, насколько следует верить тому, что, по возвращении народа, Чингисхан произнес свою речь о "биче Божьем", но вполне очевидно, что Ходжаган в Бухаре сыграл решающую роль в спасении жизней десятков тысяч людей.

Давайте теперь перейдем к последним годам жизни Чингисхана. После невероятных завоеваний, он вернулся в свою страну и создал правила управления своей империей. Его колоссальные организационные способности заслуживают еще большего уважения, если учесть, что до конца своей жизни он говорил только на монгольском языке, и учился исключительно по собственным наблюдениям и опыту своего народа. Он понимал, что для извлечения пользы из своих потрясающих военных качеств, монголы должны заботиться о потребностях земледелия и ремесленничества, и, что они смогут управлять оседлым населением только при помощи умных и образованных людей. Тем не менее, сам Чингисхан навсегда остался для своего народа кочевником, истинным приверженцем культуры Великого Духа. Это одна из причин, по которым монгольской династии Юань удалось ассимилировать древнюю китайскую культуру, и при внуке Чингисхана создать удивительную социальную систему, настолько глубоко поразившую Марко Поло. Как христианские, так и мусульманские историки считают монголов того времени народом без культуры⁷. Ту же самую ошибку допустили первые колонизаторы Северной Америки, которые не сумели воспользоваться достижениями кочевой культуры индейцев, прежде чем почти окончательно покончили с ней. Чингисхан, не смотря на свой самоконтроль и безжалостное истребление всего, что стояло у него на пути, имел, среди знавших его людей, таких как известный китайский отшельник, Чанг Чун, репутацию человека с живым чувством юмора. Однако это было далеко не все. У него была творческая картина мира, в котором свобода кочевой жизни была бы сохранена и поддерживалась богатством оседлых народов. Он считал кочевников высшими существами, способными общаться с Великим Духом, Тенгри, в бескрайних просторах севера. Он не оставил, подобно основателю династии Османли, напутствия своему народу: "Странствуйте, всегда странствуйте и нигде не останавливайтесь", хотя, вне всяких сомнений, подписался бы под ним. Его заповеди Яса были адресованы кочевникам, и их продолжали цитировать, по меньшей мере, в течение двух последующих веков как символ монгольской веры.

Впрочем, справедливости ради, следует признать, что идея Чингисхана объединить странствующую жизнь кочевника с высокоинтеллектуальной культурой, не имела шансов реализоваться. Если заглянуть назад, приблизительно на две тысячи лет, то мы обнаружим ту же самую дилемму, стоявшую перед Зороастром, направившим все свое влияние на земледелие и оседлое население.

В течение всего существования кочевников, жизнь в степях почти не менялась; монгольские орды использовали тех же лошадей, и практически то же оружие, что и их предки, Туранийцы седьмого века до Р. Х. В то же время, у кочевников был исключительно гениальный лидер, выдающийся не только по своим полководческим способностям, но и как талантливый правитель. Здесь можно усмотреть очень важную связь с Ходжаганом, члены которого стремились не к религиозному лидерству, а к наиболее успешному руководству людьми. У кочевников человеческие качества ценились гораздо выше, чем в оседлых государствах, где определенные социальные институты могут продолжать свое существование по инерции, даже когда у их членов отсутствуют

соответствующие человеческие качества. Именно это произошло с Христианской церковью между четвертым и седьмым веками, а также с Волхвами и, позже, с Исламом при Аббасидах. Опять же, Римская Империя была плохой ширмой для бреши в необходимых для республики человеческих качествах.

Чингисхан не создавал каких-либо грандиозных институтов в своей империи, а тщательно отобрал руководителей на каждую должность. У него было три сына, Тулуй, Чагатай и Угудай. Тулуй унаследовал значительную часть гениальности своего отца. У Чангая было его непреклонное чувство цели и серьезности положения. Угудай, благодаря своему великодушию и благородному характеру, завоевывал все сердца. Чингисхан, почувствовав приближение своей кончины, созвал всех своих сыновей и внуков. На общем собрании он объявил об избрании своим преемником Угудая, и пожелал, чтобы семья продемонстрировала всем народам следование его известному завету: "Пусть монгол никогда не сражается с монголом".

Чувство дисциплины, которое Чингисхан прививал своей семье и своим генералам, было настолько сильным, что все приняли Угудая. Он, в свою очередь проявил себя, как великий правитель, не столько по своим интеллектуальным качествам, которыми он обладал в избытке, сколько по своей доброте и бесстрашной честности. Как и его отец, Угудай хорошо разбирался в людях. Члены его семьи и генералы, назначаемые на ключевые должности, были очень грамотно подобраны. Вероятно, самым великим военным достижением Угудая было завоевание России, в течение двухсот пятидесяти лет остававшейся под монгольским игом.

История Туркестана после смерти Чингисхана была не похожа на случаи с другими великими завоевателями. Александр, Юлий Цезарь, Константин и Аттила оставили после себя шлейф гражданских войн между наследниками. Ужасная традиция убивать всех наследников, которые могли бы покушаться на единственного преемника императора, прочно укоренилась в Туркестане, и лишь немногие допускали, что преемник Чингисхана потерпит возможных соперников. Отвращение и ужас, вызванные безжалостным убийством сотен тысяч китайцев, персов, турков, арабов и индийцев, вскоре сменились уважением к способности Монголов обеспечивать безопасность существования покоренных народов. Последним потребовалось не так уж много времени на восстановление, и к 1250 году только народы, не оказавшиеся под властью монголов, имели основания опасаться за свои жизни.

1 - До тех пор, "монгол" было Китайским именем, которое Темуджин принял, для того чтобы связать себя с другим великим лидером, Кутула-Каганом, известным своими победами над Китаем в первой половине двенадцатого века.

*2 - Дальнейшее описание основано на классической работе W. Barthold, *Turkestan Down to the Mongol Conquest* и Sir Dennison Ross' *Heart of Asia*. Первоисточником служит работа Джузджани, Табакати Насим.*

3 - Слово "орда" происходит от турецко-персидского слова урчи, которое означает армию, предводимую полководцем. Дивизия, алай, состояла из десяти тысяч всадников.

4 - Читавшие книгу Гурджиева, Рассказы Вельзевула своему внуку, возможно, поняли,

что речь идет о пир марале, на которого охотились в тех местах.

5 - Согласно одному источнику, Насави, у каравана был пропуск с личной печатью Хваразмшаха. Однако, вероятнее всего, караван отправился несколько раньше, то есть, в 1217 году.

6 - Очень краткое описание его жизни приводится в Семерат эль-фуаде, истории Учителей Мудрости в изложении дервишей Мевлеви, составленном Сари Абдуллой Эффенди.

7 - W. Barthold, loc. cit., p. 46, например, пишет, что "Чингисхан до конца своей жизни сторонился культуры".

ГЛАВА 8. МОНГОЛЬСКАЯ ЭРА

Шаманизм – деятельность Учителей – Стадии фана – Окончательное уничтожение – Азизан, Самаси и Куляль – Бахууддин Накибанд – Его молодость – Его видение у могилы в Бухаре – Возможность объединения Христианского мира посредством Монголов была потеряна – Персия принимает Ислам.

Чингисхан и его преемник, Угудай, оба были шаманистами, и твердо следовали шаманской точке зрения, что все духовные люди святы. В связи с этим, монгольские правители в равной степени благоприятно относились ко всем трем мировым религиям, Буддизму, Христианству и Исламу, в значительной степени представленным в завоеванных странах. Буддийские монахи, бхикшу, Христианские священники и Мусульманские имамы и кадисы были освобождены от налогов. Только Иудейские раввины не были удостоены этой привилегии, поскольку занимались торговлей. При этом великие Ханы не предпринимали попыток обратить своих новых подданных в шаманизм. Такая идея никогда бы не пришла в голову человеку, считавшему духовность спонтанным проявлением Великого Духа. Шаманы были усердными людьми, подвергавшими себя суровым испытаниям и тренировкам, для того чтобы лучше воспринимать руководство духа. Они использовали духовные упражнения, пост, а также контроль над дыханием. Хотя мне и не удалось найти письменных доказательств моему предположению, возможно, задержка дыхания, практиковавшаяся Учителями Мудрости, была заимствована ими у шаманов, а не у индусов, как считает большинство исследователей.

Антропологи описывают шаманизм на основе доживших до наших дней деградировавших практик. Таким образом, современных шаманов ставят на место шаманов доисторических времен, совершая обычную ошибку, заключающуюся в недооценивании уровня культуры древних народов. Во второй главе я изложил причины, по которым считаю уровень центрально-азиатской культуры Великого Духа весьма высоким. Она была источником Даосизма и, фактически, также и Буддизма. Из Учителей, с шаманизмом точно имел контакты Ходжа Ахмад Ясави, который почерпнул оттуда значительную часть своих знаний о священных танцах. Шаманы времени Чингисхана практиковали и учили священным танцам, хотя у них и не было такого системного подхода, как у Ясавитов.

У меня нет никаких сомнений в том, что Чингисхана и Угудая шаманизм вполне удовлетворял. Однако у них не было никакого представления о религии, основанной на определенной системе верований, приемлемых для народа. Мы, в свою очередь, привыкли связывать духовность с концепциями и заповедями, и нам не легко войти в положение людей, верующих в Великий Дух ни коим образом не соответствующий персонализированному богу. По мнению шаманистов, Великий Дух действует только изнутри. "Дух витает, где желает", и, в этом смысле, никто никого не может ничему научить. Шаман чувствует зов изнутри, и от других он может лишь научиться техникам повышения чувствительности. Как мне кажется, представления шаманов о Великом Духе очень близки к концепции Демиурга, о которой велась речь в первой главе. Основная задача шамана заключалась в том, чтобы жить в гармонии с природой, и помогать другим жить так же. Шаманы могли воспринимать паттерн истории на демиургическом уровне, что позволяло им предсказывать события и давать актуальные советы, подтверждавшиеся на практике. Впрочем, этим возможности шаманов не ограничивались, в частности, они знали многое об энергиях и их концентрации в людях и различных местах.

В связи с этим, неудивительно, что монголы охотно позволяли другим племенам общаться со своими шаманами, и, вне всяких сомнений, Чингисхан был убежден в том, что правил "избранным народом". Основным принципом его политики было установление главенства монголов, хотя и безо всяких претензий на превосходство их духовности или образа жизни.

Так все и обстояло, вплоть до смерти Угудая 11 декабря 1241 года. Официальной преемницей Чингисхана стала его вдова, Тореген, с согласия Ханов, каждый из которых стал более или менее независимым в своем уделе. В 1251 году, Великим Ханом был избран Монгук, и в последующие двадцать лет ситуация в мире оставалась довольно сбалансированной. Его мать христианка, и две его жены активно склонял Монгука сделать Христианство религией империи. Он знал о слабости Византийских правителей в Константинополе, и увидел возможность завоевать все мусульманские территории, вплоть до Марокко. Были завоеваны Малая Азия и Сирия; Багдад был беспомощным; в Египте царило замешательство.

На момент смерти Монгука, в 1259 году, монголы в Туркестане активно ассимилировали местную культуру, и были готовы принять религию мусульманского населения. По-видимому, здесь мусульманское духовенство повело себя очень осмотрительно именно благодаря влиянию Ходжагана. Учителя Мудрости были в хороших отношениях со всеми расами и религиями. Только они понимали значение Шаманизма и Буддизма. Возможно, они даже были заинтересованы в объединении Христианского мира¹. С 1260 года Учителя возобновили свою деятельность. Такие Учителя, как Ходжа Ариф Ривгарави пользовались очень хорошей репутацией у всех классов Бухары. Согласно Нафахат аль-Унс, он оставил пост Главного Учителя, поскольку его репутация среди народа противоречила принципу "избегания славы", оставленному его учителем, Абд аль-Халиком. Он передал свои дела Хвадже Махмуду Фагнави, жившему в маленькой деревушке Фагна, приблизительно в пятнадцати километрах от Бухары. Махмуд не хотел, чтобы его посещала знать Бухары, и строго следовал задаче обучения преемников, одного из которых можно причислить к числу величайших Учителей. Махмуд был плотником, и обеспечивал семью своим собственным трудом. В истории Учителей особым образом подчеркиваются его преподавательские способности. Например, он впервые ввел "упражнение настоящего момента", зикри аланийа. Когда его спросили о цели этого нововведения, он сказал, что "люди все время спят, и это упражнение должно будить их".

Упражнение настоящего момента соответствует второй стадии трансформации, которая ведет к фана-и афал. Для того чтобы понять это, мы должны вникнуть в основу Пути Учителей, отраженную в афоризме, который я услышал много лет назад от Камергера при дворе Султана Абдул Хамида: "Деф-и мефасид джелб-и менафиден эвландир" – получению желаемого должно предшествовать устранение нежелаемого. Этот принцип противоречит распространенному обманчивому убеждению в том, что Дух может войти в человека, прежде чем он очистится от самости. В устранении эгоизма можно выделить четыре стадии.

Первая стадия: фана-и ахам. Она еще не является истинным освобождением, или фана, поскольку больше связана со внешним миром, чем с самостью. Эта стадия представляет собой развенчание иллюзий относительно видимого мира, то есть, мира тела. Наш эгоизм теснейшим образом связан с зависимостью от внешнего мира. Эгоизм, как раз, и заключается в иллюзии, что мы обладаем чем-то собственным – нашим "эго". Согласно представлениям Учителей, эго является "величайшим заблуждением", которое скрывает от человека его подлинное предназначение. Поскольку "внутри" нет никакого эго, человек обращается к внешнему миру, миру тел, алам-и ахам. Последний, будучи "снаружи" позволяет человеку почувствовать некое "внутреннее" существование. "Просыпаясь", человек понимает, что мир тел обеспечивает существование его собственного тела, но не имеет отношения к его эго. В этом заключается "первое освобождение". Оно заставляет человека искать внутри себя "реальность", которой нет снаружи.

Вторая стадия: фана-и афал. Это серьезный и тяжелый шаг, который способны сделать лишь немногие. Он соответствует пониманию того, что наша "внутренняя жизнь" представляет собой не более чем мир грез – алам-и арвах. Арвах – это множественная форма от рух – дух. Алам-и арвах, таким образом, является миром духов. Люди ошибочно называют его духовным миром, то есть "миром иным", обещанным религией. Согласно представлениям Учителей, мир духов есть здесь и сейчас. Мы живем в нем, поскольку живем в состоянии сна, с редкими промежутками пробуждения. Состояние сна – это вторая опора эгоизма. Исключительно трудно понять, что в состоянии пробуждения мы не более "реальны", чем в состоянии сна. Понимание приходит с повторяющимся опытом "пробуждения и видения". Именно поэтому зикр "настоящего момента" Махмуда Фагнави был настолько ценным упражнением.

Знакомые с идеями Гурджиева узнают его известный тезис: "Человек спит, у него нет "Я", и он не может ничего знать, пока не проснется". Это и ряд других обстоятельств показывают, насколько Гурджиев был тесно связан с традицией Ходжагана. Так или иначе, лишь немногие люди, достигая стадии фана-и афал, осознают, что являются духами, живущими в мире духов.

Третья стадия: фана-и сифат. Опять же, это очень значительный шаг, поскольку он открывает дверь в реальный мир – алам-и имкан. Это мир, в котором возможны свободные акты воли. Это истинный "внутренний мир", с которым мы теряем контакт, когда погружаемся в свои сны.

Все духовные пути должны подводить человека к этой стадии, но поскольку она выходит за рамки ума, ее невозможно описать словами. Учителя снова и снова подчеркивали, что освобождения нельзя выразить словесно. Великий преемник Махмуда Фагнави, Ходжа Азизан Али Рамитани, был ткачом, насадж. Он был известен повсюду как один из величайших Учителей. Насколько можно судить по имеющимся сведениям, во многом, именно благодаря его усилиям произошло одно из величайших событий истории – обращение монгольских Ханов в Ислам. Его влияние в Бухаре обеспечила

Ходжагану возможность учить открыто, не нарушая, при этом, правила не вступать в близкие отношения с богатыми людьми и властями. Известность Хваджи Азизана достигла Дамаска и Кони, где Джалал ад-дин Руми написал: "Если бы внутренний мир, хал, не был превыше слов, ка, стала бы знать Бухары слугами Хваджи Нассаджа?"

Достигшие третьей стадии фана не могут передать своего внутреннего состояния, хал, другим людям, однако, встречаясь с такими людьми, ощущаешь присутствие реального существа (real being).

После смерти Махмуда Фагнави, в ситуации Учителей Мудрости произошли изменения. Народ считал, что Ходжагану отведена особая роль в истории. Хваджей приглашали в Самарканд и Балх, где новые города вырастали на руинах прежних. Много новых учителей появлялось по всему Туркестану, Кашгани и даже на западе, в Ираке. Тем не менее, Ходжаган сохранил свою уникальность, благодаря пониманию трансформации. Это станет очевидным, когда мы перейдем к четвертой стадии освобождения.

Четвертая стадия: фана-и зат. Она несет с собой окончательное освобождение от самости, которое позволяет Любви Божьей охватить душу человека. Никакой обособленности и изолированности больше нет, и творение становится Творцом. В связи с этим, следует вспомнить о различиях между южными суфиями и Учителями Мудрости, о которых шла речь в шестой главе. У южных суфиев также есть понятие фана, но оно трактуется в субъективном смысле. Они также выделяют четыре стадии:

фана фил-шайх
фана фил-пир
фана фи'л-расул
фана филлах

На этом пути мурид, ученик, учится создавать ментальный образ своего шейха, учителя, и старается удерживать его до тех пор, пока не ощущает реального присутствия шейха. Мурид представляет своих учителей со всеми теми качествами, к которым он стремится, и строит свое поведение по их модели. Когда шейх ощущает, что мурид научился создавать ментальные образы, он концентрирует внимание ученика на пире, то есть, на основателе того братства, к которому они оба принадлежат. Таким образом, мевлеви сформирует ментальный образ Джалал ад-дина Руми, бекташи – Хаджи Бекташа Вели, а кубрави – Наджим ад-дина Кубра. Когда я встретил последнего мевлеви челеби в Алеппо, он сказал мне, что в его сознании постоянно присутствовал образ Джалал ад-дина Руми, который обещал встретить всех своих верных дервишей в момент их смерти и привести их к Богу. Для самого дервиша, это явно было бесспорной, осязаемой реальностью, однако, я видел также, что это тормозило его дальнейшее развитие. Он действительно прошел через опыт третьей стадии, фана фи'л расул, потеряв себя во имя Посланника Божьего, расула, но это произошло всего лишь один раз, и он не пытался возобновить этот опыт.

Четвертая и последняя стадия, фана филлах, достигается лишь очень немногими из немногих. Она, в принципе, соответствует фана-и зат Учителей, но трактуется как объединение с Богом и понимание того, что Бог является обособленной субстанцией, вахдат-и вуджуд. Такой подход может привести к пантеизму и потере контакта с Высшей Волей. Однако основной риск этого пути заключается в том, что он не вырывает с корнем эгоизм. Много говорится о любви между человеком и Богом, но в этой трактовке любовь обретает личный характер, а ничто личное не может быть свободно от эгоизма. Основной задачей освобождения является исторжение эгоизма, поскольку, когда уходит эгоизм, Любовь Божья сама проникает в душу человека.

Именно поэтому фана-и зат также называется хувийат, то есть, состоянием, в котором присутствует лишь Один. Все личные проявления исчезают. Это называется раф-и тааюн, индивидуальная воля становится Абсолютной Волей. Ходжаган также указывает на ифна-и вуджудийат, прекращение цепочки существований. Буддисты по этому поводу говорят: "Больше нет перерождений; нет возврата", что соответствует Араханту, достигшему окончательного освобождения.

Давайте теперь вернемся к ткачу Хвадже Нассаджу из стихотворения Руми. Его полное имя было Ходжа Азизан Али Рамитани. Рамитан, в свою очередь, был довольно большим городом приблизительно в двадцати километрах от Бухары. Точная дата рождения Азизана неизвестна. Он умер в 1321 году, в возрасте ста тридцати лет, исходя из чего, можно сделать вывод, что он родился в 1191 году. Таким образом, ему было тридцать лет, когда Чингисхан завладел Бухарой. С Чингисханом Азизана познакомил его учитель, Махмуд Фагнави. Азизан много путешествовал по Туркестану и Хорасану, и известно также, что избранные Монгоком монгольские Ханы советовались с ним. Согласно одной легенде, именно Ходжа Азизан убедил Монгка в том, что монголам следует принять Ислам.

Для того чтобы понять происходившие тогда события, мы должны снова обратиться к мировой ситуации на момент конца тринадцатого века. Крестовые походы завершились, и в Европе снова наступил беспорядок. Египетский Халифат сосредоточил в своих руках новую силу – мощную наемную армию Мамелюков, в основном, состоявшую из турков, бежавших от монгольских завоевателей Малой Азии. Монголы потерпели первую крупную неудачу, когда их армия, отправленная на завоевание Египта, была разбита наголову в сражении Стены Голиафа 3 сентября 1260. Хотя монголы держали под своим игом Россию, и даже захватили Польшу, ядро Монгольской Империи составляли Туркестан, Персия и Ирак. О масштабах Монгольской Империи можно судить по тому факту, что даже после основных военных неудач, в монгольской власти оставались три великие империи, простиравшиеся от Польши до Китая. Ядро этой империи было больше, чем Персидская Империя в расцвете своего могущества.

Тем не менее, существовало также и одно ужасное отличие. Монгольское нашествие опустошило и разорило огромные территории, и на восстановление утраченного ушло почти сто лет. Судя по описаниям из Рашахата и других источников, Ходжаган принимал активное участие в организации реконструкционных работ, хотя и всегда держался в стороне от политических и религиозных неурядиц.

Вне всяких сомнений, Учителя Мудрости произвели глубокое впечатление на монголов, которые считали их исключительно одаренными шаманами, проявлявшими необычайные духовные возможности. То, что монголы предпочитали независимых "святых людей" ортодоксальному священству, возможно, послужило причиной появления множества учителей, подражавших Ходжагану, но не посвященных в него. К Хвадже Азизану часто обращались лидеры различных "братств". Приведенные ниже истории из книги Шушуда, Хасеган Ханедани, помогут вам составить представление о влиятельности Азизана.

Преуспевающий шейх, Рукн ад-дин Ала ад-давлат задал Азизану три вопроса.

Р.А.: "Как и вы, мы также служим тем, кто приходит и уходит. Вы не даете им средств, а мы даем. И, все же, люди прославляют вас, и считают, что мы заблуждаемся. Почему так происходит?"

А.А.Р.: "Многие люди служат другим в качестве одолжения или милости, но лишь

немногие знают, что значит служить, считая это своей обязанностью, или долгом. Стремитесь служить другим людям, выполняя свой долг, а не из милости, до тех пор, и тогда никто не будет жаловаться на вас".

Р.А.: "Вы говорите, что приняли посвящение непосредственно от святого Пророка Хидра. Что это значит?"

А.А.Р.: "Есть служители Высшей и Славнейшей Истины, которые обладают Истинной Любовью. Хидр любит их".

Р.А.: "Нам известно, что вы произносите зикр вслух. Что вы можете сказать об этом зикре?"

А.А.Р.: "А нам известно, что вы совершаете зикр в тайне. Если бы вы произносили его вслух, то узнали бы, что такое наш зикр".

Один из наиболее известных богословов того времени, Мавлана Саиф ад-дин, также спрашивал Хваджу Азизана, почему он велел своим ученикам произносить зикр вслух. Азизан ответил: "Одно из указаний Пророка, хадит-и шариф, означает, что, умирая, человек должен с последним выдохом громко возвестить о своей вере. Настоящий дервиш относится к каждому своему выдоху, как к последнему".

Шейх Бадр ад-дин, близкий друг Шейха Хасана Булгари, спросил у Азизана: "Поскольку Бог повелел нам непрестанно молиться, мы совершаем непрерывный зикр. Следует ли считать его простым повторением слов, или он исходит от сердца?" Ходжа Азизан ответил так: "Зикр начинается на языке и заканчивается в сердце".

Он давал много коротких советов, например: "Пронаблюдайте, как вы занимаетесь двумя делами одновременно – разговариваете и едите". "Молитесь губами, которыми вы не грешили", то есть, пробуждая любовь в других людях, вы произносите молитвы, которые исходят не от вас самих.

Ходжа Азизан был известен своей исключительной духовной одаренностью. Он знал внутреннее состояние своих учеников и часто отвечал на вопросы, которых они сами не могли высказать. Кроме того, о лекарских способностях Азизана свидетельствует то, что он возвращал людей с самого порога смерти. Сам Ходжа утверждал, что не исцелял людей по их собственной просьбе, а дела это, только когда получал непосредственное указание в виде голоса Бога. Он дожил до весьма преклонного возраста, но продолжал зарабатывать на жизнь ткацким ремеслом, и ни за что не соглашался отказаться от своего убого жилища. Следуя совету Хваджи Абд аль-Халика, Азизан, насколько это было возможно, откладывал супружество, и родил своего младшего сына в возрасте почти ста лет. Однако, в первую очередь, его почитали как пророка, предсказавшего события грядущего столетия, включая появление двух величайших святых, которые в полной мере показали значение Пути Трансформации. Это были Бахауддин Накшбанд и Убайдаллах Арар, каждый из которых описывал общение с Азизаном в видении. Кроме того, он предсказал повсеместный упадок религии, который должен был произойти в случае отказа человечества от возможностей, открытых Учителями.

Умирая, Ходжа Азизан послал за двумя еще жившими сыновьями, Хваджей Мухаммадом, которому тогда было восемьдесят лет, и Хваджей Ибрагимом, которому было тридцать. Своим наследником он избрал Ибрагима, объяснив недоумевавшим свидетелям, что "Мухаммад вскоре последует за ним". И, действительно, Мухаммад скончался по

прошествии всего лишь девятнадцати дней после смерти своего отца, в то время как Ходжа Ибрагим прожил еще семьдесят лет.

Основным преемником Хваджи Азизана был Ходжа Мухаммад Баба Самази. Умирая, он созвал всех своих последователей, и велел им подчиняться руководству Бабы Самази. Последний, в свою очередь, посвятил Саида Амира Куляля, который был не только потомком Пророка, но также и членом высшего аристократического круга Бухары. Отец Саида был приближенным Монгольского Хана. В молодости Саид Амир увлекался спортом и мечтал стать борцом-чемпионом. Однажды, во время одного из поединков Саида, Баба Самази проходил мимо. Он остановился и сказал своему попутчику: "Учение того человека, который сейчас борется на ринге, приведет многих людей к трансформации". Амир Куляль поймал взгляд Хваджи и был обретен. Он оставил свой поединок и последовал за Бабой Самази в его дом. Ходжа принял Амира в ученики, и вскоре после этого, он получил свое первое посвящение. Саид Амир Куляль служил Бабе Самази двадцать лет. Позже он вспоминал: "Два раза в неделю, по вторникам и четвергам, я проезжал восемнадцать миль в каждый конец, чтобы участвовать во встречах группы Хваджи". Под руководством Бабы Самази, Амир Куляль достиг окончательного освобождения и стал одним из великих Учителей. У него было четыре сына и четыре преемника.

Основной заслугой Амира Клула было руководство, которое он осуществлял над величайшим Учителем четырнадцатого века, Хваджой Мухаммадом Бахауддином Шахом, основателем ордена дервишей Накшбанд, вставшего на место Учителей, когда они прекратили свою активную деятельность столетием позже. Согласно одной известной истории, проходя деревню Каср-и Хиндуван, позже известную под названием Арифан, Ходжа обратился к своим попутчикам со следующими словами: "эта земля пахнет героем". Проходя там же вскоре, он сказал: "Запах усилился, вне всяких сомнений, герой уже родился". И, действительно, тремя днями раньше Ходжа Бахауддин Накшбанд появился на свет.

Согласно обычаям того времени, дед ребенка положил дар на его сердце и попросил Бабу Самази благословить его. Ходжа сказал: "это будет наш ребенок, мы приняли его". Затем, обернувшись к своим спутникам, он добавил: "Это тот герой, запах которого мы почувствовали. Пройдет немного времени, прежде чем благоухание распространится по всему миру, и он станет мушкил гуша людей Любви". Выражение мушкил гуша означает "раскрывающий трудности"². Затем, он повернулся к Амиру Кулялю, своему преемнику, и сказал: "Не отказывайся, если мой сын, Бахауддин, будет учить или посвящать тебя. Если же ты откажешься, то не жди от меня прощения". В ответ, Амир, положив руку на сердце, сказал: "Пусть будет мне пусто, если ослушаюсь тебя".

Бахауддин сделал больше, чем кто-либо другой из Учителей, для укрепления влияния Ходжагана. Говорили, что на него спустился покров Пророка. Читая историю его жизни, я вспомнил о словах Гурджиева из Рассказов Вельзевула, о том, что дух Ислама следует искать не в Мекке и Медине, а в Бухаре, где сохранилось подлинное значение религии. Мы ближе знакомимся с Бахауддином, чем с его предшественниками, поскольку его биография была написана под наблюдением его преемника, Хваджи Ала ад-дин Аттара. Написал ее один из учеников последнего, Салахом ад-дин аль-Мубараком, начиная с 1381, и заканчивая 1400 годом, годом смерти Хваджи. В течение последних двадцати лет своей жизни, Ходжа Накшбанд, оказывал исключительное влияние на Туркестан и Персию, хотя и отказывался от учительства почти до пятидесятилетнего возраста. Я хотел бы подчеркнуть это, поскольку, за исключением Йусуфа Хамадани, Учителя считали необходимой длительную подготовку. Я прочел краткие и не очень

краткие биографии более пятидесяти членов Ходжагана, живших между 1050 и 1530 годом, и, при этом, с изумлением отмечал исключительно скромный и кроткий образ жизни, который был характерен для всех них. Они могли работать сообща, хотя лишь сравнительно немногие из них встречались друг с другом лично, поскольку не стремились к власти, известности или материальным благам. Исключительная влияние, которую имел Ходжаган среди всех классов населения, от царей и ханов, до ремесленников и крестьян, была обусловлена именно их полным безразличием к своему личному статусу.

Еще будучи ребенком, Бахауддин обладал необычайными дарами ясновидения и целительства. Его духовные возможности были очевидны еще в самом начале его пути.

"Когда я был маленьким мальчиком, отец взял меня с собой в Самарканд, где мы встретились с главными духовными лидерами города. Мне довелось несколько раз молиться вместе с ними. Через некоторое время мы вернулись в Бухару и остановились в Квазри Арифане. Тогда же мне подарили головной убор дервиша, который когда-то носил великий святой, Азизан Али Рамитани. Как только я надел его, мое внутреннее состояние полностью изменилось. Мое сердце наполнилось любовью Бога, которая с тех пор не покидала меня, куда бы я ни шел".

Бахауддин также встал на путь унижения и кротости. Его посвящение в круг Учителей произошло в видении.

"Я часто впадал в экстатические состояния, которые старался скрывать от окружающих, отправляясь на главное кладбище Бухары. Одной ночью я подошел к трем могилам и увидел перед каждой из них по лампе, наполненной маслом, но горевшей без фитиля. Я подошел к могиле Хваджи Мухаммада Вази. Там я получил указание отправиться к могиле Хваджи Фагнави. Я увидел двух людей с мечами, которые посадили меня на лошадь. К концу ночи мы приехали к гробнице Мездакхана. Там я увидел те же самые лампы. Я наклонился к Кибле и впал в такой экстаз, что мог смотреть сквозь мир. Затем, стена вокруг Киблы растворилась, и я увидел огромный трон. На нем восседал какой-то знатный человек, но зеленая пелена мешала мне определить, кто это был.

Трон окружала толпа народа. Среди прочих я увидел Хваджу Мухаммада Самази, того великого святого. Я сказал себе: "Интересно, кто восседает на троне". Один из стоявших рядом людей сказал мне: "На троне сидит Кваджа Абд аль-Халик Гудждувани, и вокруг него собрались его преемники и последователи". Я увидел там всех Хваджей: Ахмада Салика, Авлия-и Килана, Арифа Ривгарави³, Махмуда Фагнави и Азизана Али Раматани. "Баба Самази ввел тебя в жизнь этих учителей. Ты должен почитать их, поскольку именно они дали тебе головной убор дервиша".

Тогда я вспомнил о накидке дервиша, посланной мне кем-то неизвестным. Я посмотрел вокруг себя и увидел этого человека в углу. Именно благодаря этой накидке все выказывали мне необычайное уважение. Один из Хваджей сказал мне:

"Послушай, что я скажу тебе. Великий Учитель даст тебе два совета. Следуй им, и это будет вернейшим путем к Истине". Услышав это, я встал со своего места, подошел к Хвадже и выказал желание поцеловать его глаза. Стоявшие по обе стороны отодвинули завесу. Я поприветствовал его и приложился к его благословенным глазам. Я стоял перед ним с преклоненной головой. Святой сказал мне следующее:

"Бахауддин, первый совет был указан в виде лампы. Это означает, что ты готов к этому пути, но твоя готовность подобна фитилю. Ты должен следить за ней. Человек с необходимой готовностью должен работать над собой, в соответствии со своими способностями. Второй совет заключается в том, чтобы следовать истинному пути, который был показан нам Пророком, принесшим благодать. Со времени Пророка было основано много так называемых "традиций". Не доверяй им. Ищи руководство в действиях Пророка и его соратников".

Один из присутствовавших Хваджей сказал: "Завтра незамедлительно отправляйся к Саиду Кулялю и поступай в его распоряжение. По пути ты встретишь старика, который даст тебе буханку еще горячего хлеба. Возьми хлеб, но ничего не говори. Затем ты встретишь караван, а чуть позже одинокого всадника. Всадник проявит к тебе знаки уважения. Ты должен будешь принести накидку дервиша Амиру Кулялю".

На следующий день я отправился в путь, и, как и было предсказано, встретил старика, который дал мне буханку свежего хлеба. Я пошел дальше, и через некоторое время встретил караван. Караванщики спросили меня, откуда я шел.

"Я иду из деревни Экин".

"Когда ты отправился в путь?"

"На рассвете".

"Как же ты добрался сюда так быстро?"

Попрощавшись с караванщиками, я вскоре встретил всадника. Я поприветствовал его, а он, в свою очередь, остановил свою лошадь.

"Кто ты? Ты наполнил мою душу страхом".

"Я тот человек, перед которым ты должен преклониться".

"Услышав это, он соскочил со своей лошади и со слезами на глазах обхватил мои колени. Затем он снял с лошади полный курдюк вина, бросил его на землю и преклонился передо мной".

Вне всяких сомнений, эти три происшествия символизируют способности, которыми должен был быть наделен Бахауддин. Хлеб символизировал его собственную трансформацию. Караван отображал обычный мир, в то время как путь Бахауддина лежал "вне времени и пространства", подтверждая его независимость от земных ограничений. Человек, излеченный от алкоголизма, символизирует способность освобождать людей от их недостатков, в чем Бахауддину суждено было стать настоящим мастером.

После всего этого, он отправился в Несаф к Саиду Амиру Хулалу, который принял его в свои ученики, научил зикру, и тому, как следовать пути сознательного выбора⁴. Он также порекомендовал практиковать зикр безмолвно. Видя искренность и духовную одаренность Бахауддина, Амир Куляль особым образом заботился о нем, что вызывало ревность у других учеников. Один из них пожаловался Амиру на то, что Бахауддин читал зикр про себя, тогда как все остальные ученики распевали зикр вслух. По прошествии некоторого времени, Амир Куляль вместе с приблизительно пятьюстами своими учениками был вовлечен в строительство мечети и зала для встреч. Во время отдыха, он сказал всем: "Вы не поняли моего сына Бахауддина. Он находится под особым попечением Бога, и полностью ему подчиняется. Мне вовсе не нужно руководить им". Перед всеми своими учениками, Амир подозвал Бахауддина, который продолжал носить мешки с известью, и

сказал: "Я довел тебя до того уровня, который указал мне Ходжа Баба Самази. Он велел заниматься с Бахауддином, пока то сам не сможет учить других. Именно это я и сделал. Я воспитал тебя, как свое собственное сердце. Птенец высижен и покинул свою родную скорлупу. Через тебя все человечество получит благословение. Тот, кому нужна помощь, должен просто обратиться к тебе".

Чтобы понять работу Учителей в четырнадцатом веке, мы должны обратить свой взор на Туркестан, после того, как первые Великие Ханы, Чингис, Угудай, Монгк и Хулангу, ушли в прошлое, и Монгольская Империя распалась на ряд дочерних государств. Хотя Великий Хан все еще формально оставался верховным правителем, Золотая Орда в России, династия Юань в Китае, а также Илкханы в Персии и Месопотамии, были фактически независимыми. В течение нескольких поколений все еще появлялись значительные Монгольские Ханы, но к четырнадцатому веку деградация монгольской власти уже достигла критических масштабов.

Имеет смысл сказать несколько слов о ситуации в Персии, где Илкханы стали фактически Персидскими императорами, подготавливавшими восстановление персидской независимости при Сафавидах. Во время правления Абака (1278 – 1282), монгольская терпимость в отношении всех религий распространилась на Месопотамию и Сирию. Действовало множество буддийских храмов и христианских церквей. Ислам, в свою очередь, был всего лишь одной из терпимых религий. Сам Абака был шаманистом, история повествует о том, что он особым образом приветствовал шамана, посетившего его в Табризе в 1278 году, вскоре после его вступления на престол.

При Аргуне (1284 – 1291), умершем в возрасте тридцати пяти лет, открылись небывалые возможности для диалога между религиями. Илкхан решил послать делегацию к Папе, которого он считал правителем Христианской Европы. Это было естественной ошибкой. К сожалению, многочисленным и хорошо организованным христианам Центральной Азии удалось послать своего патриарха и двух епископов вместе с представителями Хана. Папой был тогда Николай IV, избранный через год после продолжительных и постыдных диспутов, и обладавший почти деспотической властью над Христианским Западом. Во время его папства, возникла единственная возможность объединения всего христианского мира, от Атлантики до Китая, и ограничения влияния Ислама Египтом, Ираком и Индией. Однако миссия Илкахана привела Папу в замешательство. У него не было ни малейшего желания предпринять еще один крестовый поход, после кошмарных неудач Людовика во Франции и Ричарда в Англии. Константинополь был разграблен, и восточная империя переживала свои худшие дни. Папа был озабочен утверждением своей власти в районе "Святого Моря", и оказался не способен оценить духовные возможности, открывшиеся благодаря проявленному интересу монголов к Христианству.

Тем не менее, к Илкхану была послана ответная миссия, и был инициирован диалог с Несторианским патриархом. Римские делегаты настаивали на присоединении к доктрине бессмертия (Athanasian creed), которую, нужно отдать им должное, восточные теологи были готовы принять. Однако вскоре стало ясно, что Папа и его союзные императоры и цари были неспособны, или не хотели предпринять совместный поход с монголами, и возможность была потеряна.

Буддийское духовенство пришло в Персию из Индии, в то время, как мистическая, Шиитская форма Ислама стала преобладать над ортодоксальной Суннитской. Нельзя точно сказать, в какой мере эти контакты повлияли на последующее развитие Суфизма в Месопотамии. Однако, ортодоксальный Ислам все еще удерживал свои позиции в Центральной Азии.

Аргун был последним из Ханов, захороненных в тайной усыпальнице, в соответствии с древней шаманской традицией. Его смерть, в которой обвиняют "Индийского Йога", назначившего неверное лекарство (!), ознаменовала конец подлинно Монгольской эры. Некоторое время судьба различных религий определялась Илкханом Газаном. Его предшественник, Байду, был "добрым Христианином", на которого оказала влияние одна из жен Абака, Деспоина, дочь Византийского императора Палеолога. Газан был воспитан в Буддизме, во время своего правления воздвиг много Буддийских храмов и способствовал распространению Буддизма на своей территории. В то же время, его Визирь, Навруз, был обращенным в Ислам, и ему, в конце концов, удалось убедить Газана принять религию своей армии, в основном состоявшей из турков- мусульман. 19 июня 1295 года он принял Ислам, и его примеру последовали его ближайшие Амиры. Вскоре после этого, он издал указ о разрушении Иудейских синагог, Христианских церквей и Буддийских храмов, а также запрещении всех религий, кроме Ислама. У христианских историков 5 можно найти описания ужасных унижений, пережитых христианами по всей империи, от Багдада до Бухары. Таким образом, начало четырнадцатого века ознаменовалось превращением всего региона, включая Персию и Туркестан, в мусульманскую территорию. В итоге, терпимость монголов сменилась фанатизмом турок, занимавших все более значительное положение.

К этому времени, последствия монгольского нашествия были, в значительной мере, компенсированы, хотя чрезмерное бремя дани все еще осложняло жизнь, как беднякам, так и торговцам. Задача Учителей заключалась, в основном, в реконструкции, о чем можно судить, в частности, по истории сооружения мечетей Амиром Куляльем.

Ко времени прихода Бахауддина Накшбанда, Ислам преобладал повсеместно. Соответственно, изменилась и роль Учителей. Они стали, по большей части, заботиться о поддержании мира и социальной справедливости.

1 - Прим.ред. оригинала: Беннетт имеет в виду контакты между христианами Европы и христианами монгольской территории, осуществлявшиеся вплоть до конца правления Монгка (1259 год).

2 - Персидский суффикс гуша означает открытие, расширение. Например, кишвар гуша означает "завоеватель".

3 - Мухаммад 'Ариф Ривгари (прим.ред.).

4 - В арабском варианте, нафи ва итхабат, то есть, отвержение и утверждение. Отвержение действий, продиктованных эгоизмом, и подчинение руководству сознательности (совести).

5 - cf., Barhebraeus, The Chronography of Gregory Abu'l Faraj, translated Budge, London 1932, p. 507.

ГЛАВА 9. ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ

Работа с учениками – Сухбат – Резюме собраний с Аттаром – Типичная программа работы – Тренировка Бахауддина – Сознательный труд и преднамеренное страдание – Цепочка передачи – Хидр – Духовный опыт Бахауддина – Его учителя – Работа с Халил Ата – Визит к царю Герата – Унижение и обязательство – Значение марифат – Джазба – Убайдаллах Ахрар – Его молодость – Его мечты – Его состояние изолированности – Его учителя – Земледелец – Инициация Йакубом Чархи – учение Арара – Мавляна Джами – Его отказ от науки и математики – Его уход – Встреча с Араром – Исчезновение Учителей Мудрости из Центральной Азии.

В соответствии с традицией Учителей, ученики проходили долгую и суровую подготовку, что напоминает нам о Ессейском Братстве и Волхвах. Только те, кто выдерживал трудности многолетней подготовки, допускались к окончательному посвящению и вступали в круг Учителей. Ходжаган считался династией, главенствовавшей в сфере духовной жизни Центральной Азии в течение четырех или пяти веков. Действительно, во многих случаях сын продолжал дело отца, или передача осуществлялась по женской линии особым образом избранному зятю. Впрочем, несмотря на все это, достойный ученик со стороны вполне мог обратиться к Учителю и предложить свои услуги. В случае если Учитель соглашался, этот ученик получал равные условия с семьей Учителя. Из описаний методик обучения следует, что не было никаких четких правил подготовки учеников; напротив, разные ученики обучались по-разному, и разные Учителя обучали по-разному. Некоторые ученики оставались с одним и тем же учителем в течение десяти, двадцати или даже тридцати лет; некоторых по прошествии определенного времени отсылали к другим учителям, а некоторых даже оставляли искать свой собственный путь. Некоторых учеников подвергали крайним трудностям, и заставляли проходить тяжелейшие испытания. Часто таких учеников потом принимали в семьи Учителей и женили на их дочерях. К другим ученикам относились с особым непонятым вниманием и уважением, пока они не догадывались, что их выставляют на посмешище.

Такие крайние методы подготовки учеников во многих случаях создавали неправильное впечатление, и более поздние учителя, пытавшиеся имитировать Учителей мудростей, совершали, в связи с этим, много ошибок. Подготовка Учителей непостижима. Ученики развивались в условиях строжайшей самодисциплины, благодаря чему, тело полностью подчинялось воле. Кроме того, Учителя требовали личного унижения, что делало бессмысленными лесть и осуждение, а также воспитывало безразличие к удаче или поражению. Безусловно, эти качества не могли развиваться иначе, как путем многолетних единодушных усилий. Когда ученики обретали эти качества, Учителя показывали им, как получить духовные силы, обеспечившие Учителям главенствующие положение в Центральной Азии. Кроме того, благодаря этим же силам, Учителя, в конце концов, стали оказывать влияние на весь мусульманский мир.

Не все ученики были способны достичь стадии самоотвержения, подобающей Хвадже. Можно выделить три категории саликов, искателей истины. Первую составляли кандидаты, которых Учитель допускал к общей подготовке. Они практиковали зикр, посещали групповые встречи, сухбат, и принимали участие во внешней деятельности, например, в реставрации зданий и сельскохозяйственных работах. На их долю выпадало мало индивидуального обучения, поскольку у Хваджи могло быть от двадцати до нескольких сотен саликов, входящих в круг халка. Ко второй категории относились хадины, служители, лично обучавшиеся Учителем. Третью категорию составляли халифа,

которые могли передавать и хранить традицию. Они избирались из числа кандидатов и служителей для прохождения особой подготовки, обычно под руководством более чем одного Учителя. В течение долгих веков духовной деятельности Учителей, халифа были известны как люди исключительных духовных качеств, и, в основном, именно они были причиной высокого мнения об Учителях.

Современный мир нуждается в учителях, и многие люди, совершенно не соответствующие стандартам Ходжагана, называют себя руководителями, гуру или шейхами. Я думаю, многих удивит, если я скажу, что Учителя Мудрости считали нормой тридцати и даже сорокалетнюю подготовку, прежде чем ученика допускали до руководства, иршад, или проявления духовных сил, карамат.

Критерии принятия кандидатов были заложены Абд аль-Халиком Гудждувани и с тех пор мало изменились. Единственное важное новшество ввел Бахауддин Накшбанд, который был известен как толкователь снов. Когда к нему приходил молодой человек, он отсылал его на три дня, после чего просил рассказать о своих снах. Если его сны соответствовали собственному внутреннему видению Бахауддина, то он обычно принимал кандидата, но, тем не менее, он должен был пройти ту же стадию послушничества, которую установили предыдущие учителя.

Основу подготовки составляли: самодисциплина в отношении пищи, сна и других видов телесной деятельности; зикр, повторение имени Бога; участие во встречах группы, сухбат, а также выполнение практических задач. Во время разрухи, последовавшей за Монгольским нашествием, Учителя и их ученики занимались, по большей части, сооружением домов для бездомных, мечетей и школ, а также обучением людей ремеслам. Учение, в основном, излагалось на встречах групп, в форме ответов на вопросы. Нам очень повезло, поскольку один из последних Хваджей, Фахр ад-дин Али Хусейн аль-Вайз Кашифи, оставил очень подробные записи в своей книге Рашахат Айн аль-Хаят, "Капли росы от весны жизни". Он присутствовал на встречах многих Учителей, включая Убайдуллу Арара и Джамии, а также слышал рассказы о более древних учителях от их собственных учеников и потомков. Фахр ад-дин говорит, что подробно записывал все, что ему удавалось узнать, без каких-либо собственных комментариев. В пример можно привести следующий отрывок, описывающий встречу группы Хваджи Ала ад-дина Аттара в середине четырнадцатого века.

В. "Какова цель аскетизма? Предназначен ли он для преодоления желаний плоти?"

О. "Нет, его цель заключается в преодолении нашей зависимости от физического мира. Это способ вознестись в миры духа и истины".

В. "Почему одни ученики должны идти путем полного подчинения и преданности учителю, тогда как другие, похоже, могут быть предоставлены самим себе?"

О. "Когда человек находится в начале своего пути, очень важно, чтобы его сердце было привязано к руководителю. Его учитель и руководитель представляет собой, как бы, зеркало божественной истины, и рассматривая учителя с этой точки зрения, ученик стремится к самоотвержению, фана, и тянется к Богу, джазба. Без такой преданности, глаз Истины не может открыться. Именно по этой причине, в начале своего пути человек должен, прежде всего, привязать себя к учителю, пока не избавится от собственной привязанности ко внешнему миру. Если же он не делает этого, то сбивается с пути и упускает чувство ничтожности. Вне всяких сомнений, очень важно соблюдать правильный порядок. Впрочем, для опытного человека

такая связь не будет на пользу, поскольку опытный в этих вопросах человек приходит к неотожествлению. Для него все становится зеркалом абсолютного совершенства. Для него все вещи этого мира имеют одинаковую ценность: океан не больше чем ручеек, солнце не больше чем пылинка в его лучах. Для достигших этой стадии, зеркало учителя будет ограничением и нежелательным обстоятельством; они должны быть предоставлены себе".

В. "Что может служить видимым признаком опытного человека?"

О. "Цель работы заключается в преодолении всех интересов, деятельности и зависимости, являющихся препятствием на пути к истине. Например, наш Ходжа Бахауддин относился ко всему, как если бы это не имело к нему отношения. Например, если случалось так, что он одевал новую одежду, он говорил, что это не его кафтан, и он, якобы, одолжил его на время. Тот, кто не привязан ни к вещам, ни к деятельности, будьте уверены, утвердился на своем пути".

В. "При помощи какого критерия мы можем оценивать собственный прогресс?"

О. "Выкидывая из своего поля зрения мир материи и мир духа, мы достигаем фана. Когда вы оставляете позади чувство собственного существования, вы достигаете пустоты в пустоте, фана-и зат. Идущего по пути тянет назад именно его собственное существование. Получить совершенное знание ему мешает неспособность отказаться от относительного знания; достичь абсолютного духа мешает неспособность отбросить относительный дух".

В. "Может ли человек отказаться от всего этого по собственной воле?"

О. "Желательно, чтобы был руководитель с духом Мухаммада в себе, чтобы сердце могло потерять свое собственное существование во имя существования руководителя. Тем не менее, когда опустошение доходит до последней стадии, руководитель больше не нужен, поскольку окончательный отказ каждая душа должна совершить самостоятельно".

В. "Заключается ли цель этого отказа только в том, что существование человека, на самом деле, не существует, или нужно получить еще что-то помимо знания?"

О. "Необходимо прибавить к знанию веру. Мухиддин ибн аль-Араби, в книге Футухат использовал следующее выражение: "Единство веры и понимания". Не всякий мудрый человек способен достичь этого единства. Оно присуще истинным святым".

В. "Что может сделать шейх, и что должен ученик делать самостоятельно?"

О. "Великие учителя говорили, что успех приходит только к тем, кто работает. Помощь, которую может дать учитель зависит от готовности ученика работать и подчиняться указаниям. Без упорного труда невозможно добраться до глубоких уровней смысла. В то же время, добившийся успеха человек, то есть учитель, может влиять на ученика всего несколько дней. Есть выражение: "настойчивость невозможно привить". Работая в группах Хваджи Бахауддина, мы старались с утра до ночи держать в голове свою цель. Однако лишь очень немногие среди нас могли продержаться целый день".

В. "Периодически, выполняя наше упражнение, я ощущаю переход в другое состояние, но не могу удержать его. Что здесь не так?"

О. "Здесь не ничего неправильного. Вполне может случиться так, что, стараясь поддерживать собственное присутствие, ученик ощущает себя в необычном состоянии, но сразу же выходит из него. Не следует впадать в уныние по этому поводу. Настойчивость и постоянные усилия делают проще переход в это состояние, пока, наконец, человек не утверждается в нем. Благодаря постоянным усилиям, ученик может достичь ангелоподобного состояния, и, находясь в этом чистом состоянии, он способен видеть и принимать свою ничтожность. Именно таков путь достижения окончательной свободы".

В. "Рекомендуете ли вы посещать могилы умерших Учителей?"

О. "Польза, получаемая от посещения могилы Учителя Мудрости пропорциональна вашему пониманию его учения и вашей вере в него. Чем больше понимания и веры, тем больше пользы вы вынесете из такого посещения. Безусловно, посещая священные могилы, можно ощущать грандиознейшие силы, но не следует забывать и о том, что можно общаться с духами умерших Учителей и на расстоянии".

В. "У нас есть указание подражать своему учителю, но также есть указание научиться не подражать ему. Как объяснить такое видимое противоречие?"

О. "Когда вы встаете на путь, вы обязательно должны подражать, поскольку не знаете, как работать самостоятельно. Однако, подражая, вы, в конце концов, приходите к своему собственному пути достижения реальности. Ходжа Накшбанд велел мне подражать ему до мельчайших деталей, и чем упорнее я подражал ему, тем отчетливее видел результат в будущем".

От каждого кандидата требовалось выполнение тяжелой физической работы, духовных упражнений и участие во всех религиозных обрядах. Встречи групп, об одной из которых шла речь только что, редко проводились чаще, чем раз в неделю. Однако, в большинстве случаев, имела места также и непосредственная личная подготовка. В качестве примера такой системы можно привести воспоминания Саида Ахмада Бухари, пересказанные им Мавлане Джами. Учителем Ахмада был Шейх Илахи. С разрешения учителя, Ахмад совершил паломничество в Мекку, проведя некоторое время в Иерусалиме и почти год в самой Мекке. После двухлетнего отсутствия он вернулся к своему Учителю в город Симава, Малая Азия. Ахмаду тогда было уже за сорок. Встретивший его в Симаве шейх велел ему совершать в монастыре молитву пять раз в день. Первая молитва совершалась на рассвете, и сразу же после нее, Ахмад отправлялся в холмы за дровами. Этим он занимался до полуденной молитвы, за которой следовали сельскохозяйственные работы. В зависимости от времени года, Ахмад пахал, сеял или собирал урожай. Кроме того, время от времени, ему приходилось, подпоясавшись полотенцем, работать в ирригационном канале огорода и фруктового сада. После дневной молитвы, он работал по дому, а также совершал зикр и другие подготовительные упражнения. Вечер был временем общих встреч и уединенной медитации. Сам шейх проводил основную часть ночи в молитве и медитации. Он никогда не спал в кровати, и ночью уходил в лес, где, прислонившись к дереву, спал в течение часа. Некоторые ученики находили в себе силы следовать его примеру. Были также и частые дополнительные посты, устанавливавшиеся помимо общемульманского Рамадана. Так продолжалось около шести лет, и после смерти шейха ученики попросили Саида Бухари быть их учителем и наставником. Позже,

они переехали в Стамбул, где построили себе центр в Галате со своей собственной маленькой мечетью и корпусом отдельных келий.

Таковыми были типичные взаимоотношения между хадидами, служителями, и учителем. У кандидатов же, как правило, была собственная профессия или ремесло, и они посещали учителя настолько часто, насколько это было возможно, но не жили в его доме.

Как только Ходжа видел, что ученик готов совершить быстрый скачок вперед, он давал ему особую программу работы. Так, Бахауддин Хакшбанди пишет, что, когда ученики покинули Халил Ата, после завоевания и разграбления Самарканда узбеками, ему было велено посвятить свою деятельность растительности. Он должен был постичь суть растительной жизни, заботясь о растениях, а также понять место беспозвоночных в жизни человека. Бахауддин часто ходил по улицам города, и если ему на глаза попадалась, например, измученная или болеющая лошадь, то он ухаживал за ней и старался вылечить. Однажды, в разгар лета, очень жаркого и сухого в Бухаре, он увидел на пустыре кабана, неотрывно смотревшего на солнце, и подумал: "это создание тоже по- своему славит Бога". Бахауддин мысленно попросил кабана помолиться за него, и тот, вдруг, принялся кататься по песку, а затем поднялся, поклонился солнцу и потихоньку побрел прочь. Вернувшись к учителю, Бахауддин услышал следующие слова: "Теперь ты понял, что все создания по-своему славят Бога. Теперь тебе предстоит сосредоточиться на заботе о материальном мире. Ты должен будешь ходить по улицам и убирать все непотребные вещи, которые могут причинить вред людям". Некоторое время Бахауддин занимался этим, особенно стараясь сохранять себя и свое тело в строжайшей чистоте. Его учитель был очень категоричен в отношении личной чистоты, что даже выходило за рамки ритуальных омовений. В связи с этим, все ученики должны были каждый день стирать свое белье и держать все в безупречной чистоте.

В это время, ужасная эпидемия чумы 1357 года стала причиной колоссального бедствия в Туркестане, однако, сам Бахауддин, и никто из учеников Ходжагана не заразился. Исходя из наших сегодняшних знаний, мы можем сказать, что причиной были их особенные требования к личной гигиене, но тогда люди считали, что Ходжаган находился под особой опекой Бога. В течение года эпидемии, ученики старались облегчить страдания своего народа и, не взирая на опасность для собственной жизни, брали к себе детей и подростков, заботясь об их чистоте, в соответствии с указаниями учителя.

История Ходжагана переполнена описаниями подобных трудов и страданий. Однажды Бахауддин Накшбанд сидел в Мечети деревни Ривартун, прислонившись к одной из колонн. Сам он пишет следующее о произошедшем тогда: "Внезапно я погрузился в некое состояние сознания, которое распространилось по всему моему телу, и ощутил, что все мое существо растворяется. Потом я потерял сознание, не знаю на сколько времени, и очнулся, услышав внутри себя голос: "Знай, что ты достиг своей цели". Я пришел в себя, осознавая, что призван помочь многим людям найти свой путь в этом мире. Будучи еще молодым человеком, я однажды помолился: "Господи, дай мне сил вынести тяготы этого пути, и позволь мне пройти через все труды и страдания, возможные для меня". Моя молитва была услышана, и я много страдал в дни моих поисков, но теперь пришло время мне стать учителем, и я был освобожден от бремени труда и страданий".

Монолог Бахауддина Накшбанда напоминает нам слова Гурджиева: "Бог дал человеку способ самосовершенствования, заключающийся в сознательном труде и преднамеренном страдании". Судя по этому и многим другим высказываниям, можно говорить о связи между Гурджиевым и традицией Учителей Мудрости. Эта традиция, в свою очередь, тесно сопряжена с доктриной силсила-и барака, или передачей скрытого духовного

действия. Само действие получило название барака, благословение, и истоки учения о нем уходят в прошлое, как минимум, до Зороастрийского хварено, и, безусловно, это учение существовало на момент появления первых Учителей. В той или иной форме, оно присуще всем традициям. Так, мы уже встречались с ним, обсуждая апостольскую преемственность Соборной (Католической)¹ церкви, а также раввинскую традицию Иудаизма. Кроме того, преемственность фигурирует и в Индийской традиции, берущей свое начало от великих святых, Капила и Шанкара. В то же время, существует важное различие между верой в уникальную значимость какой-то одной линии преемственности, что имеет место, например, в Соборной (Католической) церкви, и пониманием того, что это духовное действие имеет универсальное значение, хотя и принимает различные формы, в зависимости от особенностей конкретной традиции. Безусловно, в настоящей книге развивается вторая точка зрения, и за основу взято то очевидное обстоятельство, что высший разум, Демиург, направляющий эволюцию на нашей планете, все полнее использует человека в качестве инструмента в своей деятельности. При этом силсила означает непрерывность действия в течение многих поколений. В свою очередь, барака, благодать, действующая в различных традициях, является проявлением, ощутимым для всех тех, кто способен воспринимать его непредвзято. Именно на этом, главным образом, основывается наша вера в провидение. Кроме того, именно по этой причине значение Учителей Мудрости выходит далеко за рамки Центральной Азии, где они действовали с одиннадцатого по шестнадцатый век.

Здесь я должен сказать несколько слово вере в невидимого пророка, который может появляться во множестве различных форм. Это Хидр, облаченный в зеленое. Связь между Хидром и зеленым цветом свидетельствует об исключительной древности этого верования, уходящего в прошлое к началу земледелия, на десять или двенадцать тысяч лет назад. Считается, что Хидр может появляться и исчезать по собственной воле; что он знает о происходящем таинственно и является связующим звеном между Учителями Мудрости. Снова и снова мы обнаруживаем в записях, что такой-то учитель был посвящен непосредственно Хидром; и, если появлялась какая-то новая техника, например, новый способ исполнения зикра, это приписывалось не Учителю, а Хидру, воодушевившему его на такое нововведение. Следует отметить, впрочем, что я не встречал ни одной записи о том, чтобы кто-либо из Учителей прямо утверждал, что был посвящен таким способом. Эти предположения всегда исходили от учеников. Так, когда Шейх Рукн ад-дин спросил у Хваджи Азизана Али Рамитани, правда ли, что он получал наставления от Святейшего Пророка Хидра, Азизан ответил: "Хидр любит некоторых почитателей Бога, Всеславного и Всемогущего". Из этого загадочного ответа все сделали вывод, что Азизан действительно был посвящен Хидром, но не был готов заявить об этом открыто.

Поздние летописцы делали все возможное, чтобы показать линию преемственности Учителей, восходящую к Пророку Мухаммаду, и обычно приводилась цепочка посвященных, берущая свое начало от одного из четырех первых Халифов, в особенности, Абу Бакра и Али. В более ранних записях об Учителях, в качестве основателя традиции называется Йусуф Хамадани. Последний, как мы уже говорили, был связан с традицией Волхвов. Впрочем, мусульманские писатели никогда не были склонны признавать свой долг перед Зороастризмом, поскольку об этом прямо не говорится в Коране. В то же время, считалось, что "Учитель Учителей", Ходжа Абд аль-Халик Гудждувани, сформулировавший принципы жизни Учителей в восьми "предложениях", обладает исключительными способностями, позволяющими ему являться Учителем, не только во время своей жизни, но и в дальнейшем. Именно он подготовил Ходжаган к той роли, которую он должен был сыграть в период Монгольского нашествия. Во всех описаниях Учителей и их деятельности особым образом подчеркивается цепочка передачи. Если

выдающийся человек не получал окончательного посвящения, его обычно называли "Мавлана" или Шейх, но не Ходжа. В случае Ахмада Ясави, его последователей называли Ата, однако, по-видимому, считалось, что они принадлежали к династии Учителей, и многие Хваджи, включая Бахауддина Накшбанда проходили часть своего обучения у Шейха ордена Ясави.

Из истории Бахауддина Накшбанда можно многое понять о совмещении внутреннего действия с подготовкой под руководством Учителя.

"Однажды, после продолжительного исполнения зикра, я услышал голос тишины в своем сердце.

- Ты встаешь на этот путь. Что ты хочешь от нас, и какие условия ставишь?

- Пусть произойдет то, чего я хочу.

- Нет, так не может быть. Ты должен будешь следовать нашим указаниям.

- Я не могу обещать этого, поскольку у меня может не хватить сил. Что, если вы попросите меня выполнить трудное задание, которое будет выходить за рамки моих возможностей?

- Нет, то, что мы скажем, нужно будет выполнить.

- Я не смогу. У меня не хватит сил.

В этот момент я потерял сознание. Моя самость покинула меня. В течение десяти дней я не знал, куда шел и что делал. Затем, я снова услышал тот же внутренний голос.

- Все в порядке. Ты принял². Все, что ты попросишь, будет исполнено".

В другом описании Бахауддин приводит типичный случай из своей жизни. Не совсем ясно, произошло ли это до или после того посвящения, о котором только что велась речь. Он пишет:

"Однажды, я впал в экстатическое состояние. Я снял с себя всю одежду и укутался в овечью шкуру. С голыми ногами и головой, я стал бродить по пустыне. Я все бродил и бродил, и мои ноги были исколоты бесчисленными колючками. Вдруг я почувствовал, что должен незамедлительно отправиться к Амиру Кулялю. Когда я вошел в дом, Амир спросил:

"Кто это?" Стоявшие вокруг сказали:

"Бахауддин, господин".

"Вышвырните его вон".

Они взяли меня под руки и вышвырнули за дверь, захлопнув ее перед самым моим носом. Во мне вспыхнула ярость, и моя душа жаждала отмщения. Но мне на помощь пришла благодать божья, и я сказал: "Это унижение служит способом служения Всемогущему. Это должно быть так, и не может быть иначе".

С этими словами я положил свою голову перед дверью дома Амира. Всю ночь я не отходил от двери. Когда наступило утро, Саид вышел из дома, чтобы пойти на молитву, и задел ногой мою голову. Увидев меня распростертым, он протянул руку и поднял меня. Затем он привел меня в дом и вынул колючки из моих ног, ласково разговаривая со мной. Потом он снял свой собственный кафтан³ и надел его на меня, сказав:

"Сын мой, только ты достоин носить этот кафтан".

Картина этого момента никогда не покидает меня. Я вижу себя и своего шейха вместе. Каждый раз, когда я выхожу из дома, я смотрю на порог, но я еще ни разу не видел дервиша, положившего голову на землю. Больше нет учеников: все они стали шейхами".

После обучения у Саида Амира Куляля, наставником Бахауддина стал Мавлана Ариф Диккарани, второй преемник Амира Куляля. Среди учителей Бахауддина был также Мавлана Бахауддин Кишлаки. Он был тестем Арифа Диккарани, который, в свою очередь, обучался вместе с ним, прежде чем присоединиться к Амиру Кулялю. Бахауддин Кишлаки называли наиболее выдающимся духовным лидером и наставником своего времени. Он владел наукой и обладал духовностью в равной степени. Кроме того, считалось, что он обладал необычайными дарами ясновидения и целительства. Бахауддин Накшбанд впервые встретил Мавлану Кишлаки в зимних кварталах Султана Мубарака Шаха. Он сказал ему: "Ты птица, летающая так высоко, что только Ариф Диккарани может быть твоим другом и товарищем". Эти слова пробудили в Хвадже Накшбанде горячее желание встретиться с Арифом. Не сказав ни слова, Кишлаки взобрался на крышу своего дома и, повернувшись лицом на юг, три раза прокричал "Ариф, Ариф, Ариф!" В то время, Ариф сеял хлопок на поле в двенадцати парасангах (девятьюстами километрах) от того места. Получив послание, он отправился в путь в полдень, и прибыл как раз к вечерней трапезе.

В тот же день началась дружба между ним и Накшбандом. Ариф стал учителем Бахауддина Накшбанда. В своих записях, Накшбанд говорит о годах, проведенных с Арифом, как о времени "не прекращавшегося стремления к освобождению". Они вместе путешествовали по Туркестану, Персии и Ираку, а также совершили паломничество в Мекку. Накшбанд постиг ценность унижения. Ариф никогда не принимал никаких подарков, считая их губительными для принимающего. Он говорил: "Приносящий дар обретает барака, достоинство (заслугу), теряемое принимающим. Только совершенный человек обладает благодатью, делающей дары безвредными. У меня нет такой благодати".

Почувствовав приближение своей смерти, Ариф Диккарани послал за Хваджей Бахауддином, который с поспешностью следовал из Мерва в Бухару. Ариф лежал на смертном одре в своей родной деревне Диккаран. Он также послал за Мухаммадом Парсой, тогда еще молодым послушником, и, обращаясь к обоим, сказал: "Вы знаете, что между нами существует полное единство. Мы прошли вместе долгий путь. Пришло время расстаться. Я наблюдал ваши взаимоотношения и хочу, чтобы Мухаммад перешел в служение Бахауддину и облегчил его бремя. Он дойдет до конца пути и достигнет окончательного освобождения. Ты не должен брать на себя его бремя". Ариф умер через три дня. В Рашахате сказано, что сотрудничество Бахауддина и Арифа продолжалось тридцать лет, и что они были готовы идти куда угодно, чтобы найти "Людей Истины".

После смерти Арифа, Бахауддин Накшбанд, следуя совету Амира Куляля, отправился к Шейху Казиму, одному из преемников Ахмада Ясави. Хотя Бахауддин пробыл с Казимом

всего три месяца, между ними завязалась теснейшая дружба, и когда бы Шейх Квазим ни приезжал в Бухару, он всегда приглашал Бахауддина. Не похоже, чтобы между ними существовали отношения ученика-учителя, скорее просто шейхам китайского Туркестана были известны определенные техники, привлекавшие Учителей.

После обучения у Шейха Казима, Бахауддин, в результате одного видения давностью в несколько лет, перешел под опеку Халила Аты, величайшего из турецких Шейхов. Эта история описана в Нафахат аль-Унсе. Видение пришло к Бахауддину во время его послушничества: ему было сказано найти дервиша по имени Халил и по его портрету, также явленному в видении. С тех пор, Бахауддин постоянно был начеку. "Однажды, – говорит Бахауддин, – когда я был на Большом Базаре Бухары, я увидел и узнал его. Из-за толпы я почти сразу же потерял его из виду. Я спросил у людей его имя и, узнав, что это был Халил Ата, чрезвычайно расстроенный вернулся домой. Затем пришел привратник и сказал: "Тот дервиш, Халил, хочет видеть тебя". Это был очень жаркий летний вечер, я схватил горсть фруктов и побежал к его дому. Увидев его, я сразу же попросил разрешения рассказать о своем видении, но он сказал мне по-турецки: "К чему старые сны теперь, когда мы рядом друг с другом?" Меня настолько тянуло к нему, что я бросил все свои дела и попросился к нему в ученики".

Вскоре после этого, Халил Ата унаследовал Туркестанский престол. Он был потомком Чингисхана и правил в Бухаре шесть лет, во время которых Бахауддин оставался в его служении. Историки Центральной Азии отзываются о Халиле, как о добром правителе, который не ввязывался в завоевательные войны, и старался, по примеру своего отца, восстанавливать урон, нанесенный Монгольским нашествием. В то же время, Халил натолкнулся на трудности с крупными землевладельцами и официальными духовными лидерами, которые были обязаны своей влиятельностью своему первоклассному образованию и опыту. Халил пытался поддерживать равновесие, используя для этого влияние Учителей на народ. В то время активно развивалась торговля между Китаем и Западом, и в этой ситуации Самарканд и Бухара стали крупными караванными центрами. Крупные землевладельцы финансировали торговцев и участвовали в их прибылях. Хотя Халила очень любили и уважали простые жители Самарканда и Ташкента, он пробудил враждебность у знати, и только благоговейный трепет перед кровью Чингисхана позволил Халилу удерживать свою власть, не прибегая к массовому истреблению своих потомков, что было обычном делом среди Ханов того времени.

Бахауддин усиленно занимался административной работой. Тем не менее, Халил находил время, чтобы обучать его. Так, в своей автобиографии Бахауддин пишет: "Он проявлял ко мне огромную доброту. Он учил меня, как служить, иногда суровыми методами, иногда мягко. Мне удавалось добиваться значительных успехов в духовной сфере. Халил Ата однажды сказал: "Тот, кто помогает мне во имя Всемогущего Бога, станет великим среди людей". Он часто повторял эти слова, и я очень хорошо понимал, что он имел в виду".

По прошествии шести лет Султанат пал в результате восстания, поднятого знатью и поддержанного армией. В центральном Туркестане наступил хаос. "В мгновение ока, – писал Бахауддин, – были втоптаны в землю усилия многих лет. С тех пор я потерял всякую надежду на дела этого мира. Я увидел, что лучшие из лучших беспомощны перед лицом жадности и эгоизма людей. Я покинул Самарканд, возвратился в Бухару и поселился в деревне Ривда в нескольких километрах от города".

Лишь в возрасте пятидесяти лет Ходжа Бахауддин взял на себя роль муршида. В этом качестве он пробыл двадцать четыре года, вплоть до своей смерти в 1389 году. Во время своего Учительствования он второй раз совершил паломничество в Мекку, на этот раз, в

сопровождении Мухаммада Парса. Затем, он отправил Парса и других попутчиков в Нишапур, а сам решил встретиться с Мавланой Зайн ад-дином Тайхади в Герате. Возвращаясь из Мекки, Бахауддин пробыл некоторое время в Мерве, а затем поселился в Бухаре, где и прожил остаток своей жизни.

В течение двадцати четырех лет своего Учительствования Бахауддин пользовался исключительной репутацией в Исламском мире. Рашахат повествует о том, как влиятельные люди просили его совета в важных решениях. Однажды, правитель Герата послал сказать, что горячо желает посоветоваться с Бахаудином, и пригласил его в качестве гостя в Герат. Бахауддин сказал своим ученикам: "В наши обязанности не входит общение с царями и султанами, но, если я не поеду к нему, то он сам прибудет сюда, а это будет бременем для дервишей и бедствием для народа. Поэтому, мне лучше поехать в Герат".

Правитель принял Бахауддина с пышными почестями. Крупные землевладельцы, богатые торговцы и духовенство – все были собраны, чтобы выразить свое уважение. Однако Ходжа никак не отреагировал на этот спектакль. Кроме того, не будучи уверенным в чистоте пищи, он даже не притронулся к блюдам за трапезой. Даже когда ему принесли свежайшую и соответствующую всем общепринятым правилам дичь, он не стал ее есть. Правитель лично упрашивал его съесть хотя бы кусочек, но Ходжа был непреклонен.

Царь задал ему несколько вопросов: "Унаследовал ли ты свое Учительство?" Бахауддин ответил: "Это не наследие, а призвание. Эта благодать сошла на меня как дар".

В. "Считаешь ли ты правильным уединение?"

О. "Высказывание "одиночество в толпе" принадлежит одному из величайших людей нашего пути, Хвадже Абд аль-Халику Гудждувани".

В. "Что означает "одиночество в толпе"?"

О. "Внешне быть с людьми, а внутренне – с Богом".

В. "Способен ли человек достичь этого?"

О. "Если бы это было невозможно, Бог не дал бы такого указания в Коране".

В. "Некоторые шейхи говорят, что Святость превосходит Пророчество. Какого Святого следует почитать больше, чем Пророка?"

О. "Это относится к святости самих Пророков. Святость Пророка превышает его дара пророчества".

После этой беседы Ходжа встал и отправился в гостевой дом Абдаллаха Ансари. Он не принял ни одного из драгоценных даров, присланных царем. Он сказал: "Всю мою жизнь Бог позволял мне обходиться без даров от кого-либо, и я не изменю своих принципов и теперь". Тогда царь послал ему кафтан, шарф и шаль, которые он купил на деньги, заработанные собственным трудом, и поэтому ничем не запятнанные, умоляя принять хотя бы эти подарки. Но Бахауддин опять отказался, несмотря на то, что у него вообще не было кафтана, а тюрбан был скорее похож на старую тряпку.

Ходжа Бахауддин часто постился, но когда к нему приходил гость, он нарушал свой пост, чтобы достойно принять его. Однажды один из его учеников отказался разделить трапезу с гостем, сославшись на пост. Ходжа сказал: "Этот человек далек от Бога, иначе бы он увидел Бога в госте и исполнил свои обязанности".

Некоторые высказывания Бахауддина дают представление о методах передачи, использовавшихся Учителями.

"Начав выполнять упражнение зикр, я ощутил, что нахожусь вблизи от очень важной тайны. С тех пор я стал пытаться постичь эту тайну".

"В дни моего ученичества, в соответствии с наставлениями Хваджи Баба Самази, я прислушивался ко многим традициям и беседовал со многими образованными людьми. Тем не менее, основных успехов на своем пути я добился благодаря унижению. Я пошел этим путем, и именно так мне удалось достичь всего, что у меня есть".

"Отрицание, унижение и уничтожение себя составляют основу этого Пути. Именно это дает повод надеяться на успех. Так, я прошел через все человеческие состояния и познал их особенности. Я увидел, что все сущности по своей сути лучше меня. Наконец, я пришел к классу существ, потерявших свою ценность и репутацию. Я нашел в них много хорошего, не найдя этого в себе. Я вошел в состояние собаки, думая не найти в нем ничего привлекательного. Однако я постепенно понял, что это состояние ничуть не хуже любого другого. Я знаю себя лучше, чем кого-либо еще; я хуже собаки. Как бы я не рассматривал свое состояние, оно не стоит и выеденного яйца".

"Я научился должной преданности Поиску Истины у игрока. Однажды мне довелось наблюдать, как игрок проиграл все свои деньги, но, когда друг стал упрашивать его остановиться, игрок ответил: "Друг мой, если бы даже мне пришлось сложить свою голову за эту игру, я бы не смог поступить иначе". Такой ответ глубоко изумил меня, и с тех пор я искал Истину с тем же единодушием".

"Мы придерживаемся традиции совместных обсуждений. Уединение ведет к славе, а слава таит в себе большую опасность. Правильный путь заключается в групповой работе. Следующие этому пути находят много преимуществ в групповых встречах".

"Мы принимаем не всех, и в наш круг войти очень не просто".

"Очень сложно соответствовать надлежащим условиям принятия. Либо нет соответствующего ученику Учителя, либо есть Учитель, но нет приемлемых учеников". Это было сказано по случаю принятия Якуба Чархи в халка⁴.

"Когда я руководил группами, я всегда считал должным прислушаться, если двое или трое учеников беседовали между собой. Если они говорили о Боге, то я был счастлив, если же они говорили о чем-либо еще, я становился грустным и у меня было тяжело на сердце".

"Мы служим средством достижения цели. Совершенно необходимо, чтобы ученики заостряли свое внимание не на нас, а на цели".

"У всех сердец одинаковые возможности, но они различаются между собой по

практической мудрости".

"Если бы я следил за ошибками своих друзей, я остался бы без единого друга. Не существует безупречных друзей. Все любят хороших людей. Высшая задача заключается в том, чтобы научиться любить плохих людей".

Один известный и образованнейший человек спросил, в чем состоит цель пути, которым следуют Учителя. Ходжа Бахауддин ответил: "в открытии людям практической мудрости". "Что это значит?" – спросил собеседник.

"Предшественники сообщили нам о том, во что следует верить, но это всего лишь сообщение. Обретение и открытие практической мудрости заключается в том, чтобы показывать людям, как найти это в своем личном опыте".

"Человек не способен раскрыть тайну объединения, тавхид. В то же время, обрести практическую мудрость, марифат, трудно, но возможно".

Зять и первый преемник Бахауддина, Ходжа Ала ад-дин Аттар, часто рассказывал, как через некоторое время после своего вступления в халка, он разговаривал в Раматане с "человеком пути" о сердце. "Я сказал, что не знаю истинной природы сердца. Этот человек ответил, что, по его мнению, сердце похоже на трехдневную луну. Я рассказал об этом нашему дорогому Хвадже Бахауддину. В тот момент он стоял. Услышав это, он легонько наступил мне на ногу. Меня вдруг переполнило блаженство, и я почувствовал соединение с Истиной. Когда я вышел из этого состояния, он сказал: "Вот, что такое сердце. Это не то, что сказал дервиш. Как ты можешь знать истинное сердце, калиб, если не имел непосредственного опыта?"

"Тот, кто способен видеть скрытые недостатки своей собственной природы и может контролировать их, вне всяких сомнений, достигнет блаженства. Идущий по пути должен быть способен раскрыть все свое существо перед Богом и проверить себя. Так он сможет перейти от имитации веры к истинной вере, наполненной содержанием".

Некоторые шейхи строят свои взаимоотношения с учениками, в соответствии с возможностями последних. Если ученик находится только в начале своего пути, шейх снимает часть бремени с его плеч. Он даже может определенное время прислуживать своему ученику, но к наиболее продвинутым шейх предъявляет все большие и большие требования, ожидая от них дальнейшего совершенствования".

"У выбора, подчинения и самоотвержения есть собственные особые предназначения. Наша задача заключается в том, чтобы пробудить в учениках ощущение притяжения, джазба, спонтанно действующего в них. Тем не менее, иногда совершенно необходимо обучать посредством инструкций. Мы должны использовать опыт мудрых представителей нашего пути, а также учиться передавать этот опыт другим. К каждому ученику следует предъявлять особые индивидуальные требования на различных этапах работы. Когда-то это будет служением, когда-то борьбой с собой, когда-то медитацией, а когда-то – самооценкой".

"Мы должны быть средством достижения цели ученика. Наша задача заключается в том, чтобы обеспечить ученику все необходимые условия для достижения его цели. Он должен молиться, но не должен этим укреплять свой эгоизм. Как бы чистосердечно и искренне ни молился ученик, он должен всегда осознавать свои недостатки. Тот, кто молится с уверенностью в себе, далек от Истины. Ходжа Абд

аль-Халик Гудждувани и Мухаммад Самази служат нам примером смирения и самоотверженности".

Теперь пришло время поговорить об обучении Хваджи Убайдаллаха Арара из Ташкента. Убайдаллах занимал главенствующее положение в Центральной Азии в течение большей части пятнадцатого века, и все историки сходятся во мнении, что его влияние было преобладающим. Свое детство он провел в бедности. Убайдаллах пишет, что в период правления Султана Шахруха он жил в Герате и не имел даже смены белья. Тюрбан на его голове был весь в лохмотьях, и он мог позволить себе лишь один кафтан в год. Этот кафтан изнашивался до такой степени, что хлопок просто просвечивал насквозь. Убайдаллах пишет: "Я служил многим людям, но у меня самого никогда не было ни лошади, ни осла. Моя одежда была настолько тонкой и короткой, что нижняя половина моего тела никогда не отогревалась. На пути поиска Бога, у меня никогда, даже зимой, не было теплой воды для омовения. Иногда мне приходилось уходить со встреч Шейха Бахауддина Омара и идти в город, чтобы умыться. Я часто надеялся, что Шейх даст мне какое-нибудь средство, чтобы я мог растопить лед для своих омовений, но он этого не сделал".

В течение пяти лет, которые Убайдаллах провел в Герате, несмотря на всю свою бедность, он ни разу не принял ни от кого помощи. Согласно Рашахат, вплоть до конца своей жизни, он не принимал никаких подарков. Относительно своей бедности, сам Убайдаллах рассказывает о том, как однажды отправился к Саиду Казиму Табризи. Саид дал ему половину тарелки той еды, которую ел сам, и сказал: "Послушай, Наследник Туркестанского Престола, страдание было мне защитой, пусть и для тебя оно будет тем же в невидимом мире". Ходжа Убайдаллах рассказывает: "Тогда я был очень беден. Какого-либо имущества в этом мире у меня не было вовсе. Я знаю, что моим теперешним достатком и благосостоянием я обязан тому, что Казим Табризи однажды вдохнул в меня барака".

Ближе к старости, Убайдаллах рассказал своим ученикам о своих юношеских видениях и опытах. "Однажды во сне я увидел Пророка Иисуса. Тогда мне было пятнадцать лет. Господь стоял перед могилой Хваджи Абу Бакра Шази. Я упал к его благословенным ногам, но он поднял меня на ноги и сказал: "Не беспокойся, я сам буду обучать тебя". Когда я рассказал этот сон некоторым своим старшим друзьям, они сказали, что, судя по этому знаку, я буду заниматься медициной. Однако, я объяснил себе этот сон по-своему, подумав, что если Он, Величайший Целитель душ, решил сам обучать такого недостойного человека, как я, то мне суждено обрести силу и прозрение, чтобы очищать сердца людей. Очень скоро такая интерпретация подтвердилась, и я обнаружил, что могу проникать даже в самые скрытые уголки внутреннего мира тех людей, которые приходили ко мне, и помогать им справляться со своей ситуацией".

В другом сне Убайдаллах увидел Пророка Мухаммада, который велел ему поднять и нести себя на вершину горы. Убайдаллах сделал это. Тогда Бог сказал: "Я знал, что у тебя хватит сил сделать это. Моя цель была проверить твою веру". В еще одном сне ему довелось наблюдать собрание последователей Хваджи Бахауддина Накшбанда и понять потаенные секреты традиции Учителей.

Тогда Убайдаллах проходил стадию потери собственной личности, что редко случается даже с избранными людьми без многолетней работы. Он пишет: "В то время мое внутреннее состояние было переполнено самоунижением настолько, что я поклонялся всем, кого видел. Для меня не имело значения, был ли это раб или свободный, белый или черный, малоизвестный или знаменитый, хозяин или слуга – я просто падал к ногам

людей и умолял помочь моей душе". К тому времени, когда Убайдаллаху было восемнадцать, его зикр был настолько же сильным, что, как и последователи Абд аль-Халика Гудждувани, он ничего не слышал и не видел, даже на переполненном людьми базаре.

Когда Убайдаллаху было двадцать два года, его дядя, Ходжа Ибрагим, привез его из Ташкента в Самарканд, чтобы он мог получить образование. Однако при всем его горячем интересе к сокровенной мудрости и мистицизму, он не мог воспринимать обычные знания. Несмотря на настойчивость дяди, он посвящал практически все свое время присутствию на встречах Учителей Мудрости и слушанию их бесед. Он пытался заставлять себя ходить в школу, но только заболел от этого. В итоге, подхватив серьезную глазную инфекцию, Убайдаллах понял, что не может продолжать заниматься. Позже, он обычно говорил, что его образование завершилось на второй странице алфавита. Проведя так два года в Самарканде, в возрасте двадцати четырех лет, Убайдаллах отправился в Герат, где учился в течение пяти лет. В то время он поддерживал отношения с Учителями Мудрости в основных центрах Туркестана, от Пустыни Гоби и Хиндукуша, до Каспийского моря и Кавказа.

Сам Убайдаллах пишет следующее: "До двадцати девяти лет, я был паломником. За пять лет до эпидемии чумы я возвратился в Ташкент". Поскольку эпидемия произошла в 1436 году, он, по-видимому, поселился в Ташкенте в 1431.

Повествуя о своих странствиях, Ходжа Арар называет Саида Казима Табризи наиболее важным для него человеком. "За всю свою жизнь я не встретил более развитого человека. Я встречал многих выдающихся учителей своего века, но, проведя определенное время в их компании, и, приняв участие в нескольких встречах, я ощущал, что должен покинуть их. Тем не менее, та благодать, которую я ощущал в присутствии Саида Казима, никогда не исчезала. Находясь в его обществе, я чувствовал себя в самом центре Реальности, и был уверен в том, что так будет всегда". В свою очередь, Саид Казим Табризи был очень привязан к Убайдаллаху Арару. Обычно он не позволял посетителям быть в своем обществе очень долго, но если на встречу приходил Ходжа Арар, он старался продлить ее. Кроме того, Саид велел своим людям принимать Арара, когда бы он ни приходил.

На первой же встрече он спросил имя Хваджи. Узнав, что его звали Убайдаллах (что означает "послушный слуга Бога"), он сказал: "Истинно говорю тебе, ты обретешь Реальность своего имени". Рашахат так трактует эти слова: "Благословенный Саид имел в виду то, что подлинное значение служения Богу, Абдаллах, открывается только тем, кто достоин узнать реальность Воли Божьей. В каждом веке один человек достигает этого уровня совершенства. Такого человека называют Кутаб аль-Актаб, Ось Мира". Сказав, что Арару предстояло "реализовать свое имя", шейх возвестил, что ему суждено было стать Великой Осью, Верховным Халифом.

Один из сподвижников Саида Казима, Мавлана Фаталлах из Табриза, пишет, что когда Ходжа Арар навещал их и принимал участие во встрече, Казим Табризи начинал говорить о самых сокровенных тайнах Божественной Реальности. В ходе таких бесед происходили наиболее удивительные откровения. В отсутствие Арара этого не случалось. Однажды, после такой беседы, когда Ходжа Убайдаллах уже ушел, Саид Казим сказал Фаталлаху: "Безусловно, в таких глубоких беседах есть много полезного, но их ценность не ограничивается слушанием. Если ты хочешь достичь своей цели и узнать свое предназначение, советую тебе не спускать глаз с этого молодого туркестанца, поскольку ему предстоит стать бриллиантом нашего века. Многие удивительные вещи будут явлены через него. Если бы чудесным образом люди стали бы видеть свет, который он источает, и

ощущали бы его барака, то многие сердца достигли бы вечной радости, и любовь и дружба поселились бы в сердцах многих людей".

Однажды Саид Казим сказал Убайдаллаху: "Знаешь ли ты, почему в наше время так редко встречаются мудрость и правда? Это потому, что нет внутренней основы. Такая внутренняя основа не может возникнуть без чистой духовной пищи. Сегодня чистую духовную пищу стало трудно найти, и чистота сердца исчезла вместе с ней. Именно поэтому необходимо укрыть Божественные Тайны".

Хваджу Арара привлекало также общество Шейха Бахауддина Омара. Последний охотно делился своими знаниями с теми, кто к нему приходил, но, следуя традиции своего пути, время от времени, уходил в уединение. В течение пяти лет, прожитых им в Герате, Хаджа Арар заходил к Омару два или три раза в неделю.

По возвращении в Ташкент, Арар заинтересовался земледелием. Следуя внутреннему видению, явленному ему, Арар взял маленький участок земли и пару волов у своей семьи, и посеял зерно, в соответствии с указаниями, полученными в видении. С самого начала он получал удивительные урожаи, и он раскрыл секрет подбора правильной культуры для каждой разновидности земли. В результате, под его руководством многие люди стали гораздо эффективнее использовать собственные земли. За несколько лет Арар стал одним из крупнейших фермеров Туркестана. Именно он ввел систему земледелия, благодаря которой Туркестан на долгие века стал главной житницей Азии. Сам он говорил по этому поводу: "Всемогущий Бог наделил меня таким пониманием нужд растений и животных, что я могу получить в три, пять и даже в десять раз больше выгоды от использования земли, чем другие фермеры. Во времена Султана Ахмада Мирзада, я посылал ему восемьсот тысяч бушелей⁵ пшеницы каждый год".

Хваджу Арара ввел в Ходжаган не Казим Табризи, а Мавлана Якуб Чархи, бывший одним из близких учеников Бахауддина Накшбанд. Мавлана изучал естественные науки в Герате и Бухаре, а также астрономию в Египте. На обратном пути в Бухару, он встретил Хваджу Бахауддина и попросил его: "Пожалуйста, благословите меня". Бахауддин ответил: "Сколько еще времени ты потратишь впустую, прежде чем придешь ко мне?" Чархи ответил: "Я горячо желаю служить тебе". Чархи пишет по этому поводу: "Я был очень удивлен таким ответом, поскольку еще несколько минут назад у меня не было никаких подобных мыслей. Затем, Бахауддин спросил меня, почему я так сказал, и я, не думая, ответил: "Потому что ты великий человек и все уважают тебя". Бахауддин сказал: "Ты должен найти более вескую причину для этого". Тогда я ответил: "Пророк сказал, что если Господь делает человека своим другом, то эта дружба проливается на сердца окружающих". После этих слов, он улыбнулся и сказал: "Мы одни из тех, кого любит Бог". Услышав это, я потерял дар речи, поскольку лишь месяц назад, во сне, я услышал голос, говоривший мне: "Стань учеником любимца Божьего". Я забыл об этом сне, и вот он снова пришел ко мне". После этого Мавлана вернулся в Герат, уладил свои дела, уже не покидал Бахауддина до самой его смерти.

До Арара доходило много странных слухов о Якубе Чархи, и он чувствовал, что должен был узнать о нем больше. Арар так описал произошедшие события:

"После четырех лет учебы в Герате, я отправился в путь, желая добиться обучения у Мавланы Якуба Чархи. Несколькими годами раньше, я услышал, что этот человек понимал тонкости пути Учителей. Приехав в Чиганьян, где жил Мавлана Якуб, я заболел. Я лежал в постели двадцать дней, и за это время услышал много неприятных вещей о Мавлане Чархи. Я почти отказался от своего желания

навестить его, но решил, что было бы глупо, пройдя такое расстояние, вернуться даже не повстречавшись с ним.

Когда я пришел к нему, Мавлана выказал мне поразительное уважение и внимание. Я пришел и на следующий день, и, опять, он сделал мне столько комплементов, что я пришел в сильнейшее недоумение. Тогда же я почувствовал, что не могу уехать, не выяснив, что все это значило, и по этой причине, отверг все сомнения, которые вызвала у меня его речь. В течение часа он снова всячески восхвалял меня и мои поступки, а также рассказал о том, как встретился с Хваджей Бахаудином Накшбандом. Затем, он протянул ко мне свои руки и сказал "Подойди ко мне, и давай обнимемся". В тот момент я увидел в его глазах какую-то белизну, похожую на проказу, что меня сильно испугало. Мне не хватило бы духа обнять его. Почувствовав мое внутреннее состояние, Мавлана сразу же опустил свои руки, и, как если бы он менял одежду, его лицо наполнилось такой красотой, что все мои опасения исчезли, и я в мгновение ока заключил его в свои объятия. Якуб Чархи снова простер свои руки и сказал: "Святейший Бахауддин Накшбанд взял меня за руку и сказал: "Твоя рука – моя рука; тот, кто держит твою руку, держит и мою руку". Эта рука – рука Бахауддина Накшбанда. Не сомневайся, бери мою руку". Я взял его за благословенную руку, и он тогда же научил меня сознательному труду. Он добавил: "Это я унаследовал от Хваджи Накшбанда. Если хочешь, то можешь вести своих учеников путем труда и страданий". После трех месяцев частых встреч, Мавлана Якуб позволил мне вернуться домой. Когда я пришел попрощаться с ним, он окончательно посвятил меня в путь Учителей. Его последними словами были: "Ты был принят в это священное братство, и должен прилагать все свои усилия, чтобы сохранить его святость. Стань для достойных учеников путем к истине".

Учение Арара присутствует в Нафахат аль-Унс и Рашахате. Далее я приведу типичные выдержки из него:

"Есть два вида гордости. Первый – это та гордость, которую мы все хорошо знаем, и которую следует отвергнуть. Вторая, приемлемая гордость, заключается в надежде исключительно на Высшую Реальность. Это благородная гордость, которая ведет к уничтожению (аннигиляции)".

"Ходжа Мухаммад Парса сказал нам, что непрерывная молитва, зикр давам, достигает той стадии, когда субстанция молитвы и субстанция сердца становятся одним и тем же. По моему мнению, это означает, что субстанция молитвы состоит из букв и дыхания. В то же время, субстанция сердца представляет собой глубочайшее сознание, охватывающее, как форму, так и содержание. Когда молитва достигает совершенства, эти две субстанции объединяются, и нельзя больше отделить молитву от молящегося. В этот момент может войти лишь объект (т. е. реальность), и, как молитва, так и молящийся становятся ничем в этом объекте – реальности".

Автор Рашахата приводит слова, услышанные им от Убайдаллаха Арара:

"Итогом всех различных наук является откровение, действия Мухаммада и закон. Итогом всего этого является наука Суфизма. Итог Суфизма заключается в утверждении Присутствия. Принято считать, что на всех уровнях есть лишь одно Присутствие, которое, однако, воспринимается людьми по-разному, в соответствии со способностями каждого. Это очень сложная и глубокая истина. Для того чтобы постичь ее, необходимо использовать одновременно разум, воображение и мышление. Только те, кто способен воспринимать свою собственную реальность в

качестве зеркала, чтобы искать в нем признаки Присутствия, обладают требуемым уровнем разумности. Необходимо полностью посвятить себя этому. В свете Присутствия, тонкие элементы реальности начинают постепенно проявлять себя. Осознавая тайну судьбы, человек становится умиротворенным, поскольку знает, что видимая вселенная совершенно пуста и, в определенном смысле, не существует. В то же время, такой человек знает, что Высшая Реальность проявлена в каждом элементе этой космической иллюзии. Умиротворенность знающих это людей можно уподобить волнам, возвращающимся в океан. Необходимо обрести настолько тесный контакт с реальностью, чтобы ни вода, ни огонь не могли свести его на нет".

В качестве последнего примера подготовки Учителей можно поговорить о великом поэте, Мавлане Джамии, чья проза и поэзия оказала второе по значимости влияние на духовную жизнь Центральной Азии, после Джалал ад-дина Руми. Мавлана Джами родился в 1414 году и умер в 1492 году в Герате. В год его рождения, Султан Шахрух обрел власть над прежними владениями своего отца, Тамерлана. Его лично посвятил Ходжа Саад ад-дин Кашгари, но основным духовным наставником был Ходжа Убайдаллах Арар. Во время своих странствий, он встретился почти со всеми духовными лидерами своего времени.

Джами отправился вместе со своим отцом в Герат, где учился в Школе Низамия, рядом с Иракскими Воротами. В жизнеописании Джамии подробно написано о его Учителях. Он отправился в Самарканд и получил образование в Академии Мирзы Улугбека. Поскольку это было основной достопримечательностью Самарканда, многие величайшие ученые того времени читали там лекции. Глава академии, Кади Зада, сказал о Джамии: "С тех пор, как было основано это заведение, в нем еще не было настолько многообещающих учеников с того берега Амударьи". Однажды, известный астроном и математик, Али Кушчу, пришел на лекцию и задал несколько очень трудных вопросов. Джами, не задумываясь, дал исчерпывающие ответы на каждый из них. Али Кушчу потерял дар речи от изумления, и позже говорил своим ученикам: "С тех пор я понял, что на свете все еще есть люди, получающие свои знания непосредственно от Бога, поскольку тот молодой человек никак не мог знать заранее то, о чем говорил".

Мавлана Джами часто беседовал с Мавланой Саад ад-дином Кашгари, до и после полуденной молитвы. В то же время, Джами полюбил прекрасную девушку, и для того чтобы забыть о ней переехал из Герата в Самарканд. Однажды во сне он увидел Кашгари, сказавшего ему: "Послушай меня, брат, есть возлюбленная, которую ты не сможешь покинуть". Этот опыт оказал глубочайшее впечатление на Джамии, и он сразу же вернулся в Хорасан, сконцентрировав свое внимание на мистицизме, к которому он и раньше питал склонность. Выполняя "наказ" Кашгари, он регулярно участвовал во встречах и следовал его указаниям. Саад ад-дин говорил: "Сегодня царственная особа сошла на нашу землю. Бог послал мне на радость Джамии". Один из научных преподавателей Джамии сказал по этому поводу: "За пятьсот лет один настоящий ученый появился в Хорасане, но Саад ад-дин Кашгари украл его".

Когда Джами бросил науку и математику, чтобы следовать мистическому пути, Саад ад-дин Кашгари сподвиг его на опыт суровых лишений и самоотречения. Он полностью прервал все контакты с миром и погрузился в уединенную медитацию. По истечении двух лет, Джами было велено возобновить общение с мирянами. Ему было очень трудно разговаривать, и он не мог находить нужные слова без серьезных усилий. Такое состояние обособленности в обществе людей продолжалось значительное время, но постепенно исчезло.

Относительно этого периода, сам Джами писал: "Вначале передо мной появлялись различные цвета. По указанию Мавланы Саад ад-дина, я отвергал все эти видения, пока они не прекратили являться мне. Он объяснил, что следует отвергать видения и духовные благословения. Высшее блаженство для дервиша – это когда он покидает себя, и его самость больше не возвращается". Когда Джами рассказал историю своего обучения, один из его учеников спросил: "Почему одни люди получают духовные благословения, а другие нет?" Джами ответил: "Есть два вида искания. Один состоит в традиции и передаче. Идущий этим путем входит в мир проявления, и должен таким же способом вернуться к источнику. Другой способ заключается в очищении. Это путь Учителей. На этом пути традиция не имеет значения; важно только сконцентрировать свои усилия на Высшем Бытии". В другой раз его спросили: "Почему, так хорошо владея языком, вы редко используете суфийскую терминологию?" Джами ответил: "Наша цель заключается в непосредственном восприятии истины, а не в обсуждении ее". Другой ученик попросил Джами показать ему что-нибудь, чтобы он запомнил на всю жизнь. Тогда он дотронулся до его груди и сказал "Вот в этом все дело – в сердце. Ты все найдешь здесь".

Хотя Джами считал Хваджу Арара величайшим учителем своего времени и оплотом духовности всего мира, они встречались всего несколько раз. Три раза он отправлялся в Самарканд. Первый раз при Мирзе Улугбеке, для того чтобы учиться у Кади Зады. Вторым раз он был в Самарканде в 1466, а третий – в 1469 году. Во время своей последней поездки, он встретил Хваджу Арара, когда тот пытался восстановить мир между двумя сыновьями Султана Абу Саида Мирзы. Они встретились в Ташкенте, и после установления мира, Джами провел несколько дней вместе с Араром. Согласно рассказам учеников Арара, основная часть времени была проведена в тишине. Время от времени, Убайдаллах говорил что-нибудь, что удивляло всех присутствовавших, и из чего следовало, что Арар и Джами могли общаться без слов.

Такие беседы продолжались пятнадцать дней, после чего Джами вернулся в Самарканд. С тех пор, они регулярно переписывались. К сожалению, основная часть писем была потеряна, но некоторые сохранились и показывают, что они могли общаться между собой в недоступной для других форме. Арар часто посылал своих учеников к Джами, и всячески восхвалял его. Он даже любил говорить: "Тому, кто видел Мавлану Джами в Хорасане, вовсе не нужно пересекать реку".

После смерти Арара и Джами, Учителя больше не носили титул Хваджей. В то время активно развивалось Братство Накшбандийа, и в шестнадцатом веке распространилось сначала в Турции, благодаря Шейху Фазли Илахи и его ученику Саиду Ахмаду Бухари. Братство также укрепилось в Индии, и даже достигло Индонезии и Соломоновых Островов. На западе сфера его влияния распространялась по всей Оттоманской Империи, вплоть до ее границ и даже в Марокко. Братство и до сих пор остается наиболее мощным источником влияния в Мусульманском мире. Тем не менее, исчез термин "Ходжа". Он был принят одной из династий в Кашгарии, которая сохранялась вплоть до русского завоевания девятнадцатого века. В связи с этим, информацию о Ходжах в Кашгарии мне удалось получить только из русских источников, предвзятых и враждебных. В них, Хваджи были представлены как властолюбивые тираны, враждовавшие со своим народом и имевшие власть над правителями. По словам Гурджијева, посетившего этот район через сорок лет после завоевания Кашгарии русскими, Хваджи все еще оставались духовными лидерами, но жили в школах, запрятанных среди оазисов пустынь к северу от Тибета.

1 - термин *Catholic* может быть переведен на русский язык двумя способами: "Католический" или "Кафолический", то есть, "Соборный". Второй вариант соответствует также и Православной церкви, также признающей значение апостольской преемственности, хотя, вероятнее всего, автор имел в виду именно Католическую церковь (прим. перев.).

2 - Скорее всего, пропущено слово и имеется в виду "ты был принят" (прим. перев.)

3 - Передача "хырки" символизирует посвящение в шейхи или даже муршиды – шейхи, имеющие право учить (прим.ред.)

4 - круг (внутреннего посвящения) (прим.ред.)

5 - бушель (мера емкости = 36,3 л)

ГЛАВА 10. УЧИТЕЛЯ МИРОТВОРЦЫ

Тамерлан и его последователи – Силы Ходжагана – Духовная сторона Тамерлана – Действие Ходжагана приносит мир – Мир, игнорируемый историками – Убайдаллах Арап – Его семья – Сверхнормальные силы – связь с Султаном Ахмадом – Завоевание Самарканда было дважды предотвращено мистическими силами – Защита людей.

С 1360 по 1530 год, в Центральной Азии главенствовали выдающиеся завоеватели и правители, начиная с Тамерлана (1336 – 1405 гг.) и заканчивая Бабуром, основателем Индийской империи Моголов (1471 – 1530 гг.), а также Шахом Исмаилом (1499 – 1524 гг.), который воссоздал Персидскую империю и основал династию Сафавидов. Однако, по-настоящему великими правителями этого периода были Шахрух, четвертый сын Тамерлана, правивший в Герате в течение сорока лет, и его сын, Улугбек, творец Золотого Века Самарканда. Кроме того, почти такими же великими правителями были Абу Саид и Хусейн Байкара. Причина, по которой я говорю здесь о них, заключается в том, что все они, от Тамерлана до Бабура¹, были глубоко религиозными людьми, и практически все из них обращались за духовным руководством к Ходжагану. Учителя Мудрости стали действовать в открытую, и взяли на себя такую возможность, о которой не могли и помышлять Хваджи времен Абд аль-Халика Гудждувани и Бахауддина Накшбанда.

В конце четырнадцатого века Христианской Эры, все народы, от Китая до Испании были приведены в смятение опустошительными завоеваниями Амира Тимура, известного на Западе под именем Тамерлан. Ни одному прежнему завоевателю не удалось опустошить столь значительную часть обитаемого мира. И все же, он был глубоко религиозным человеком, и считалось также, что он был руководим божественным провидением. Он питал глубокое уважение к своим духовным наставникам, и был готов менять свои планы по их совету. Кроме того, он покровительствовал искусствам и был *bon viveur*², чей блистательный двор поразил посла Короля Испании не в меньшей степени, чем послов Китая и Египта. Тимур умер в 1404 и его колоссальная империя, простиравшаяся от Китая и Индии до Египта, и от Польши и Сибири до Индийского Океана, распалась, оставив после себя состояние полнейшего замешательства. Центральный район, включавший в себя Туркестан и Персию, оставался во власти его семьи, но окраины империи, относившиеся к Китаю, Индии, Турции и России, вскоре восстановили свою

независимость и, в определенном смысле, похоже, даже укрепили свои позиции, благодаря произошедшим событиям. Ситуация в Туркестане выглядела удручающе. Сыновья и племянники Тимура оспаривали его наследие, и ужасные внутрисемейные войны, веками бывшие проклятием Центральной Азии, казалось, снова стали угрожать жизням и домам людей, которые все еще помнили два века, потребовавшиеся на восстановление разрушенного Монгольским Нашествием под предводительством Чингисхана.

Однако события приняли совсем иной оборот. Шахруху, сыну Тимура, удалось установить мир в стране, а его сын, Улугбек, которого он назначил наместником в Туркестане, основал одну из величайших мировых культур в искусстве, архитектуре и науке. Тридцать лет правления Улугбека стали Золотым Веком Самарканда. Сам он был высоко ценимым математиком и астрономом, чьи таблицы в течение трех веков использовались во всем мире как наиболее точный источник информации о перемещении Солнца и планет. Кроме того, в период его правления Бухара стала центром исламской духовности, и небывалая терпимость по отношению ко всем религиям вытеснила фанатизм сельджуков. Иудеи, христиане и буддисты могли безо всяких ограничений практиковать свои религии, и паломники стекались со всего света. Так, в пятнадцатом и шестнадцатом веках Туркестан был центром духовной активности мира. Его влияние простиралось от Японии до Англии и Испании, в то время как на политической арене воцарился относительный мир, в сравнении с нескончаемыми войнами, веками истощавшими страну. Хотя набеги кочевников с севера приводили к периодическому разрушению великих сооружений и произведений искусства, духовная жизнь Бухары оставалась нетронутой. При ближайшем рассмотрении, везде обнаруживается влияние Ходжагана, или Учителей Мудрости. Ходжаган имел большое влияние на правителей, крупных землевладельцев, купцов и на обычных людей. Они могли одним своим присутствием останавливать войны, и одним своим словом устранять несправедливых и жестоких правителей. Им приписывались необычайные способности, причем не только их учениками, но также и равнодушными, и даже враждебно настроенными историками. В семнадцатом веке Учителя покинули сцену, но их традиции поддерживались определенными братствами, часть которых существует до сих пор. Наиболее влиятельными из них являются Накшбанд, которых насчитываются миллионы по всему мусульманскому миру, и которые оказывают мощное, хотя и завуалированное влияние почти на двадцать стран.

Тамерлан основал свою империю в Бухаре и Самарканде, который он всегда считал своим домом. Первыми покоренными им территориями были Персия и Месопотамия. Затем он поверг Россию, разграбил Москву и даже намеревался завоевать всю Европу, которая была бы не в силах защитить себя, если бы Тамерлан не переключил свое внимание на Индию, где он достиг больших успехов, чем Александр Великий и Чингисхан. Его власть простиралась вплоть до Дели и даже дальше. Затем, обратив свое войско снова на запад, Тамерлан взял Дамаск, и разбил силы египетских султанов, Мамелюков. Победоносное шествие Тамерлана увенчалось победой над другим победоносным завоевателем, Султаном Баязидом, по прозвищу "Громовержец", империя которого простиралась до стен Вены. Гиббон писал: "Вся Азия была в руках Тимура – от Иртыша и Волги до Персидского Залива, от Ганга до Дамаска и Архипелага.

Давайте посмотрим, каким человеком был Тамерлан. Он оставил после себя две книги: Малфузат, или Мемуары, и Тузукат, или Институты. Первая книга представляет собой описание его жизни и дел, хотя и не вполне достоверное. Во второй изложены принципы, на которых Тимур основывал свою стратегию и политику правления. Все историки сходятся во мнении, что Тамерлан был не только храбрейшим из храбрых, но также и

очень мудрым, благородным, опытным и проницательным человеком. Сочетание этих качеств сделало его "почитаемым лидером людей и настоящим Богом Войны, которого уважали все сословия"³.

Сам Амир Тимур с благоговейным трепетом относился к своему духовному наставнику, Хвадже Саиду Барака, который был учеником Бахауддина. Кроме того, Тимур считал, что его направляет и поддерживает Ходжа Ахмад Ясави, великий Турецкий Учитель двенадцатого века. Баязид был наголову разбит Тамерланом под Анкарой, и именно во время этого сражения Тамерлан повторял стих, данный ему Хваджей Ахмадом Ясави, о чем уже говорилось раньше⁴.

Амир Тимур умер в 1405 на семидесятом году жизни. Он тогда пошел в последний поход на Китай. Умирая, Тамерлан погрузился в молитву и попросил Мавлану читать Коран, пока не будет окончательно уверен, что он покинул тело. Его похоронили в той же могиле, где ранее был похоронен его учитель, Ходжа Барака. Преемники Тамерлана в течение века правили в Трансоксании. Их сменили узбекские султаны, чье главенство закончилось в 1597 году. В то же время, в Персии Шах Исмаил основал великую династию Сафавидов. Все эти правители, добрые, жестокие, воинственные, художники и поэты считали Ходжаган источником своего духовного вдохновения. В течение более двух веков, именно влияние Учителей лежало в основе социальной стабильности. До конца четырнадцатого века они держались на заднем плане, помогая восстанавливать страну после монгольских нашествий, а также поднимать сельское хозяйство и ремесленничество. Мы уже обсуждали, как Ходжа Бахауддин Накшбанд избегал связей с правителями и наследниками, но, тем не менее, оказывал значительное влияние на их отношение к простому народу. Тяжкое бремя налогов, которое практически не уступало войне по своим губительным последствиям, было существенно облегчено, благодаря разумному управлению визирей, многие из которых были учениками Ходжагана.

Летописи персидских историков создают картину разорения, массовых кровопролитий и обнищания целых государств. Я прочел все книги по истории этого региона, которые только смог найти, включая труды Рашид ад-дина и Ала ад-дина Джувайни. Везде основное внимание уделяется противоборством монархов, войнам и разрушениям. Мирные периоды практически выносятся за рамки обсуждения, и у читателя создается впечатление, что Центральная Азия веками была ареной практически нескончаемых войн, и люди постоянно жили в крайне нестерпимых условиях. Когда же я взялся за изучение истории Учителей Мудрости, на основе таких книг, как Рашахат Айн аль-Хаят или Нафахат аль- Унс, а также личных жизнеописаний Бахауддина Накшбанда и Мавланы Джамии, то передо мной раскрылась совершенно иная перспектива: отчетливо обрисовалось все значение мирных периодов, и правителей того времени можно заслуженно назвать важнейшими историческими лидерами.

Кроме того, мне довелось на собственном опыте почувствовать разницу в трактовке одних и тех же событий. Так, например, я был свидетелем вынужденных переселений греков и турков в 1925 году, которые, по мнению историков, стали причиной жестокого обнищания населения и многих смертей. На самом же деле, важной особенностью этих событий, с моей точки зрения, было то мужество, с которым люди преодолевали трудности, а также выгодность переселения для самих стран.

Противоречия между политическим и духовным смыслом событий четырнадцатого века, в определенной степени, объясняются тем, что Учителя старались избегать всенародного признания и славы. Напротив, они все без исключения понимали важность унижения и бедности. Так, Халил Ата был одним из немногих правителей, которые отказывались

иметь собственный двор и использовать свою власть в корыстных целях. Бахауддин не считал возможным занять должность канцлера султана, если тот не будет рассматривать это как часть своего духовного обучения. После того как Халил, в конце концов, был отвергнут, он смиренно отправился назад в свою деревню, и избегал каких-либо контактов с правителями и наследниками.

В случае пятнадцатого века, мы можем сравнить собственные труды Учителей с записями историков того времени. Тем не менее, в редакции современных историков все теряет свой смысл. Учителя мудрости изображены как святые люди, которых почитал народ, и уважали правители. Некоторые авторы даже утверждают, что Учителя проповедовали некую фантастичную, мистическую религию, отвлеченную от реальной жизни. Подобная критика снова и снова обрушивается на мудрых людей, когда им удается убедить людей в том, что подлинное благосостояние человека заключается в духовной жизни, а не в материальном успехе.

Халил Ата служит ярчайшим примером безразличия историков к тем правителям, которые больше заботятся о благе людей, чем о собственном прославлении. Халил Ата в течение шести лет правил в Бухаре, и из Нафахата мы знаем, что тогда его правой рукой был Бахауддин Накшбанд. Халил приложил все усилия, для того чтобы создать новое общество, основанное на традиции Учителей, и в определенный период времени все так и обстояло. Это произошло в 1360 году, и до конца четырнадцатого века влияние Халила чувствовалось по всей Трансоксании. Тем не менее, я напрасно искал его имя в книгах по истории Туркестана при преемниках Чингисхана. О нем даже не упоминается в Lane-Poole's Mohammedan Dynasties, вероятно, потому что он не чеканил на монетах своего имени⁵.

Так или иначе, прошлое невозможно точно воспроизвести даже по записям современников. Это обстоятельство было особым образом подчеркнуто Гурджиевым в его удивительном сатирическом описании Вельзевула, который был на Земле, когда еще существовала Атлантида, и своими глазами видел те события, которые позже пытались описать историки. Вы можете подробнее прочесть об этом в его книге Рассказы Вельзевула своему внуку (Все и Вся). В сорок третьей главе ("Война") этой же книги, Гурджиев частично в качестве притчи, а частично в качестве достоверной истории пишет о попытках изгнать болезнь войны из жизни человечества. По его мнению, ближе всего было к успеху некое общество, под названием "Земля – достояние всех", которое было основано в Мосуле в начале пятнадцатого века. Сведения о времени были основаны на записях представителя Амира Тимура, участвовавшего в этом процессе. Я думаю, Гурджиев хотел, чтобы это обстоятельство воспринимали как подлинно исторический факт.

В Зубд аль-Таварихе описывается визит Тимура к Хвадже Садр ад-дину, который вместе с несколькими учениками жил в бедности в Ардебиле. Тимур был глубоко поражен святостью Хваджи и спросил, что он может для него сделать. В ответ, Садр ад-дин сказал, чтобы Тимур освободил турков, взятых в плен во время захвата Анатолии. Тимур сделал это, и турки заселили район, население которого значительно и безнадежно уменьшилось во время Улегу. Переселение этих турков позднее позволило Шаху Исмаилу основать великую Сафавидскую династию, названную так в честь Хваджи Сафа ад-дина, отца Садр ад-дина.

Сам Шах Исмаил был потомком Хваджей. Время миротворцев закончилось в 1627 году, вместе со смертью Аббаса Великого, о котором Шарден писал: "Когда великий принц

прекратил жить, Персия прекратила процветать". Влияние Ходжагана угасло, и Центральная Азия потеряла статус первостепенного центра мировой духовности.

Последним из великих Учителей был Убайдаллах Арап, обучение которого было описано в девятой главе. Арап встречался и поддерживал отношения с известнейшими преемниками Хваджи Бахауддина Накшбанда, а также Учителями Мудрости важнейших центров Туркестана, от пустыни Гоби и Хинду Куша, до Каспийского моря и Кавказа. Все считали его Кутубом, духовном столпом своего времени, и он был одним из немногих Учителей участвовавших в социально-политической деятельности. Арапа посвятил Саид Казим из Табриза, и именно его заслугой он считал все свои дальнейшие достижения.

Родословная Арапа восходит к Омару Ибн аль-Хаттафу. На путь он был поставлен Мавланой Якубом Чархи, и позже встречался со многими образованнейшими людьми и суфиями своего времени. Еще при жизни Арапа, Мавлана Джами так написал о нем в Нафахат аль-Унсе: "Нынешнее поколение Ходжагана своими узами единства, равно как и средствами поддержания порядка и сохранения традиции, обязано именно его Преподобию, Хвадже Убайдаллаху. Члены Ходжагана должны возлагать все свои надежды и просить Бога о том, чтобы единство и порядок, достигнутые благодаря благословенным способностям Хваджи Арапа, сохранялись до скончания веков".

Отец Убайдаллаха, Ходжа Махмуд Шаши, происходил из ташкентской семьи. Он всячески поддерживал суфиев. Его дедом был Шихаб ад-дин Шаши. Все эти люди были шейхами, владевшими наукой и мудростью, достигавшими высоких состояний и у которых просили благословения. Именно в память о деде, Убайдаллаха позже часто называли "коронованным принцем Туркестана". Шейх Шихаб ад-дин и его последователи уделяли особое внимание групповым встречам. Сам Шейх был купцом и крестьянином. У него было двое сыновей: Ходжа Махмуд, отец Убайдаллаха Арап, и его дядя по линии отца, Ходжа Мухаммад.

Будучи на смертном одре, Ходжа Шихаб ад-дин пожелал видеть своих внуков. Сначала к нему привели детей младшего сына, Хваджи Мухаммада. Ходжа Шихаб не был доволен ими, и упрекнул сына, сказав: "Я не ожидал таких детей от тебя". Затем к Шихабу подвели Убайдаллаха, тогда еще очень юного, закутанного в хирку.

Лишь только завидев ребенка, Ходжа воодушевился и сказал: "Поднимите меня". Хваджу приподняли на его постели. Шихаб взял Убайдулла на руки и, потрепав его по щеке своей благословенной рукой, заплакал, говоря: "Вот ребенок, которого я хотел. Как хорошо, что я дожил до этого дня. Пусть этот ребенок обретет доброе имя в мире, воздаст должное Закону Божьему и достигнет высот на Духовном Пути. Цари этого мира будут следовать его указаниям и склонят свои головы перед его учением. Лучшим шейхам прошлого не удавалось достичь таких высот, на которые взойдет он". Затем, Шихаб назвал по отдельности все события, которые должны были произойти с Хваджой Убайдаллахом в течение его жизни, а потом снова потрепал ребенка по щеке и возвратил отцу, наказав прилежно заботиться о его воспитании.

Сам Арап пишет, что, когда ему был один год, пришло время церемонии пострижения. В соответствии с ташкентским обычаем того времени, готовился праздник. Внезапно пришло известие о смерти Тамерлана, что посеяло среди народа смятение и ужас. Люди боялись начала новой войны между наследниками с присущей монгольскому стилю резней. Даже не дождавшись праздничного стола, люди выгребли все из котлов и бежали в горы. В то время семья Хваджи жила в Багистане, недалеко от Ташкента.

Единственным преподавателем естественных наук и математики, у которого мог учиться Арар, был Мавлана Низам ад-дин Хамуш. Он не был членом Ходжагана и преподавал в самаркандской Академии Улугбека. Арар так писал по этому поводу: "До меня дошла молва о высоком внутреннем состоянии этого человека, его мудрости и доброте, и это значило для меня больше, чем, если бы люди восхищались его пониманием тайн Творения. Я вошел в зал, где он читал лекцию, и молча стоял в углу, слушая его. В конце лекции Низам спросил меня, почему я стоял в тишине, и, не дождавшись ответа, сказал своим ученикам: "Есть два вида молчания. В одном случае, восторг уносит молчащего человека из тварного мира. Это благословенное молчание. Но, иногда, человек остается в тварном мире, в то же время, отказываясь принимать участие в том, что в нем происходит. Такое молчание вредно и губительно".

В Рашахате и других летописях того же времени можно встретить множество рассказов о сверхъестественных возможностях, которыми был наделен Убайдаллах Арар. Один случай из его молодости стал очень известным, и его часто описывали в прозе и поэзии. Однажды, Арар, вместе с Мавланой Саад ад-дином Кашгари, бродил по базару в Герате. Самым популярным спортом в Центральной Азии всегда была борьба, и на базаре очень часто можно наблюдать поединки между борцами. Арар тоже занимался борьбой. Следует отметить, что жители Центральной Азии большие охотники до азартных игр, и во время каждого поединка непременно делаются ставки. Итак, Арар и Саад ад-дин увидели, как один могучий борец буквально делал из более слабого котлету. Обменявшись жестами, оба дервиша решили сконцентрировать свою ментальную энергию на слабом борце. Почти в то же мгновение, его переполнил такой поток энергии, что он протянул руки, обхватил эту гору мышц и перекинул ее через голову, окончательно выведя противника из боя. "Услышав возгласы зрителей, можно было бы подумать, что наступил конец света. Никто не догадался о том, что случилось на самом деле. Я увидел, что Мавлана Саад ад-дин стоит с закрытыми глазами, дотронулся до его плеча и сказал: "Очнись, дело сделано"" (из Рашахата). "Мы жили в Фирхате вместе с Хваджой Араром. Однажды, он попросил кусочек бумаги и ручку. Он написал имя Ахмада ибн Саида Мирзы, и, тщательно сложив, положил этот листок за поля своего тюрбана. Тогда никто не знал Ахмада ибн Саида Мирзу. Некоторые близкие друзья Арара попросили его рассказать об этом человеке. Ходжа сказал: "Это человек, который должен властвовать над вами, мной, а также всем Ташкентом, Самаркандом и Хорасаном".

Очень скоро молва о Султানে Ахмаде ибн Саиде Мирзе начала распространяться из Туркестана. Насколько можно судить, Ахмад ибн Саид Мирза увидел во сне Хваджу Арара, который, по указанию Хваджи Ахмада Ясави, читал Фатиху, открывающую главу Корана, Султану. Ибн Саид попросил во сне Ясави сказать ему, кто был читавший, и, услышав, что это был Арар, он запомнил это имя и лицо. Затем, узнав, что этот человек живет в Ташкенте, он сразу же оседлал коня и отправился в путь. "Хваджу Убайдаллаха он нашел в Фирхате, куда изначально и отправился. Ибн Саид сразу же узнал в Хвадже того человека, которого видел во сне, и, упав к его ногам, смиренно умолял прочесть Фатиху. Ответ был: "Одного раза вполне достаточно"".

Султан Саид Мирза был пленен ответом Хваджи, а также его поведением, и во время своего правления постоянно обращался к нему за советом и покровительством.

Несколькими годами позже, Султан Махмуд Мирза вознамерился силой отобрать Самарканд у своего брата, Султана Ахмада. Ходжа Арар приложил все усилия, чтобы отговорить его, напомнив, что поднять меч против своего брата было бы бесчеловечно и противно Закону Божьему. Тем не менее, Султан Махмуд не послушался и отправился в поход на Самарканд. В свою очередь, Султан Ахмад Мирза мобилизовал свою армию и

приготовился к защите города. Тогда, Ходжа Убайдаллах, вместе с тремя самими продвинутыми в мистике учениками, навел на Султана Махмуда и его армию мощнейшую бурю из пустыни Кипчак. Стихия так разбушевалась, что генералы были приведены в замешательство, и армия бежала, даже не увидев защитников⁶.

В Рашахате упоминаются и многие другие подвиги, а также подчеркивается то необычайное влияние, которое Ходжа Арар оказывал на весь Туркестан. Кроме того, он был ярчайшим представителем пути освобождения. Арар никогда не претендовал на звание учителя, шейха. Ему приписываются следующие слова: "Если бы мне суждено было стать учителем, все шейхи остались бы без учеников. Однако моя задача заключается не в учении, а в защите искренне верующих от тирании, а также в предотвращении гражданских и прочих войн. В связи с этим, мне приходится поддерживать тесные отношения с правителями и султанами, завоевывая их сердца"⁷.

1 - Прим.ред. оригинала: Император Бабур переложил на стихи трактат Арара о тарикате, или пути Ходжагана. Ему также во сне явился Ходжа, возвестивший о грядущем триумфе над Самаркандом, что напоминает нам явление Ясави Тамерлану.

2 - фр. человеком, любящим пожить в свое удовольствие (прим. перев.)

3 - Sir Percy Sykes, History of Persia, Vol. 2, p. 134.

4 - см. выше, [Глава 6](#).

5 - Прим.ред. оригинала: арабский историк Ибн Баттута описывает приход Халила к власти, но ничего не говорит о его духовных качествах. см. Trimingham, The Sufi Orders in Islam, p. 63.

6 - Прим.ред. оригинала: До этого, Арар спас Самарканд от Бабура Мирзы (не императора Бабура), наведя мор на его лошадей.

7 - Прим.ред. оригинала: Похоже, что именно так все и обстояло. Пожалуй, наиболее известна описанная не в Рашахате история, о том, как Ходжа разбил свои шатры между армиями Ахмада и его брата, установив, в конце концов, мир между ними. По словам очевидцев, правители и их армии были доведены до слез, и мир воцарился вновь.

ЭПИЛОГ

На момент смерти автора, рукопись этой книги завершалась девятой главой, но было также несколько отрывочных вариантов начала главы "Миротворцы". Все эти фрагменты были собраны в завершающую десятую главу. Только в этой последней главе, помимо еще нескольких мест, было несколько вариантов текста, и редакторы книги позволили себе отойти от изначального решения представить читателю только то, что написал сам автор.

Тем не менее, мы совершили бы ошибку, если бы особым образом не подчеркнули незавершенность работы. Она не завершена по нескольким пунктам. Во-первых, это очевидная незаконченность рукописи. Во-вторых, сама эта рукопись была всего лишь черновиком, и, наверняка, во многих местах автор хотел дописать новый материал или отредактировать рассуждения. Наконец, каждая настоящая работа создает у автора некую инерцию, которая уносит его в новые сферы, по окончании работы. Следовательно, в силу ее преждевременного завершения, необходимо дать указания тем читателям, которые захотят продолжить поиск. В связи с незавершенностью книги, основная цель настоящего эпилога заключается в том, чтобы привлечь внимание читателя к дополнительному материалу, который связан с развивавшейся в работе темой, но был недоступен автору. Кроме того, на основе более раннего конспекта, к счастью оказавшегося в нашем распоряжении, мы постарались рассказать читателю, что еще могло бы войти в книгу.

Вероятно, нелишне будет в самом начале вспомнить о том, что в книге идет речь не об истории, в традиционном смысле этого слова, а, как было очень тонко отмечено в предисловии, скорее об истории значительного. Понимание автором истории более полно отражено в четвертом томе Драматической Вселенной. Однако полезно было бы поразмыслить о том, что такое "научный подход". Принято считать, что "научность" подразумевает сбор максимально возможного количества данных, и выведение на их основе объясняющей схемы, или законов. В то же время, такой дедуктивный метод, как было прекрасно показано Поппером и другими, на самом деле, не является причиной значительных прорывов в истории науки. Скорее, эта заслуга принадлежит индуктивному методу, когда рабочая гипотеза или аналогичная схема, взятая из другой области науки, предшествует, а иногда и упорядочивает сбор фактов. Именно это обеспечило эвристическую силу и динамизм научного поиска и исследований. Таким образом, не нужно с недоверием относиться к тому, что подобный подход был применен в истории, а также считать его "антинаучным".

В настоящей книге, автор сопоставляет известные и частично известные исторические факты за большой период времени с гипотезой Демидургического регулирования жизни человечества, осуществляемого через людей высокого уровня, Учителей Мудрости. Первое, в свою очередь, свидетельствует об удивительной эрудиции и проницательности автора. Прежде всего, надо отдавать себе отчет в том, что наши знания в этой обширнейшей сфере весьма ограничены. В противном случае, объективный читатель мог бы считать некоторые ссылки и доводы не слишком убедительными. В качестве примера можно привести точку зрения автора по поводу Волхвов, анализируя которую, можно было бы подумать, что это просто формальный инструмент. Но что мы доподлинно знаем о Волхвах? Вне всяких сомнений, они были Средней кастой, то есть кастой духовенства, исполняли обязанности священнослужителей во время зороастрийских ритуалов и, безусловно, были очень влиятельными и уважаемыми. Насколько можно судить, у них не было единой веры, поскольку есть сведения о различных сектах, некоторые из которых явно относились к Зерванизму. Похоже, что определенные группы придерживались более древних верований и практик, чем Зороастризм. Кроме того, по-видимому, была определенная иерархия, подразумевавшая постепенное посвящение во все более сокровенные тайны. Конечно, мы знаем очень мало, но в этих сведениях нет ничего противоречащего точке зрения автора. Тем, кто хочет более детально изучить этот вопрос, мы рекомендуем воспользоваться книгой Профессора Frye, *The Heritage of Persia* (Наследие Персии).

К сожалению, в черновик книги не вошла часть весьма интересного материала. Так, печально, что среди всех сект Месопотамии, в той или иной форме, сохранявших древне-вавилонскую культуру и традиции, вообще не упоминаются Манденцы. В этой

гностической секте крещения явно присутствует та преемственность традиции, которую старался показать автор. Кроме того, помимо Вавилонского наследия, существовали также Иранская и Иудейская линии, причем последняя была весьма значительной, и считается, что она имела связи с Иоанном Крестителем и Ессеями. Следует также отметить, что именно у Манденцев Мани получил религиозное образование, прежде чем основал свою собственную конфессию, Манихейство. Значительная часть манденской эзотерической литературы стала доступна сегодня, благодаря трудам Lady E. S. Drower, и ее книге *The Secret Adam* (Тайный Адам). Помимо того, что эта книга содержит много сведений о Манденцах, в ней также приведены опережающие библиографические ссылки.

В этой книге также упоминается еще одна секта, Сабианская, из города Харран в 150 километрах от Алеппо. Это была удивительно интересная гностическая секта, которая также сохранила значительную часть древней вавилонской традиции, совместив ее с элементами греческого Гностицизма. Члены этой секты сделали большое дело, переведя многие важные греческие труды на арабский язык, во время исламского периода. На первый взгляд, это может показаться весьма заурядной работой, но мы сегодня понимаем, что это был очень важный вклад. Результаты не ограничились тем, что мусульманская философия ассимилировала совершенно новые идеи, но были также сохранены многие греческие труды, которые, в противном случае, почти наверняка были бы утеряны. Последние, в свою очередь, сыграли значительную роль в Европейском Ренессансе. Весьма информативную статью В. Dodge о Сабианцах Харрана можно найти в *Festival Book of the American University of Beirut*, 1967.

Уже после смерти автора, вышли две книги которые значительно проясняют картину арабского завоевания Персии и ее обращения в Ислам. Это *The Cambridge History of Iran* и *Professor Frye's The Golden Age of Persia*, каждая из которых повествует о периоде, начавшемся с арабских вторжений и закончившимся появлением сельджуков. Автора, помимо всего прочего, интересовало, почему Зороастризм практически без боя сдал свои позиции Исламу, но имевшиеся в его распоряжении источники явно не позволили ему найти удовлетворительный ответ на этот вопрос. Насколько можно судить сегодня, Сассанидская империя изжила себя и переживала упадок, как во время правления Хосроя II так и после его смерти. Зороастризм, в свою очередь, также катился в пропасть, в силу, как внутренних, так и внешних причин, в том числе, посягательств со стороны других религий, таких как, Несторианство и Монофизитское Христианство. В связи с этим, вряд ли стоит удивляться краху Зороастризма.

Профессор Фрай справедливо подчеркивает важное отличие восточных иранцев от западных. Обращение западных сассанидских иранцев, безусловно, было не мгновенным, а постепенным, хотя и необратимым процессом. В силу экономических и социальных преимуществ мусульманского населения, а также краха политической системы, поддерживавшей зороастрийское духовенство, обращение продвигалось неуклонно и без особых неожиданностей.

В то же время, события, происходившие в Хорасане и Центральной Азии, имеют особое значение для гипотезы высказанной автором в настоящей книге. Восточные иранцы, населявшие этот район, по большей части, не подчинялись сассанидским правителям, и контактировали с огромным количеством различных сект, верований, племен и рас. Политические и религиозные восстания в этом районе не только стали причиной прихода к власти Аббасидского Халифата, но также сыграли основную роль в превращении Ислама из арабской в мировую религию. Однако это еще не все. Дело в том, что зарождение Иранских династий способствовало развитию нового персидского языка, литературы и культуры, которые были принесены турками сельджуками на запад. На

примере этого раннего периода, можно сделать вывод о динамической роли, которую этот район играл в формировании культуры Исламского мира.

Относительно Ходжагана, следует упомянуть одну важную статью, которой не было в распоряжении у автора, но из которой видно, каким образом можно было бы связать четвертую главу, "Время Христа", с Учителями Центральной Азии. Статья, *Autour du Dare Mansour: L'apprentissage Mystique de Baha ad-Din Naqshband*, написанная М. Моле, вышла в журнале *Revue des Etudes Islamiques* в 1959 году. Приводя много рассказов о Ходжагане, Моле подчеркивает явное влияние Маламатии на традицию Учителей. Нишапур в Хорасане был известен как важный центр Маламатии, а Абу Язид Бистами считается важной личностью в родословной, как Маламати, так и Накшбанд. В то же время, Моле отрицает их непосредственную связь, поскольку Накшбанд отвергали многие излишества Маламатийцев. Тем не менее, он подчеркивает, что основные принципы унижения и смиренности, а также признание себя самым недостойным из всех созданий и стремление не показывать свою религиозность и духовный прогресс, были характерны для обеих школ. Из всего этого очевидно, что именно унижение и смиренность были основой связи между "Временем Христа" и путем Ходжагана.

Наконец, есть еще одна книга, которой не было в распоряжении автора, но которую мы настоятельно рекомендуем читателю. Это книга J. S. Trimingham, *The Sufi Orders in Islam* (Суфийские Ордена в Исламе). Мы рекомендуем эту книгу не только потому, что это первая научная работа, к которой признается колоссальное значение Ходжагана и материал которой удивительным образом подтверждает точку зрения автора. Помимо всего прочего, она содержит весьма ценное описание Суфизма в целом и его различных орденов, таких как, например, Маламатийский, о котором уже шла речь. Книга также предоставляет прекрасный библиографический список, и читатель может углубиться в более детальное изучение интересующего его вопроса. Единственным недостатком этой книги является ее "подогнанность".

Очевидный пример подтверждения Тримингемом точки зрения автора настоящей книги можно обнаружить на стр. 90. "В Центральной Азии, период, отделявший Монгольское Нашествие от основания Сафавидской династии в Персии, можно назвать смутным временем, которое сыграло решающую роль в отношении будущего Ислама в этом регионе. В первую очередь, в результате Монгольского Нашествия, Ислам был смещен с положения государственной религии. Ему теперь приходилось подтверждать собственную жизнеспособность и приспособляться к немусульманским правителям, шаманистам, буддистам или катакомбным христианам. Это время было переполнено разного рода возможностями, и, в итоге, Ислам стал преобладающей религией во всей Центральной Азии. При этом Суфизм имел очень большое значение, прежде всего, не как Путь, а благодаря своим ярким представителям, сила которых проявлялась даже после смерти и исходила от их могил, многие из которых были воздвигнуты монгольскими правителями".

Повествуя об ордене Накшбанд, Трименгем пишет, что он "хотя и был явно иранским и урбанизированным, тем не менее, считался многими татарскими племенами неким религиозным связующим звеном". Трименгем совершенно справедливо называет Убайдаллаха Арара наиболее влиятельной фигурой после Бахауддина, и показывает, что три региональные линии этого ордена, азиатская, западная турецкая и индийская берут свое начало именно от него. Он также пишет, что "Правители всех независимых государств, возникших на территории Монгольской империи, (за исключением Персии) благосклонно относились к этому великому суннитскому ордену, почитали его лидеров во время их жизни, а также воздвигая мавзолеи над их могилами и жилища для их дервишей. Хотя с течением времени орден сдавал свои позиции, он остался преобладающим

региональным орденом, с крупными центрами в Самарканде, Мерве, Хиве, Ташкенте, Герате и Бухаре. Кроме того, значительное количество приверженцев было также и в Китайском Туркестане и Коканде, Афганистане, Персии, Белуджистане и Индии".

Хотя Тримингем уделяет гораздо больше внимания относительно недавнему распространению Накшбандийа в Индии и Турции, на основе его книги можно воссоздать генеалогическое древо, приведенное в конце эпилога, на котором отражены все ордена, берущие свое начало от Йусуфа Хамадани и его сподвижников. Слева мы видим орден Накшбандийа, на основе которого, начиная с семнадцатого века, зарождались другие ордена, хотя сам он оставался и остается преобладающим орденом. В центре отображены орден Халватийа, наиболее влиятельный в западной Турции, а также Сафавийа, давший начало Сафавидской династии в Персии, и породивший ряд других орденов, таких как Байрамийа и Джилватийа. Справа мы видим ордена Ясавийа и Бекташийа, два чрезвычайно влиятельных ордена, которые вправе претендовать на основную роль в возрождении турецкой духовности и создании удивительной турецкой мистической литературы.

Может быть, эти имена ни о чем не говорят читателю, однако даже в этом случае, вполне очевидно, что Йусуф Хамадани и Хваджи раннего периода играли чрезвычайно важную роль в установлении мира, а также пробуждении духовного самосознания и вообще религиозности у значительной части мирового населения на протяжении многих веков. То, что такие скромные люди могли оказывать настолько существенное влияние на окружающий их мир, пребывавший в постоянном смятении и опасности гибели и разрушений, трудно не назвать чудом. Именно по этой причине автор так настоятельно обращает наше внимание на их деятельность как свидетельство участия высшего разума в жизни человечества.

Помимо Мусульманского мира, насколько можно судить по самым первым наброскам книги, автор хотел также включить главу о европейских Учителях. В связи с этим, мы считаем своим долгом ознакомить читателя с тем немногим, что было написано автором на эту тему. Возможно, это будет интересно читателю, а, может быть, станет основой для дальнейших изысканий. Хотя у нас есть всего лишь список имен, этого достаточно, чтобы понять намерения автора: "Готические Учителя. Анонимность создателей соборов и витражей. Крестовые Походы. Святой Франциск в Египте и Сирии. Данте Алигьери. Торкуато Тассо. Германские мистики. Мейстер Экхарт и Друзья Бога. Данс Скотус и Роджер Бэкон. Джэкоб Боэм. Бегуины и Друзья Общей Жизни. Учителя в Голландии. Английская Тайна. Учителя живописи. Массацио и Боттичелли. Леонардо. Астрономы и алхимики. Кеплер. Коперник. Галилей. Бойль. Ньютон. Поиски Космического Закона. Розенкрейцеры и истоки Свободного Масонства. Учителя современности. Киеркигард. Прерафаэлиты".

Наконец, тот же набросок содержит план завершающей главы. Вне всяких сомнений, если бы книга была написана на основе первого наброска, то это было бы совершенно иное произведение. Так или иначе, мы решили ознакомить читателя и с этими строками автора, чтобы каждый мог поразмыслить над тем вопросами, которые тогда интересовали его. Глава называлась "Учителя Будущего" и включала в себя следующие разделы: "Учителя переходных периодов. Грядущая Эпоха. Демииург и Новый Человек. Что следует понимать под Вторым Пришествием Христа. Настоящий момент и то, что было двенадцать тысяч лет назад. Социальная революция Неолитического Периода. Социальная революция следующего столетия. Синергизм как сотрудничество человека и Демииургического Разума. Психокинетическое общество в психостатическом мире. Долгосрочный прогноз на будущее. Грядущие двенадцать тысяч лет и рождение Новой Расы Людей".

Чрезвычайно интересно было бы узнать, как автор ответил бы на эти вопросы. Или, может быть ... нет? Мы назвали здесь заголовки намечавшихся разделов, поскольку те из нас, кто работал с автором, знают, что его жизнь была посвящена пробуждению интереса людей к настоящим вопросам, а также поддержке тех, кто пытался найти собственные ответы на них. Немногие станут Учителями, но эта книга подает надежду всем, без исключения; мы всегда найдем в ней нужное нам руководство, если, конечно, задаем себе те вопросы, о которых говорилось в начале Драматической Вселенной. При этом, вне всякого сомнения, работа автора принесла свои плоды уже очень давно. Мы уверены, что автор одобрил бы то, что мы заканчиваем эту его последнюю книгу тем вопросами, которые так просто обобщают суть его постоянных поисков смысла и цели жизни на Земле.

"Откуда взялось Я?"

"Кто Я?"

"Какая задача стоит передо мной?"

*Симон Вейтман
1977 г. Англия*

TURKISTAN LIBRARY

www.turklib.com

